А. Зыковъ.

КАКЪ И ЧѢМЪ

УПРАВЛЯЮТСЯ ЛЮДИ.

ОПЫТЪ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГIИ.

Feci quod potui, faciant meliora potentes.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1898.

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Мая 1898 г.

Библиотека "Руниверс"

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I.

стр.

ГЛАВА I. Психическія основанія человѣческихъ поступковъ.... 11

ГЛАВА II. Способы управленія поступками человѣка....... 21

ГЛАВА III. Способы вліянія на человѣка.... 45

ГЛАВА IV. О возможности расширенія выводовъ, пригодныхъ для одного человѣка, на цѣлую группу людей и свойства коллективной единицы.... 53

ГЛАВА V. Вліяніе человѣка на толпу.... 62

ГЛАВА VI. Воздѣйствіе толпы на саму себя и на руководителя. 73

ГЛАВА VII. Организація войскъ.... 80

Часть II.

ГЛАВА I. Голодъ, жажда и усталость.... 96

ГЛАВА II. Печаль, радость и гнѣвъ.... 104

ГЛАВА III. Страхъ.... 111

ГЛАВА IV. Нравственныя побужденія, какъ противовѣсъ страху.... 118

ГЛАВА V. Управленіе войсками.... 134

ГЛАВА VI. Объ обратномъ вліяніи производимыхъ поступковъ. 159

ГЛАВА VII. Управленіе непріятельскими войсками.... 169

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ОТЪ АВТОРА.

Какъ и чѣмъ управляются люди, т. е. каковы способы вліянія на людей? Вліяніе можетъ быть механическимъ или психическимъ. Послѣднее и составляетъ par excellence предметъ военной психологіи, такъ какъ веденіе войнъ требуетъ такого вліянія на поступки людей, при которомъ ихъ дѣйствія идутъ въ разрѣзъ съ могущественнымъ закономъ самосохраненія. Указаніе различія между психическимъ и механическимъ вліяніемъ будетъ по этому указаніемъ границъ военной психологіи. Для различенія этихъ вліяній принято слѣдующее основаніе: механическое вліяніе опредѣляется равенствомъ дѣйствія и причины и можетъ быть измѣрено величиною $\frac{mr^2}{2}$. Вліяніе, не подверженное измѣренію массъ,—составитъ воздѣйствіе психическое. Сознаю, что это опредѣленіе не вполнѣ точно. Электрическій токъ, пропущенный черезъ мышцу трупа, произведетъ работу, не могущую быть измѣренной массой электрическаго тока. Но вѣроятно, если измѣрить и суммировать $\frac{mr^2}{2}$ мельчайшихъ частицъ проволоки и генератора электрической энергіи, то равенство $\frac{mr^2}{2} = \frac{m_1^2 r_1^2}{2}$ будетъ возстановлено. На это можно

Библиотека "Руниверс"

возразить, что психическія состоянія могутъ быть также измѣряемы $\frac{mv^2}{2}$ мельчайшихъ мозговыхъ и нервныхъ молекулъ. Въ такомъ случаѣ военная психологія будетъ отраслью молекулярной механики.

Психологія можетъ быть психологіей познаванія и психологіей настроенія. Военная психологія имѣетъ цѣлью изслѣдовать вліяніе на поступки, а поступки рѣшаются не логикой, а чувствомъ. Поэтому военная психологія базируется на аффективной психологіи. Что касается до психологіи познаванія, то она участвуетъ въ психологіи поступка своими результатами, а не механизмомъ ихъ достиженія. Поэтому всѣ дефиниціи, имѣющія важное теорическое значеніе, въ жизни таковаго не имѣютъ, а потому минуя термины: инстинктъ, идеація, разумъ, концепція, аперцепція и т. д., я употреблялъ слова понятіе, мысль, идея—для выраженія всего, что выше ощущенія, безъ дальнѣйшей взаимной іерархіи.

Аффективная психологія является вообще весьма мало разработанной. По этому поводу Рибо пишетъ: «Психологія аффективныхъ состояній до сихъ поръ еще очень туманная и мало разработанная наука. Хотя современное увлеченіе психологическими изслѣдованіями отразилось и на ней, тѣмъ не менѣе она мало привлекла къ себѣ вниманіе ученыхъ, доказательствомъ чему могутъ служить библіографическіе указатели текущей психологической литературы, выходящіе въ Германіи, Америкѣ и Франціи». Въ частности по военной психологіи я широко воспользовался рядомъ статей Сергѣя Гершельмана о «Нравственномъ элементѣ въ рукахъ начальника».

Если малая разработка и туманность аффективной пси–

Библиотека "Руниверс"

хологіи была замѣтна для такого опытнаго ученаго, какъ д-ръ Рибо, то для меня она была огромнымъ затрудненіемъ. Отчасти этимъ я прошу объяснить пробѣлы, неточности и другіе промахи настоящей работы. Весьма вѣроятно, что если критика обратитъ на нее вниманіе, то строгою логикой и точными данными она разобьетъ слово за слово мои аргументаціи и не оставитъ отъ нихъ и двухъ словъ достойныхъ вниманія. Но если, основываясь на этомъ, она обратится ко мнѣ съ упрекомъ, что не надо было браться за непосильную работу въ области, почти вовсе не изслѣдованной, то на это я отвѣчу словами эпиграфа, помѣщеннаго въ головѣ книги: Я сдѣлалъ, что могъ, пусть тѣ, которые могутъ, дѣлаютъ лучше.

А. Зыковъ.

5-го Іюля 1898 года.

Библиотека "Руниверс"

Часть I.

ГЛАВА I.

Психическія основанія человѣческихъ поступковъ.

Разсматривая духовную дѣятельность человѣка, ее обыкновенно дѣлятъ на дѣятельность умственную и на дѣятельность волевую.

Между духовной и физической дѣятельностью гранью служатъ ощущенія. Какъ воспріятіе дѣйствія внѣшняго міра, ощущенія относятся къ физическому міру. Какъ объясненіе этого раздраженія—къ духовному. Сознанное ощущеніе составляетъ уже цѣлое сужденіе, цѣлый силлогизмъ, большой посылкой котораго будетъ существованіе познающаго лица, средней—существованіе внѣшняго міра, а выводомъ—сознаніе ощущенія. Каждый предметъ входитъ въ наше сознаніе различными путями, а потому надѣляется различными качествами. Такъ, желѣзо на осязаніе твердо и холодно, на зрѣніе черно, на слухъ звонко и т. д. Олово обладаетъ тѣми же качествами, только для зрѣнія оно уже не черно, а бѣло. Мѣдь—красна и т. д. Большое число общихъ качествъ заставляетъ наше сознаніе признать желѣзо,

Библиотека "Руниверс"

олово, мѣдь и т. д. однимъ и тѣмъ же въ нѣкоторомъ родѣ и это одно и то же сливается въ словѣ: металлъ. «Металлъ»— это не есть отвлеченіе общихъ признаковъ, какъ учитъ насъ логика, такъ какъ въ этомъ случаѣ слово «металлъ» поднимало бы въ нашемъ сознаніи нѣчто холодное, твердое, звонкое, но безцвѣтное. Напротивъ, въ понятіе «металлъ» войдутъ всѣ ощущенія полностью, испытанныя при ознакомленіи съ желѣзомъ, оловомъ, мѣдью и т. д. Общія черты взаимно усилятся, а потому займутъ первенствующее мѣсто, частныя — расположатся по частотѣ, но ни одно не погибнетъ безслѣдно.

Когда мы видимъ розу, то обыкновенно слышимъ ея запахъ, пробуемъ на ощупь, а иногда и на вкусъ ея лепестки, т. е. роза возбуждаетъ вмѣстѣ съ зрительными ощущеніями, обонятельныя, вкусовыя, осязательныя и т. д. Всѣ эти ощущенія связываются съ звуковымъ сочетаніемъ: *ро-за*. Одновременное возбужденіе однообразныхъ ощущеній однимъ предметомъ служитъ причиной связи идей, возбуждаемыхъ каждымъ ощущеніемъ. Эта связь извѣстна въ наукѣ подъ названіемъ *ассоціаціи идей*, и она придаетъ единство разнообразнымъ мыслямъ, единство во множествѣ, составляющее основаніе духовной жизни человѣка. Слыша знакомый запахъ, въ мозгу возникаютъ всѣ ощущенія, сопровождающія обыкновенно этотъ запахъ, и я говорю: здѣсь пахнетъ розой. А между тѣмъ не только въ данномъ случаѣ можетъ и не быть розы, но вообще въ природѣ нѣтъ ничего, соотвѣтствующаго понятію «роза». Розы вообще — нѣтъ. Существуютъ лишь опредѣленные цвѣты, изъ которыхъ каждый даетъ рядъ вполнѣ опредѣленныхъ ощущеній, при чемъ точная комбинація этихъ ощущеній лишь весьма рѣдко можетъ повториться въ другомъ цвѣткѣ. «Роза» суще-

Библиотека "Руниверс"

ствуетъ только въ нашемъ мозгу и есть искусственная сумма опредѣленныхъ зрительныхъ, обонятельныхъ, осязательныхъ и другихъ ощущеній, имѣющая такую же реальную цѣнность, какъ чудовища народной фантазіи въ родѣ человѣка съ козлиными копытами.

Левкои, резеда и другіе цвѣты дадутъ другія комбинаціи идей, отчасти схожихъ, отчасти отличныхъ отъ предыдущей. Суммируя ихъ, мы создаемъ болѣе общее понятіе «цвѣтокъ». Это понятіе будетъ ассоціировать идеи болѣе отдаленныя однѣ отъ другихъ, которыя никогда не вмѣстятся даже приблизительно въ одинъ конкретный предметъ. Комбинируя такимъ образомъ первичныя ощущенія, человѣкъ доходитъ до такихъ высотъ синтеза [1]), каковы понятія «доброты», «пользы», «все». Такія понятія принято называть отвлеченными, потому что, составляя ихъ, человѣческій умъ якобы отвлекаетъ общія черты, пренебрегая прочими, и изъ нихъ строитъ идеи. Если бы это было такъ, то въ чемъ заключалась бы разница понятій «все» и «нѣчто»? «Нѣчто»—это порогъ ощущенія и познанія. Чувства указываютъ на присутствіе чего-то неопредѣлившагося. «Все»—это вершина ощущенія и познанія. Пройдена вся гамма ощущеній и познаній. На вопросъ, что такое нѣчто? едва-ли кто-нибудь отвѣтитъ что-нибудь, кромѣ того, что нѣчто—это нѣчто. А на вопросъ, что такое все? вѣроятно, всякій отвѣтитъ: все?—это солнце, люди, я, деревья, пѣсни, струны, весь міръ!

Возможность создавать обширныя, такъ называемыя общія понятія, допускаетъ умственную дѣятельность, какъ деньги допускаютъ торговлю или какъ цифры — матема-

[1]) Не точно называемыхъ абстракціей.

Библиотека "Руниверс"

тику. Строго говоря, ни одно слово не имѣетъ эквивалента во внѣшнемъ мірѣ и каждое изъ нихъ возбуждаетъ цѣлый рядъ ощущеній, входившихъ въ составленіе представленія о цѣломъ рядѣ предметовъ, общее понятіе которыхъ это слово составляетъ. Комбинируя различныя понятія, мы достигаемъ высшихъ сферъ умозрѣнія, при чемъ наиболѣе изъ такъ называемыхъ отвлеченныхъ понятій будутъ и наиболѣе богаты ощущеніями, такъ какъ они будутъ составлены изъ познанія наибольшаго числа предметовъ. Но всѣ эти ощущенія будутъ настолько различнаго свойства и каждое изъ нихъ будетъ такого минимальнаго размѣра, что принято говорить объ отвлеченныхъ предметахъ, какъ о наименѣе затрогивающихъ чувство. Мнѣніе крайне ошибочное. Наиболѣе интенсивное и вполнѣ конкретное ощущеніе—половое, вполнѣ опредѣленнаго характера. Разъ испытанное, оно скоро забывается до новаго возбужденія. Продолжительность его не велика. Иначе ощущеніе «долго». Характеръ этого ощущенія неопредѣленъ. Напряженность его не можетъ равняться напряженности полового ощущенія. Но дѣйствіе его весьма продолжительно. Первое—рѣзкій звукъ туго натянутой струны, опредѣленный, ясный и непродолжительный. Второе — аккордъ басовыхъ струнъ, приводящихъ въ вибрацію весь инструментъ, звукъ неопредѣленный, глухой и продолжительный.

Такимъ образомъ, умственная дѣятельность человѣка зиждется и сопровождается ощущеніями. Ощущенія же обусловливаютъ и волевую дѣятельность.

Волей называется сила, вызывающая поступокъ, т. е. приводящая въ дѣйствительность стремленіе человѣка къ опредѣленному ощущенію. Надо твердо помнить, что никакой человѣческій поступокъ не можетъ быть обусловленъ

Библиотека "Руниверс"

однимъ понятіемъ. Онъ всегда обусловливается ощущеніемъ, чувствомъ. «Идея, говоритъ Рибо, если она не болѣе, какъ простой фактъ сознанія, безсильна и не можетъ произвести ничего: она дѣйствуетъ только тогда, когда она сопровождается аффективнымъ состояніемъ... Чтобы стать реальнымъ двигателемъ исторической жизни, идея должна превратиться въ чувство». Такимъ образомъ, ощущеніе, какъ факторъ познанія, есть краеугольный камень умственной дѣятельности, то же ощущеніе, какъ двигательный импульсъ — волевой, при чемъ, подобно вѣтвямъ одного ствола, они независимы другъ отъ друга, взаимно не подчинены, хотя и могутъ вліять другъ на друга косвенно. Если идеи покоятся на соотвѣтствующихъ ощущеніяхъ, то и результатъ умственной дѣятельности—рѣшеніе, найдетъ свой эквивалентъ въ чувствахъ, а потому и поступки его по качеству и силѣ будутъ соотвѣтствовать умственной работѣ. Случай этотъ, очевидно, будетъ наивыгоднѣйшій для проявленія дѣятельности, и онъ предъявленъ Наполеономъ I, какъ требованіе отъ полководца, *чтобы умъ и воля составляли квадратъ*. Отклоненія отъ этого могутъ быть въ обѣ стороны: или идеи не вызываютъ достаточно сильныхъ ощущеній или напротивъ, ощущенія, вызываемыя идеями, превосходятъ по напряженію важность и стоимость этихъ идей. Въ первомъ случаѣ мысли протекаютъ правильно, логически, но не связанныя съ ощущеніями не могутъ быть приведены въ исполненіе. Это будетъ типъ нерѣшительности. Таковы въ большинствѣ случаевъ теоретики, въ головѣ которыхъ идеи создались вдали отъ дѣйствительности, а потому бѣдны ощущеніями. Напротивъ, практикъ не выходитъ почти изъ области конкретныхъ предметовъ, а потому каждая его идея покоится на широкомъ чувственномъ основаніи. Поэтому

Библиотека "Руниверс"

скорѣе можетъ случиться, что онъ придастъ ей чрезмѣрно большое значеніе, и даже оцѣнивъ значеніе вновь появляющагося фактора, будетъ поступать по прежнему, ибо старыя идеи богаты чувствами—и мы будемъ имѣть дѣло съ упрямствомъ, рутиной.

Умственное рѣшеніе есть результатъ сложной комбинаціи внѣшнихъ впечатлѣній съ внутреннимъ духовнымъ міромъ человѣка. Результатъ этотъ можетъ быть отдѣленъ значительнымъ промежуткомъ времени отъ первичнаго внѣшняго впечатлѣнія, вызвавшаго размышленіе, но это внѣшнее впечатлѣніе должно неизбѣжно существовать, т. е. вполнѣ произвольныхъ рѣшеній быть не можетъ, и уже Гоббсъ формулировалъ это въ наиболѣе общее положеніе: Nihil est in intellectu, quod non primus fuerit in sensu, т. е. ничего нѣтъ въ мысляхъ, чего раньше не было бы въ ощущеніяхъ.

Такимъ образомъ схема всякаго поступка будетъ такова: событіе внѣшняго міра дѣйствуетъ какъ первичное раздраженіе на периферіи нашихъ нервовъ и переносится ими въ головной мозгъ, гдѣ въ силу закона ассоціаціи встаютъ скрытые, латентные образы воспоминанія. Каждый изъ этихъ образовъ побуждаетъ къ опредѣленному поступку, въ большинствѣ случаевъ взаимно противорѣчащихъ. При этомъ въ человѣкѣ происходитъ то, что принято называть борьбой мотивовъ. Это составляетъ вторую фазу поступка. Борьба побужденій можетъ быть болѣе или менѣе продолжительна у различныхъ людей и у одного и того же человѣка въ зависимости отъ обстоятельствъ и характеризуется какъ большая или меньшая способность быстро рѣшаться. Борьба мотивовъ заканчивается обыкновенно тѣмъ, что одно изъ побужденій, наиболѣе яркое въ данный моментъ, тор-

Библиотека "Руниверс"

жествуетъ и опредѣляетъ собой третій фазисъ — рѣшеніе. Наконецъ, это рѣшеніе приводится во исполненіе (4-й фазисъ). Эти четыре періода наблюдаются въ всякомъ поступкѣ. Напримѣръ, человѣкъ *увидѣлъ* розу. Ея видъ *поднялъ* въ его головѣ мысли о ея пріятномъ видѣ, запахѣ; ему захотѣлось приблизить и имѣть ее при себѣ. Мысль о себѣ пробудила мысль о другихъ, о правахъ этихъ другихъ на ту же розу, о правахъ собственности. Эта мысль дѣйствуетъ въ обратномъ направленіи съ первой. Первая говоритъ: «возьми», а вторая: «не бери». Наиболѣе правильная обусловитъ *рѣшеніе,* и если она въ то же время окажется и наиболѣе яркой, то это рѣшеніе будетъ *исполнено.* Если роза прекрасна и пахуча, если идея собственности слаба, то человѣкъ сорветъ розу. И наоборотъ: если роза поблёкла, то даже при такой же слабой идеѣ собственности роза можетъ быть несорванной.

Сила впечатлѣнія, произведеннаго въ данномъ случаѣ розой, можетъ быть обусловлена или качествами самой розы, или способностью человѣка сильно воспринимать первичныя ощущенія и въ зависимости отъ этого мыслить конкретными образами, возбуждающими интенсивное ощущеніе. Такъ, напримѣръ, поэты и вообще артисты чувствуютъ сильно, мыслятъ образно, а потому внѣшнія впечатлѣнія имѣютъ на нихъ громадное вліяніе и почти всецѣло обусловливаютъ ихъ поступки. Съ перемѣной внѣшнихъ воздѣйствій мѣняются и ихъ поступки, поэтому они непостоянны, экспансивны, взбаламошны и поступаютъ подъ впечатлѣніемъ минуты. Трудно подъискать болѣе наглядный примѣръ импульсивнаго типа, чѣмъ какой представлялъ извѣстный художникъ Бенвенуто Челини. Ему сообщили, что его любовница и натурщица Екатерина отдалась нѣкоему

Библиотека "Руниверс"

Паголо Мичери. «Негодяй, принесшій мнѣ это извѣстіе, разсказываетъ въ своемъ дневникѣ Челини, приправилъ его такими дополненіями, что я почувствовалъ приступъ горячки. Охватившее меня бѣшенство, быть можетъ, задушило бы меня, если бы мнѣ не пришло въ голову подчиниться ему и дать ему исходъ, воспользовавшись представлявшимся мнѣ случаемъ. Я взялъ съ собой моего ферарскаго рабочаго, по имени Кіочія, и приказалъ моему слугѣ слѣдовать за нами съ своею лошадью. Когда мы поравнялись съ домомъ Паголо, дверь оказалась полуотворенной. Паголо былъ при шпагѣ и кинжалѣ, сидѣлъ на сундукѣ и обнималъ Екатерину. Я услышалъ, что онъ говоритъ съ матерью обо мнѣ, и тогда я внезапно распахнулъ дверь, выхватилъ шпагу и направилъ ему ее прямо въ горло, не давъ ему времени сообразить, что и у него есть шпага. «Подлый трусъ, крикнулъ я ему, поручи Богу душу. Часъ твой насталъ!» Тогда онъ, не смѣя пошевельнуться, три раза прокричалъ: «Мама, мама, помоги!» При этомъ комичномъ возгласѣ весь мой гнѣвъ прошелъ, какъ вдругъ мнѣ пришла на умъ мысль заставить ихъ обвѣнчаться и довершить месть мою лишь впослѣдствіи».

Въ противоположность артистамъ мыслители чувствуютъ слабо, мыслятъ отвлеченно. Идеи высшаго порядка для нихъ ярче, чѣмъ первичныя ощущенія. Поэтому они ровнѣе, устойчивѣе, постояннѣе. Для потрясенія ихъ идей надо, чтобы все то большое количество предметовъ, которые входятъ въ составъ его широкихъ идей, претерпѣли измѣненія. Осада Сиракузъ, ихъ штурмъ, — даже эти сильныя внѣшнія возбужденія не отвлекли Архимеда отъ математическихъ размышленій. Въ приведенномъ примѣрѣ съ розою, можно заранѣе сказать, что артистъ скорѣе послѣ-

Библиотека "Руниверс"

дуетъ первому влеченію и сорветъ ее, а философъ — не сорветъ.

Тѣмъ или другимъ характеромъ рождаются. Можетъ быть, такимъ или другимъ характеромъ дѣлаются воспитаніемъ, обстановкой. Но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, человѣкъ, предоставленный самому себѣ, поступитъ всегда одинаковымъ образомъ, обусловленнымъ его ощущеніями и воспріятіями. «Наши поступки, говоритъ Цигенъ, составляютъ необходимое послѣдствіе ассоціаціи идей. Въ ассоціацію идей входитъ извѣстное число ощущеній и образовъ воспоминаній, и результатомъ ихъ взаимодѣйствія является поступокъ безъ вмѣшательства какой-либо новой душевной дѣятельности. Особой силы воли—не существуетъ». Выше мы старались указать, какимъ образомъ ощущенія съ одной стороны пораждаютъ размышленія, съ другой — поступокъ. Въ простѣйшихъ проявленіяхъ между ними рѣдко не существуетъ гармоніи. Но по мѣрѣ усложненія умственной дѣятельности возникаютъ такія сложныя отношенія, что согласованіе ихъ — удѣлъ весьма немногихъ; это согласованіе представляется людямъ въ формѣ особой работы, а силу, ее производящую, называютъ силой воли. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ же заключается эта сила воли, какъ не въ согласованіи поступковъ съ идеями, которыя мысль находитъ правильными. Тотъ же Цигенъ устанавливаетъ универсальный законъ человѣческой дѣятельности, а именно, что тотъ или другой поступокъ имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, если идея, его сопровождающая, имѣетъ положительный тонъ ощущенія. Тономъ ощущенія называется отношеніе къ нему познающаго субъекта. Если человѣкъ познаетъ ощущеніе какъ пріятное — то это будетъ ощущеніе положительнаго тона, если оно познается какъ непріятное, то тонъ

*

Библиотека "Руниверс"

его отрицательный. Въ сущности то же самое говоритъ и Шопенгауеръ, указывая, что воля есть хотѣніе и это хотѣніе управляетъ поступками человѣка[1]). Но хорошо извѣстно и никто съ этимъ не станетъ спорить, что заставить себя чувствовать и хотѣть — нельзя, а безъ этихъ факторовъ не существуетъ и поступковъ а потому заставить себя поступать такъ или иначе, т. е. проявленіе силы воли — невозможно. Но человѣкъ можетъ быть рожденъ съ такой счастливой организаціей, что мысли и чувства его вполнѣ координируются въ его духовной жизни. Кромѣ того, живя въ средѣ конкретныхъ предметовъ, такъ чтобы сама жизнь слагала высшія идеи изъ простыхъ ощущеній, а не помимо ихъ, у человѣка можетъ создаться гармонія чувства и мыслей. Такимъ образомъ, то, что называется силой воли можетъ или быть даромъ, присущимъ отъ рожденія, или пріобрѣтеніемъ, но пріобрѣтеніемъ путемъ знанія и опыта жизни, но оно не можетъ проявиться спорадически, въ какомъ-либо одномъ отрывкѣ жизни.

Но если человѣкъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не можетъ управлять своими поступками, то можетъ ли быть рѣчь объ управленіи чужими поступками, поступками другихъ лицъ? Конечно можетъ. Каждый человѣкъ является для другого внѣшнимъ предметомъ, порождающимъ рядъ опредѣленныхъ ощущеній. Эти ощущенія вызовутъ новую ассоціацію идей и въ борьбѣ мотивовъ примутъ участье новыя цѣпи представленій, а слѣдовательно, можетъ быть обусловленъ совершенно иной поступокъ. Къ нему побудятъ, конечно, не тѣ идеи, которыя будутъ возбуждены, а тѣ ощущенія, которыя будутъ ихъ сопровождать.

---

[1]) Спиноза говоритъ: воля такъ же, какъ и разумъ, есть только состояніе мышленія.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА II.

Способы управленія поступками человѣка.

Каждый поступокъ является результатомъ борьбы мотивовъ, которая въ свою очередь рождается изъ ассоціаціи идей. Одна изъ идей, становясь господствующей и группируя около себя рядъ другихъ идей, дѣйствующихъ въ одинаковомъ съ ней направленіи, опредѣляетъ поступокъ. Идеи, каковы бы онѣ ни были, создаются въ мозгу человѣка только подъ вліяніемъ внѣшняго ощущенія, поэтому внѣшнее ощущеніе является исходной точкой всякаго поступка. Простѣйшій примѣръ даетъ намъ человѣкъ, гуляющій по саду и замѣтившій розу, видъ которой производитъ опредѣленное ощущеніе, положительный тонъ котораго побуждаетъ человѣка взять эту розу себѣ. Чѣмъ лучше видъ и запахъ этой розы, тѣмъ вѣроятнѣе становится поступокъ. Отъ садовника зависитъ въ извѣстныхъ предѣлахъ сдѣлать розу лучше или хуже и этимъ до извѣстной степени руководить поступкомъ. Назовемъ этотъ способъ вліянія на чужіе поступки *способомъ вліянія силой ощущенія.* Этотъ способъ зачастую примѣняется въ общественной жизни для понужденія къ поступкамъ, исполненіе которыхъ сопряжено съ трудомъ, страданіями и даже смертью. Какъ извѣстно, не такъ еще давно въ Индіи сжигали вдовъ съ трупами ихъ мужей. Обрядъ этотъ совершался съ большой торжественностью. Красота этихъ обрядовъ, ихъ картинность притягивала къ себѣ, какъ притягиваетъ красота и ароматъ розы, и побуждала и облегчала вдовамъ слѣдовать этому обычаю, даже послѣ его запрещенія англичанами. Конечно, къ этому

Вліяніе силой ощущенія.

Библиотека "Руниверс"

побуждали и другіе мотивы, болѣе возвышеннаго характера, но несомнѣнно и этотъ игралъ значительную роль. Благолѣпіе, красота внѣшняго вида и убранства церквей, органы и хоры пѣвчихъ точно также могутъ побуждать прихожанъ чаще ходить въ церковь. Красота мундира и звонъ шпоръ играютъ ту же роль для поступленія на военную службу. Для побужденія человѣка къ желаемому поступку ему показываютъ золото и звенятъ имъ, обѣщая его въ награду. Если нѣтъ возможности непосредственно показать предметъ, стремленіемъ къ обладанію котораго хотятъ воспользоваться, то довольствуются описаніемъ его красотъ, значенія и цѣны. Разсказами о несмѣтныхъ богатствахъ и сокровищахъ поощряютъ разбойничьи банды и грабителей. Однимъ словомъ, вліяніе на поступки силою ощущеній составляетъ соблазнъ, и именно его употребилъ великій соблазнитель, когда «возвелъ Соблазняемаго на высокую гору, показалъ всѣ царства вселенной во мгновеніе времени и сказалъ: поклонись мнѣ и Тебѣ дамъ власть надъ всѣми сими царствами и славу ихъ».

Успѣшность способа вліянія силой ощущенія опредѣляется съ одной стороны впечатлительностью человѣка, съ другой—возможностью, украшая или измѣняя побуждающій предметъ, усилить или ослабить порождаемыя имъ ощущенія. Натуры артистическія, экспансивныя легче подчиняются этому способу. Картинность, эффектъ поступка, зачастую заставляетъ ихъ дѣлать и поступать въ разрѣзъ общему строю ихъ мысли. Таковъ, напримѣръ, Орасъ, въ романѣ того же имени Жоржъ-Зандъ. Усилить же впечатлѣніе, улучшая предметъ, можно въ довольно незначительныхъ размѣрахъ. Легче это сдѣлать для цѣлаго общества, а потому этотъ способъ, какъ указано выше, довольно

Библиотека "Руниверс"

широко практикуется въ обыкновенное время въ общественной жизни, но и тутъ оно достигается лишь продолжительными усиліями. Для отдѣльнаго же лица и въ короткое время этотъ способъ оказывается мало пригоднымъ, ибо при этихъ условіяхъ улучшить предметъ и измѣнить обстановку такъ, чтобы они побуждали человѣка къ желаемому поступку—крайне трудно. Часто, а на войнѣ въ большинствѣ случаевъ, обстановка и привлекательность поступковъ и предметовъ сложится въ нежелательномъ направленіи, а потому склонность человѣка опредѣлять свои дѣйствія внѣшними впечатлѣніями—не выгодна, въ дѣлѣ управленія чужими поступками. Такой экспансивный народъ, какъ древніе аѳиняне— служатъ прекрасной иллюстраціей. Управленіе ими было дѣломъ настолько труднымъ, что съ нимъ справился только великій Периклъ, да и тотъ два раза лишался этой власти. Поэтому тамъ, гдѣ управленіе чужими поступками должно достичь наибольшей полноты—въ войскахъ, тамъ надо путемъ воспитанія и развитія, по возможности, убить впечатлительность ко внѣшнимъ ощущеніямъ, а строгою дисциплиною сковать ее. Спартанцы и аѳиняне могутъ опять послужить нагляднымъ примѣромъ. Военныя качества и экспансивность находились у нихъ въ обратномъ отношеніи.

Вслѣдъ за ощущеніями въ человѣкѣ возникаютъ ассоціаціи идей, т. е. одна за другой возникаютъ идеи, одна съ другой связанныя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ассоціація идей будетъ происходить по внутренней логической ихъ связи. Такъ, видъ ружья ассоціируется съ выстрѣломъ, выстрѣлъ съ раной, рана съ болью и т. д., и только въ силу

Библиотека "Руниверс"

подобной ассоціаціи видъ ружья можетъ вызвать тотъ или другой поступокъ. Назовемъ такую ассоціацію систематической, въ отличіе отъ другой, тоже логической, но ассоціацией по противоположности. Эта послѣдняя тоже поднимаетъ идеи въ извѣстной логической связи, но при ней наибольшую устойчивость получаетъ обратная сторона идеи. Дѣло въ томъ, что сознаніе каждаго ощущенія, каждой мысли слагается изъ одновременнаго сознанія ея бытія и небытія. Мы познаемъ ощущеніе свѣта только потому, что мыслимъ въ то же время объ его отсутствіи. Мы сравниваемъ наши ощущенія въ свѣтѣ и темнотѣ и, только благодаря этому сравненію, а не самому ощущенію имѣемъ идеи о свѣтѣ и тьмѣ. Чтобы сравнивать, необходимо одновременное существованіе сравниваемыхъ предметовъ, но непосредственно воспринимать однимъ чувствомъ человѣкъ можетъ только одно ощущеніе, другое же встаетъ въ мозгу какъ воспоминаніе. Слѣдовательно, когда отъ периферіи къ центру передается ощущеніе, то чтобы быть сознаннымъ, т. е. породить мысль, въ центрѣ должно возникнуть противуположное понятіе, какъ продуктъ воспоминанія отсутствія ощущеній. Ощущенія, которыя не возбуждаютъ противуположныхъ идей — для человѣческаго сознанія не существуютъ. Такъ, только тотъ, кто чувствовалъ, какъ «кровь останавливалась въ жилахъ», могъ чувствовать возникшее вновь кровообращеніе. Обыкновенно же мы не чувствуемъ кровообращенія, хотя оно производитъ въ нервныхъ окончаніяхъ такія перемѣщенія частицъ, что въ физіологическомъ смыслѣ должно быть очень богато ощущеніями. Точно также постоянная и продолжительная боль можетъ перестать ощущаться или ощущаться въ слабѣйшей мѣрѣ. Къ ней привыкаютъ потому, что ощущеніе ее отсутствія забы-

Библиотека "Руниверс"

вается и воспоминаніе объ этомъ не встаетъ столь ярко отъ продолжающейся боли. Послѣ перерыва боль снова почувствуется сильнѣе.

Подобно простѣйшимъ идеямъ, которыя суть лишь сознанное ощущеніе, закону совмѣщенія противоположностей подчинены и наиболѣе отвлеченныя идеи. Когда мы мыслимъ «отечество», то мы одновременно мыслимъ и все лежащее за предѣлами его, т. е. «чужбину», не отечество. Идеѣ бытія непремѣнно сопутствуетъ идея небытія и т. д. Точно также, когда ружье заставляетъ мыслить о смерти, то этимъ самымъ оно возбуждаетъ и мысль о жизни У огромнаго числа людей эти дополняющія мысли звучатъ глухо, составляютъ тѣневую, незамѣтную сторону, не вліяющую почти на поступокъ. Но у многихъ людей эти дополняющія идеи пріобрѣтаютъ первенствующее значеніе и тогда этихъ людей называютъ причудливыми, капризными, спорщиками. Такіе люди чувствуютъ радость на похоронахъ и грустятъ тамъ, гдѣ остальные веселятся. Препятствія для нихъ служатъ лучшимъ поощреніемъ, а споръ для нихъ составляетъ потребность и они спорятъ не потому, что не хотятъ согласиться, а потому, что не могутъ согласиться. Каждая мысль, высказанная собесѣдникомъ, съ неотразимой силой поднимаетъ въ ихъ головахъ противоположныя мысли. Такъ, нѣкоторые комментаторы Гетевскаго Фауста находятъ, что въ Фаустѣ и въ Мефистофелѣ Гете вывелъ одно и то же лицо, разсѣкши его на двѣ половины. Фаустъ полонъ идеями положительными, Мефистофель—отрицательными, и только совокупность этого свѣта съ тѣнью составляетъ настоящаго героя этой поэмы.

И систематическая ассоціація, и ассоціація по противоположности суть ассоціаціи идей логическія, т. е. по

Библиотека "Руниверс"

внутреннему ихъ содержанію. Но существуютъ ассоціаціи, основанныя не на содержаніи идей, а на ихъ формѣ и внѣшнемъ видѣ. Это будутъ ассоціаціи по сходству и смежности. При этомъ если вниманіе обратилось на предметъ бѣлаго цвѣта, то вмѣсто того, чтобы придерживаться логической связи между мыслями, онѣ будутъ переходить къ другимъ предметамъ только на томъ основаніи, что тѣ такъ же, какъ и первыя, окрашены въ бѣлый цвѣтъ. Парусное судно на морѣ логически можетъ вызвать идеи о вѣтрѣ, о товарахъ, объ опасности, смѣлости и т. д., а по сходству можетъ вызвать идеи о снѣгѣ, холодѣ, огнѣ, каминѣ и тепломъ пуншѣ. Сонъ у однихъ вызоветъ идеи постели, отдыха, у другихъ—идеи тронъ, уронъ, кротонъ, т. е. созвучныя слова. Эта послѣдняя ассоціація по созвучію свойственна въ значительной мѣрѣ поэтамъ; та же ассоціація патологически присуща нѣкоторымъ помѣшаннымъ изъ категоріи графомановъ. «То, что происходитъ въ данномъ случаѣ въ умѣ, говоритъ Поланъ, распространяется и на чувства. Извѣстна исторія съ философомъ, полюбившимъ въ молодости косоглазую дѣвушку и съ тѣхъ поръ въ теченіе всей своей жизни питавшимъ особое пристрастье къ косымъ глазамъ».

Смежность можетъ существовать въ пространствѣ и во времени. Если человѣкъ привыкъ видѣть рядомъ съ вагонами локомотивъ, то, думая о локомотивѣ, его идеи легко могутъ ассоціироваться съ идеями о вагонахъ. Если онъ часто ѣздилъ по желѣзнымъ дорогамъ и привыкъ, что послѣ свистка оберъ-кондуктора поѣздъ начиналъ грохотать по рельсамъ, то услышанный свистокъ городоваго можетъ направить его идеи на грохотъ по рельсамъ, способъ издѣлья рельсъ и т. д. Всѣ подобныя ассоціаціи, въ противопо-

Библиотека "Руниверс"

ложность логическимъ, мы назовемъ случайными ассоціаціями. Онѣ свойственны всѣмъ людямъ, какъ и логическія. Частота и степень силы различныхъ способовъ ассоціаціи идей различна для каждаго человѣка и составляетъ индивидуальныя особенности умственнаго склада, а такъ какъ каждая идея основана на ощущеніи, то способъ ассоціаціи идей играетъ видную роль въ опредѣленіи характера человѣка.

Такъ какъ всѣ виды ассоціаціи идей работаютъ одновременно, то ужъ изъ этого одного вытекаетъ необычайная сложность борьбы мотивовъ даже при простомъ поступкѣ. Каковы будутъ вообще пробуждающіяся идеи и какова будетъ ихъ относительная сила—вопросъ прежде всего воспитанія. Во-первыхъ, могутъ явиться идеи только знакомыя [1]), т. е. тѣ, которыя даны будутъ воспитаніемъ. У дикаря, гуляющаго въ чужомъ паркѣ и увидѣвшаго розу, не можетъ пробудиться идея собственности, а слѣдовательно она будетъ отсутствовать въ борьбѣ мотивовъ. У безроднаго раба ударъ бича не подниметъ идеи родовой чести. На этомъ основаніи Гегель высказалъ мысль, что не цѣпи дѣлаютъ раба, а рабское сознаніе. Во-вторыхъ, сила идеи зависитъ отъ частоты ея появленія, т. е. идеи привычныя будутъ сильнѣе непривычныхъ. Это зависитъ не только оттого, что частота идеи обусловитъ легкость ея возникновенія, но и оттого, что чѣмъ чаще возникаетъ идея, тѣмъ разнообразнѣе обстановка ея возникновенія, т. е. тѣмъ въ

[1]) Какъ правило. Исключеніе составляютъ пророки, т. е. люди, которые прорекаютъ, открываютъ новыя положенія, новыя комбинаціи идей. Поступками ихъ никто управлять не можетъ, кромѣ Высшей силы, а потому объ управленіи ихъ поступками—не можетъ быть и рѣчи. Понятно, что подъ понятіе пророки подводятся всѣ геніи-путеводители.

Библиотека "Руниверс"

большее число ассоціацій оно входитъ какъ звено. Рыцарю, которому при всякомъ случаѣ говорили о чести, все окружающее будетъ въ силу этого напоминать о ней. Лошадь, мечъ, поле поднимутъ въ немъ рядъ самостоятельныхъ ассоціацій идей, и всѣ онѣ скрестятся въ одной точкѣ: честь. Понятно, что сила этой центральной идеи выиграетъ, чѣмъ съ большимъ числомъ предметовъ оно связано.

Вліяніе усиленіемъ и ослабленіемъ идей.

Хорошая погода пробудитъ въ головѣ пахаря рядъ идей, среди которыхъ первенствующее мѣсто займетъ идея урожая. Въ головѣ дѣвушки эта погода тоже пробудитъ рядъ идей, но преобладающей будетъ идея той или другой шляпки, которую можно одѣть. Однако, преобладаніе, господство той или другой идеи отнюдь не уничтожаетъ остальныхъ. Такъ крестьянину такъ же не чужда идея одѣть новое платье въ хорошую погоду, какъ не чужда дѣвушкѣ идея вліянія погоды на урожай. Даже первое положеніе о томъ, что идеи могутъ явиться только знакомыя, надо примѣнять съ большою осторожностью. По этому поводу Вундтъ говоритъ: «Человѣку обыкновеннаго средняго образованія, едва владѣющему какою-нибудь тысячью словъ, доступно пониманіе запаса представленій Демосѳена и Шекспира [1]); и поденщикъ, никогда не выходящій за предѣлы нѣсколькихъ сотенъ словъ, понимаетъ, однако-же, двѣсти или триста другихъ словъ, которыми проповѣдникъ въ воскресеніе умножаетъ его запасъ. Представленія, образовавшіяся изъ прежнихъ впечатлѣній, въ немъ уже готовы и подъ вліяніемъ прямого возбужденія могутъ переходить въ сознаніе. Но они не такъ легко подвижны, чтобы обладатель могъ свободно располагать ими каждое мгновеніе». Всѣ эти скрытыя, спящія идеи

---

[1]) Шекспиръ владѣлъ 15.000 словъ, т. е. такимъ же числомъ идей.

Библиотека "Руниверс"

могутъ быть вызваны къ жизни и, принявъ участіе въ борьбѣ мотивовъ, обусловить тотъ или другой его исходъ. Тѣ же, которыя уже существуютъ, могутъ быть усилены. Такъ иногда достаточно сказать человѣку, собирающемуся сорвать розу: «да вѣдь это чужой садъ», чтобъ этими словами усилить идею права на собственность и измѣнить готовящійся поступокъ. Этотъ способъ вліянія на поступки назовемъ *способомъ усиленія и ослабленія идей*.

Способъ усиленія и ослабленія идей состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что вызывается какое-нибудь представленіе, съ расчетомъ возбудить ассоціацію идей, конечнымъ пунктомъ которой будетъ желаемая. Въ жизни это называется наведеніемъ. Такъ, *Яго*, смотря на Кассіо, уходящаго отъ Дездемоны, нарочно говоритъ такъ громко, чтобы его услышалъ входящій Отелло: — «А! вотъ ужъ это мнѣ не нравится!—*Отелло*: Что говоришь ты, Яго?—*Яго*: Нѣтъ, ничего... Но если... я не знаю...—*Отелло*: Не Кассіо ли тамъ только-что разстался съ моей женой?—*Яго*: Кто? Кассіо? О, нѣтъ, нѣтъ, генералъ, я не могу повѣрить, чтобъ это онъ, увидѣвъ васъ, бѣжалъ, какъ будто-бы какой преступникъ». Въ данномъ случаѣ Яго употребляетъ для своихъ цѣлей систематическую ассоціацію идей Отелло. Если бы Отелло обладалъ ассоціацією по противоположности, то Яго достигъ бы противоположныхъ результатовъ. Слова Яго: «а, вотъ это мнѣ не нравится» не вызвали бы у мавра идею чего-то дурного, напротивъ, онъ нашелъ бы очень хорошимъ, что Кассіо уходитъ. Растерянность Яго укрѣпила бы его въ увѣренности, что ничего важнаго нѣтъ и т. д. Школьники часто пользуются ассоціаціями по противоположности, увѣряя товарища въ невозможности какого-либо поступка и дразня

Библиотека "Руниверс"

его. Въ послѣднемъ случаѣ явленіе усложняется примѣшиваніемъ самолюбія..

Случайными ассоціаціями по смежности можно пользоваться, зная ихъ у даннаго лица. Букетъ опредѣленныхъ цвѣтовъ можетъ напомнить данное обѣщаніе, а военный сигналъ можетъ побудить принять рѣшеніе сомнительное и рискованное. Навести мысли на идею путемъ ассоціаціи по сходству весьма трудно, въ виду капризности, такъ сказать, движенія мысли по этому сходству. Этотъ пріемъ болѣе пригоденъ для сведенія съ опредѣленныхъ идей. Т. е. къ конечному пункту данной ассоціаціи придаютъ новую, связывая ихъ промежуточной, основанной на внѣшнемъ сходствѣ. Такъ, видъ похоронъ можетъ напомнить матери о давнишней смерти сына. Упомянувъ о сынѣ, можно перевести рѣчь на дочь, на ея гимназическіе уроки и рождественскіе праздники, и этимъ путемъ ослабить идею о сынѣ. Такія уловки въ жизни называются заговариваніемъ. Если же мы для этой цѣли воспользуемся звукомъ слова, то получимъ игру словъ, каламбуръ. Этими способами въ старое время шуты часто отстраняли нежелательные поступки королей.

Но не всегда ассоціація идей идетъ, такъ сказать, въ центро-стремительномъ направленіи, т. е. внѣшнее впечатлѣніе связывается рядомъ идей съ конечнымъ пунктомъ въ силу тѣхъ или другихъ признаковъ. Бываетъ и наоборотъ. Если какая-нибудь одна идея получитъ безусловно господствующее положеніе, то всякое впечатлѣніе будетъ съ ней связано ассоціацией, единственно по той причинѣ, что эта идея и внѣшнее впечатлѣніе принадлежатъ одновременно одному человѣку. Въ слабой степени это будетъ мнительность, въ сильной—манія. Когда Яго довелъ Отелло до маніи, онъ еще болѣе усиливаетъ его ревность пустяш-

Библиотека "Руниверс"

нымъ разговоромъ съ Кассіо, котораго мавръ даже и не слышитъ. Что за бѣда. Яго знаетъ, что «одна улыбка Кассіо, и Отелло сойдетъ съума. Его слѣпая ревность значеніе дурное въ мигъ придаетъ движеніямъ и взглядамъ, и улыбкамъ бѣдняги Кассіо».

Вліяніе измѣненіемъ хода ассоціаціи.

Тѣ или другія ощущенія, повторяясь, порождаютъ ту или другую ассоціацію идей, которая дѣлается такимъ образомъ привычной. Видя, что на улицѣ мокро, мы рѣшаемъ, что шелъ дождь. Поэтому мы предполагаемъ, что за городомъ должно быть грязно. Вслѣдствіе этого мы отказываемся отъ прогулки за городъ. Но вотъ является человѣкъ и говоритъ, что на улицѣ мокро потому, что ее поливали. Этими словами онъ измѣняетъ ходъ ассоціаціи идей, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняетъ и наше рѣшеніе. Въ результатѣ мы идемъ гулять. Подобный способъ вліянія на поступки мы будемъ называть *вліяніемъ способомъ измѣненія хода ассоціаціи.*

Гладіаторы древняго Рима привыкли ассоціировать мысль о своей смерти съ идеею забавы римлянъ и, идя умирать на арену цирка, находили это вполнѣ нормальнымъ. Наградой за удачную борьбу для нихъ были аплодисменты зрителей и въ этомъ направленіи у нихъ создавалось своеобразное самолюбіе. Но вотъ между ними является одинъ, по имени Спартакъ, и говоритъ: «Если намъ суждено умирать, то лучше умирать, добывая себѣ свободу, чѣмъ на потѣху надменнымъ римлянамъ». Эти слова измѣнили ходъ ассоціаціи идей въ мозгу его товарищей, произвели въ силу этого переворотъ ихъ внутренняго міра и вызвали извѣстный въ исторіи бунтъ гладіаторовъ.

Библиотека "Руниверс"

Точно также къ этому способу прибѣгъ и Суворовъ при штурмѣ Измаила. Русскіе два раза подступали къ этой крѣпости и два раза уходили назадъ. Естественно, что и третье наступленіе ассоціировалось съ мыслью о третьемъ отступленіи. Надлежало разрушить эту вредную ассоціацію идей, и вотъ какъ поступаетъ Суворовъ. Заканчивая приказъ о штурмѣ, онъ говоритъ: «Два раза осаждала Измаилъ русская армія и два раза отступала. Намъ остается въ третій разъ или побѣдить, или умереть со славой». Послѣдними словами онъ измѣняетъ ходъ ассоціацій въ желаемомъ направленіи.

Какова бы ни была ассоціація идей, какая бы изъ нихъ ни заняла господствующее положеніе, необходимо, чтобы эта идея сопровождалась положительнымъ тономъ ощущенія, иначе она останется безплодной и не вызоветъ никакого поступка. Тонъ идеи тождественъ съ тономъ ощущенія: онъ положителенъ, когда вызываетъ пріятныя ощущенія, и отрицателенъ, если вызываемыя ею ощущенія непріятны. Откуда же является этотъ интеллектуальный чувственный тонъ?

Каждое изъ нашихъ понятій слагается изъ ряда ощущеній, а такъ какъ ощущенія бываютъ положительнаго или отрицательнаго тона, то и сумма качествъ ощущеній, составляющихъ понятіе, переходитъ на самое понятіе. Когда мы мыслимъ: «роза», то въ нашемъ мозгу встаютъ воспоминанія ощущеній, испытанныхъ нами отъ созерцанія, обонянія, прикосновенія розы, и такъ какъ всѣ эти ощущенія были пріятны, то и понятіе «роза» сопровождается положительнымъ тономъ. Обратно: «крапива» въ большинствѣ

Библиотека "Руниверс"

случаевъ сопровождается отрицательнымъ чувственнымъ тономъ. Если бы, срывая розы, мы сильно укололись шипомъ, то, даже забывъ этотъ случай, понятіе «роза» могло бы сопровождаться отрицательнымъ тономъ. Поланъ разсказываетъ про свою знакомую, которая терпѣть не могла укропа, потому что однажды ей упалъ на голову большой пукъ этой зелени. Когда мы мыслимъ: «растеніе», то поднимаемъ всѣ ощущенія, легшія въ основу этого понятія. Тутъ будетъ и положительный тонъ розы, и отрицательный—крапивы и укропа. Какія изъ этихъ ощущеній будутъ преобладать по своему количеству или силѣ, тѣ и передадутъ свой тонъ общему понятію «растеніе».

Рибо разсказываетъ про одного солдата, который испытывалъ страхъ при видѣ часовни, что̀ происходило оттого, что въ дѣтствѣ его хотѣли запереть въ часовнѣ съ покойникомъ. Такимъ образомъ, понятіе о часовнѣ сопровождалось отрицательнымъ тономъ.

Чѣмъ выше отвлеченіе, чѣмъ абстрактнѣе понятіе, тѣмъ больше оно захватываетъ простѣйшихъ понятій, тѣмъ сложнѣе и неопредѣленнѣе ихъ чувственный тонъ. Спеціальные чувственные тона сложнѣйшихъ представленій показываютъ безчисленные качественные оттѣнки. Сложнѣйшія представленія: отечество, право, семья, честь и т. д., слагаются изъ огромнаго числа ощущеній положительнаго и отрицательнаго характера. Всѣ они суммируются и въ результатѣ эти понятія сопровождаются у каждаго нормальнаго человѣка особеннымъ чувственнымъ тономъ, называемымъ этическимъ чувствомъ. Этическій чувственный тонъ не отличается тою опредѣленностью, какъ, напримѣръ, тонъ идеи насыщенія, но зато построенный на огромномъ количествѣ ощущеній и понятій, захватываетъ почти всего человѣка,

Библиотека "Руниверс"

приводитъ въ вибрацію всѣ его психическія силы и въ результатѣ является гораздо болѣе сильнымъ, хотя и менѣе напряженнымъ. Его можно сравнить съ гальваническимъ токомъ, производящимъ большую работу, но дающимъ едва замѣтную искру, тогда какъ тонъ менѣе общихъ понятій будетъ похожъ на статическое электричество, дающее большую искру при ничтожной работѣ.

Способность мыслить наиболѣе отвлеченныя понятія различна. У многихъ эти понятія остаются словами, укладывающимися въ болѣе конкретныя рамки. Такъ, понятіе: «отечество» зачастую пробуждаетъ чувственные образы извѣстнаго раіона мѣстности. Даже у людей интеллигентныхъ слово «Россія», напримѣръ, связано съ извѣстной мѣстностью, деревней, иногда съ историческимъ событіемъ или даже пейзажемъ, и хотя они и сознаютъ, что этимъ понятіе далеко не исчерпывается, тѣмъ не менѣе не могутъ отдѣлаться отъ этого способа мыслить «Россію». Такой конкретный способъ мышленія отвлеченныхъ понятій приходится чаще всего встрѣчать у людей, привыкшихъ жить элементарными чувствами, поэтому онъ наиболѣе свойственъ артистамъ.

Такъ, Байронъ мыслилъ «Грецію» не какъ широкое понятіе о государствѣ съ жителями, торговлей, дающими самыя разнообразныя ощущенія, а какъ рядъ картинъ античной жизни съ пропилеями, мистеріями и т. д. Сражаясь за независимость грековъ, онъ, вѣроятно, менѣе думалъ о клефтахъ, чѣмъ о блестящемъ вѣкѣ Перикла.

Очевидно, что чѣмъ конкретнѣе представляются отвлеченныя идеи, тѣмъ напряженнѣе, но и тѣмъ менѣе могуче ихъ дѣйствіе. Идея «отечества» укладывалась, вѣроятно, у Алкивіада въ конкретные образы пировъ, народныхъ собра-

Библиотека "Руниверс"

ній, уличной жизни Аѳинъ и т. п. Поэтому ему было возможно измѣнить аѳинянамъ и перейти на сторону ихъ враговъ. Но, лишенный этихъ яркихъ ощущеній, онъ затосковалъ по своему отечеству и, подъ вліяніемъ этой острой тоски, онъ бросилъ спартанцевъ и перешелъ снова на сторону Аѳинъ. Во второй разъ онъ покинулъ отечество, когда его жизни стала угрожать опасность отъ недовольныхъ. Не такъ поступалъ учитель Алкивіада, Сократъ. У Сократа идея «отечества» покоилась на широкомъ основаніи всѣхъ понятій, изъ которыхъ оно слагается. Поэтому не только измѣнить отечеству, но уклониться отъ его законовъ для Сократа оказалось невозможнымъ. Когда ученики его воспользовались тѣмъ, что казнь его отлагалась до возвращенія корабля, нагруженнаго дарами для Аполлона Делосскаго, и предложили ему спастись бѣгствомъ, тогда Сократъ сказалъ имъ, что всякій гражданинъ долженъ повиноваться отечественнымъ законамъ, и отказался отъ спасенія. Алкивіадъ и Сократъ могутъ послужить примѣрами, подтверждающими, что, вопреки часто высказываемому мнѣнію, наиболѣе отвлеченныя понятія наиболѣе опредѣляютъ поступки человѣка, хотя ихъ вліяніе и не высказывается въ столь наглядной формѣ, какъ вліяніе менѣе отвлеченныхъ идей.

Значеніе чувственнаго тона идеи на поступки чрезвычайно велико, такъ какъ только идеи положительнаго тона могутъ ихъ вызвать. Въ кажущемся противорѣчіи находится, напримѣръ, тотъ фактъ, что когда человѣку угрожаетъ опасность или смерть, онъ проявляетъ огромную дѣятельность, хотя, несомнѣнно, что идеи страданія и смерти имѣютъ весьма рѣзкій отрицательный тонъ. Но какъ уже сказано, это противорѣчіе только кажущееся. Когда чело-

Библиотека "Руниверс"

вѣкъ находится подъ угрозой смерти и когда въ его головѣ царитъ одна эта идея смерти, идея отрицательнаго тона, тогда человѣкъ лишается возможности двигаться. Человѣкъ «каменѣетъ», «столбенѣетъ» отъ страха. Страхъ его «сковываетъ», «парализуетъ». Только когда у него являются идеи противоположнаго характера, когда въ его головѣ поднимается идея жизни, отклоненія отъ смерти, т. е. идеи положительнаго тона, только тогда онъ проявляетъ свою дѣятельность. Точно также не идея голода, а идея насыщенія порождаетъ сознательные поступки голоднаго. Если идея положительнаго тона, идея насыщенія будетъ какимъ-либо средствомъ уничтожена, то никакихъ поступковъ не послѣдуетъ. Если человѣкъ, осужденный на голодную смерть, будетъ замурованъ въ тюрьмѣ и результатомъ его тщетныхъ поисковъ явится убѣжденіе, что пищи нѣтъ и не будетъ, и это убѣжденіе уничтожитъ идею насыщенія, то человѣкъ впадетъ въ отчаяніе. Это состояніе, какъ извѣстно, характеризуется отсутствіемъ поступковъ. Это бездѣйствіе отчаянія продолжается до появленія снова идеи положительнаго тона. Если это будетъ идея искупленія грѣховъ и вѣчнаго блаженства — человѣкъ станетъ молиться. Если это будетъ идея помощи извнѣ, онъ станетъ стучать въ стѣны темницы и т. д.

Точно также неизбѣжность смерти заставляетъ примиряться съ ней, т. е. не вызываетъ никакихъ поступковъ, и человѣкъ относится къ ней вполнѣ пассивно. Преступникъ, рвавшійся изъ рукъ стражи, молившій о прощеніи и дарованіи жизни, хотя бы самой несчастной, вступивши на эшафотъ и потерявши надежду на прощеніе, т. е. тѣмъ самымъ погасивши идею жизни,—дѣлается покоренъ и не оказываетъ никакого сопротивленія.

Библиотека "Руниверс"

Вліяніе иррадіацией чувственнаго тона.

Если чувственный тонъ идеи имѣетъ такое рѣшающее значеніе на поступокъ человѣка, то является вопросъ, нельзя ли придавать идеямъ желаемый тонъ? Это оказывается возможнымъ на основаніи слѣдующаго закона: «Если у двухъ одновременныхъ представленій одно сопровождается болѣе сильнымъ тономъ, потому что въ основѣ его лежитъ ощущеніе опредѣленнаго тона, между тѣмъ какъ другое представленіе, происходящее отъ безразличнаго ощущенія, не сопровождается чувственнымъ тономъ или же, хотя и сопровождается, но весьма слабымъ, то сильный тонъ одного ощущенія сообщается и другому. Эта передача чувственнаго тона одного представленія другому, одновременно съ первымъ появляющемуся представленію, называется иррадіацией чувственнаго тона» (Ziehen).

Въ первые вѣка христіанства идея страданія, идея рѣзко отрицательнаго тона, пріобрѣтала въ умахъ христіанъ положительный тонъ вслѣдствіе иррадіаціи этого тона, получаемаго отъ идеи загробнаго блаженства. Это было не только примиреніе со страданіями, необходимыми для достиженія рая, но идея страданій сама по себѣ возбуждала удовольствіе, т. е. пріобрѣтала положительный тонъ. Св. Тереза, Марія дели-Анджели даютъ намъ богатые примѣры добровольныхъ мученій, накладываемыхъ на себя не только какъ искупленіе грѣховъ, а только потому, что «Христосъ тоже страдалъ». Идея «Христосъ» иррадіируетъ свой тонъ на идею «страданія», которая пріобрѣтаетъ положительный тонъ. Когда воины Константина подошли къ Мальвійскому мосту, у нихъ было опредѣленное количество ощущеній разнообразныхъ тоновъ. Всѣ эти тоны исчезли, покрылись однимъ могучимъ положительнымъ тономъ, когда Константинъ водрузилъ на свои знамена крестъ. Трудности, опас-

Библиотека "Руниверс"

ность смерти пріобрѣли положительный тонъ, иррадіацiей его съ идеи «Христа», возбужденной этимъ актомъ. Повышеніе дѣятельности явилось въ данномъ случаѣ исключительно въ силу иррадіаціи чувственнаго тона, а не вслѣдствіе появленія новыхъ цѣпей ассоціацій, ибо водруженіемъ креста на знамена императоръ не обязывался увеличить свободы христіанъ [1]), а тѣмъ болѣе объявить христіанство господствующей религіей. И то, и другое было исполнено значительное время спустя. Въ болѣе мелкихъ масштабахъ иррадіація идей проявляется ежеминутно въ жизни. Только ей одной объясняется и мѣткое выраженіе поэта:

„И *дымъ* отечества намъ сладокъ и *пріятенъ*“.

Возможность придать такимъ способомъ любой тонъ установившейся уже идеѣ даетъ возможность и вызывать опредѣленный поступокъ, т. е. даетъ возможность управленія дѣйствіями человѣка. Этотъ способъ вліянія мы назовемъ *способомъ иррадіаціи чувственнаго тона.*

Твердость. Когда, наконецъ, въ силу тѣхъ или другихъ условій, одна какая-нибудь идея получитъ преобладающее значеніе и когда эта идея будетъ имѣть положительный тонъ, то и тогда поступокъ можетъ проявиться только въ томъ случаѣ, если вызвавшая его идея останется господствующей и сохранитъ свой чувственный тонъ на время, необходимое для его совершенія. Но зачастую этого не бываетъ. Одна идея можетъ быстро уступить господствующее мѣсто другой, въ силу ли внѣшнихъ факторовъ — появленія новыхъ впе-

---

[1]) При его предшественникѣ, Констанціи Хлорѣ, христіане уже пользовались большою свободою.

Библиотека "Руниверс"

чатлѣній, или въ силу факторовъ внутреннихъ—остановки вниманія на другихъ идеяхъ. Устойчивость господствующей идеи опредѣляетъ *твердость* человѣка. Это качество обусловливается отчасти слѣдующими данными: идея будетъ тогда устойчива въ своемъ господствующемъ положеніи, когда она заняла его не благодаря случайной остановкѣ на ней вниманія, а благодаря дѣйствительному ея значенію для даннаго человѣка. Значеніе идеи опредѣляется сравненіемъ ея съ другими, а сравненіе идей составляетъ обдумываніе.

Чѣмъ съ меньшимъ количествомъ идей приходится производить сравненія, тѣмъ легче отдать преимущества одной изъ нихъ. Поэтому бѣдность идей зачастую совпадаетъ въ человѣкѣ съ твердостью, въ такомъ случаѣ говорятъ, что этотъ человѣкъ тупой и упрямый. Но причины твердости могутъ скрываться какъ разъ въ противоположномъ — въ богатствѣ идей. Актъ сравненія ихъ, обдумыванія является въ данномъ случаѣ такою трудною работой, которая посильна далеко не всякому. Но когда есть возможность обнять мыслью всѣ возможныя идеи, и когда, наконецъ, одна занимаетъ господствующее положеніе, то уже сбить ее—является дѣломъ чрезвычайно труднымъ. Поэтому люди большого ума часто бываютъ твердыми. Наименьшій запасъ твердости обнаруживаютъ люди средніе. Въ одномъ и томъ же человѣкѣ та идея будетъ тверже, установка которой требовала большой мозговой работы, а потому чѣмъ обдуманнѣе поступокъ, тѣмъ тверже онъ проводится въ его жизнь.

Устойчивость чувственнаго тона идеи зависитъ отъ впечатлительности человѣка, т. е. отъ способности сильно воспринимать внѣшнее впечатлѣніе и иррадіировать его на Капризност

Библиотека "Руниверс"

главенствующую идею, которая при этомъ будетъ перемѣнять свой тонъ и то побуждать человѣка къ поступку, то терять свою привлекательность и оставаться безъ послѣдствій. Способность легко иррадіировать впечатлѣнія характеризуетъ людей капризныхъ, взбаламошныхъ. Такъ, зачастую, женщина, давно собиравшаяся послушать какую-нибудь оперу, вдругъ отказывается отъ нея, оттого что поваръ пережарилъ мясо къ обѣду. Если даже она и поѣдетъ въ оперу, то все ей покажется дурнымъ: и любимая арія, и восхищавшій ее раньше пѣвецъ.

Рѣшительность.

Кромѣ людей твердыхъ и капризныхъ, существуютъ еще люди рѣшительные, т. е. такіе люди, у которыхъ конечная идея получаетъ яркій чувственный тонъ только потому, что она конечная, даже еслибы она не имѣла другихъ достоинствъ. Стремленіе ускорить наступленіе положительнаго тона побуждаетъ человѣка сдѣлать конечною идеей ближайшую отъ внѣшняго впечатлѣнія. Таковы люди *нетерпѣливые*. Если эта конечная идея обладаетъ, какъ сказано, яркимъ, положительнымъ тономъ, то она вызываетъ энергичные поступки, и тогда мы имѣемъ дѣло съ людьми *горячими*. Но если даже предоставить полную свободу умственной работѣ, то и это не гарантируетъ, что послѣдняя идея будетъ вѣрной. Тѣмъ не менѣе, въ силу того, что она послѣдняя, она будетъ приведена въ исполненіе энергически — и мы будемъ имѣть дѣло съ *рѣшительнымъ* человѣкомъ.

Человѣкъ рѣшительный можетъ и не быть твердымъ, и наоборотъ. Напримѣръ, Великій Князь Іоаннъ III представляетъ типъ человѣка твердаго, но нерѣшительнаго. Съ вступленіемъ его на престолъ исторія наша, по словамъ Карамзина, «пріемлетъ достоинство истинно государствен-

Библиотека "Руниверс"

ной. Каждое особое предпріятіе есть слѣдствіе *главной* мысли». Іоаннъ III съ твердостью отвергъ платежъ «выхода» въ Орду. А между тѣмъ, какъ нерѣшительно его поведеніе, когда войска хана татарскаго появились на р. Угрѣ. Напрасно роптвлъ народъ, а архіепископъ Вассіанъ уговаривалъ князя дать битву. Историкъ Соловьевъ слѣдующими словами характеризуетъ Іоанна III: «разсчетливость, медленность, осторожность, *сильное отвращеніе отъ мѣръ рѣшительныхъ* и при этомъ *стойкость въ доведеніи до конца разъ начатаго*, хладнокровіе—вотъ отличительныя черты въ его характерѣ». Противоположность Іоанну III составлялъ Іосифъ II Австрійскій, про котораго Фридрихъ Великій говорилъ, что онъ торопится сдѣлать второй шагъ, не окончивъ перваго, а также Ричардъ Львиное Сердце. Этотъ король, рѣшительность котораго не приходится подтверждать фактами, былъ далеко не твердъ. Такъ, въ концѣ 1191 года, когда возникъ вопросъ о мирѣ съ сарацинами, Ричардъ не хотѣлъ о немъ и слышать. «Поклянемся, восклицалъ онъ, еще три года пробыть въ Сиріи и завоевать Іерусалимъ, чего бы это ни стоило!» Но уже въ апрѣлѣ 1192 года, не завладѣвъ Іерусалимомъ, онъ объявилъ, что ему нужно возвратиться въ Англію. Уже Ричардъ намѣревался сѣсть въ Акконѣ на корабль и ѣхать въ Европу, какъ узналъ о нападеніи Саладина на Іоппе. Онъ немедленно поспѣшилъ на помощь городу и спасъ его своею храбростью. Послѣ побѣды Ричардъ возобновилъ переговоры съ Саладиномъ и въ сентябрѣ заключилъ перемиріе на три года. «Но подписывая этотъ договоръ, говоритъ историкъ, самъ Ричардъ чувствовалъ, какъ мало чести онъ ему приноситъ».

Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ комбинацію твер-

Библиотека "Руниверс"

дости съ рѣшительностью, мы имѣемъ двѣ другія стороны квадрата, у котораго первыми были умъ и воля. Если одна изъ сторонъ этого квадрата, а именно умъ является широкимъ, яснымъ и всеобъемлющимъ, то такою же будетъ и твердость, какъ результатъ взвѣшиванія всѣхъ возможныхъ комбинацій. При этомъ послѣдняя идея будетъ вѣрна и въ силу соотвѣтствія ума и воли будетъ обладать положительнымъ тономъ. Этотъ тонъ усилится тѣмъ, что эта идея будетъ конечна, и въ результатѣ вѣрная идея будетъ рѣшительно проведена въ жизнь уже въ формѣ поступка. Таковыя исключительно благопріятныя комбинаціи дадутъ міру пророковъ, реформаторовъ, однимъ словомъ — великихъ вождей. Если къ этому присоединится быстрота ассоціацій идей, т. е. возможность мгновенно соображать и рѣшаться, какъ говорилъ Наполеонъ, то міръ будетъ имѣть дѣло съ великимъ полководцемъ.

Здѣсь будетъ умѣстно еще разъ оговориться, что умъ и воля будутъ составлять квадратъ въ томъ случаѣ, если каждая идея будетъ возбуждать соотвѣтственный чувственный тонъ.

Наиболѣе любопытнымъ отклоненіемъ являются случаи, когда умственная работа совершается, повидимому, правильно и приходитъ къ извѣстному выводу, но когда человѣкъ не можетъ поступать согласно съ этимъ выводомъ. Случай этотъ и потребовалъ созданія особой силы воли. Но если предположить, что въ ассоціаціи приняли участіе одна или нѣсколько идей, которыя не вмѣщаются полностью въ мысляхъ, а, такъ сказать, участвуютъ въ борьбѣ лишь одной своей стороной, то понятно, что произойдетъ ошибка. Такъ, допустимъ, что человѣкъ, не знающій значенія нулей, приданныхъ къ цифрѣ съ правой стороны, сталъ бы про-

Библиотека "Руниверс"

изводить вычисленія. Допустимъ, что въ концѣ задачника имѣется голая цифра 153—вѣрный результатъ этого вычисленія. У производившаго же получится иная цифра, допустимъ—12. Продѣлавъ еще разъ вычисленіе и придя къ тому же выводу, человѣкъ твердо рѣшитъ, что 153—опечатка, а надо 12. Съ другой стороны пусть влюбленный раздумываетъ о возможности свадьбы. Денегъ нѣтъ. Жить не на что. Выводъ: надо разойтись. На дѣлѣ человѣкъ поступаетъ наоборотъ, женится и говоритъ: зналъ я, какъ надо поступить, правильно я рѣшилъ, да воли не хватило! На самомъ же дѣлѣ такъ вышло оттого, что въ своихъ размышленіяхъ онъ жонглировалъ подставными идеями. «Свадьба»—едва будила положительныя идеи совмѣстной жизни, но зато поднимала отрицательныя: обрядности, платы за церковь и т. д. Наоборотъ: «разлука» казалась не столь тяжелой, какъ это было бы на самомъ дѣлѣ. Ей даже придавался положительный тонъ мыслями, что она повлечетъ за собой прекращеніе заботъ о деньгахъ и т. д. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ разсудокъ комбинировалъ неполными идеями, мѣрилъ невѣрнымъ аршиномъ, а слѣдовательно, онъ и ошибался [1]). Если бы идеи сопровождались полностью тѣми чувствами, которыя имъ присущи и которыя проявились, какъ только попробовали примѣнить ихъ къ жизни, то разсудокъ бы пришелъ къ другому выводу, а именно: «хоть это и плохо будетъ, но лучше все-таки жениться», т. е. къ тому самому, къ которому привела такъ называемая воля. И именно въ этомъ смыслѣ Шопенгауеръ и говоритъ, что мозгъ не господинъ, а слуга воли. Ренанъ находитъ, что, принимая муки, христіане не могли доказать

[1]) Ложность состоитъ въ недостаткѣ познанія, говоритъ Спиноза.

Библиотека "Руниверс"

правоты своихъ убѣжденій, а только то дѣйствіе, которое они производятъ на человѣка. На самомъ же дѣлѣ это строгое соотвѣтствіе идей съ поступками служитъ полнымъ доказательствомъ ихъ жизненной правоты [1]), доказательствомъ, которое инстинктивно признается во всѣ времемена и у всѣхъ народовъ и которое цѣнится значительно выше формальной правоты передъ логикой «шаткаго ума».

Возвращаясь къ значенію твердости и рѣшительности на управленіе поступками, надо указать, что недостаточно достичь господства извѣстной идеи и опредѣленнаго тона. Надо еще поддержать то и другое на то время, которое необходимо для доведенія поступка или ряда поступковъ до желаемаго конца. Если поступокъ не сложенъ и сравнительно непродолжителенъ, то достаточно вызвать рѣшимость, ярко окрасивъ тонъ господствующей идеи. У залегшихъ на послѣдней позиціи солдатъ идея движенія впередъ можетъ быть весьма слабаго положительнаго тона. Крикъ: «ура» одного изъ участниковъ, крикъ торжества, радости и побѣды можетъ усилить положительный тонъ идеи атаки и вызвать рѣшительный ударъ въ штыки. Если же поступокъ сложенъ и продолжителенъ, то необходимо заботиться не столько объ яркости тона, сколько объ устойчивости идеи, т. е. стремиться къ проявленію твердости. Это достигается съ одной стороны удаленіемъ и ослабленіемъ противоположныхъ идей, а съ другой — постояннымъ возбужденіемъ той, которая заняла господствующее положеніе. Такъ, когда Дарій рѣшилъ наказать аѳинянъ за помощь, оказанную ими возставшимъ малоазіатскимъ грекамъ, и такъ какъ осу-

---

[1]) Спиноза: Всякая идея, которая въ насъ абсолютна или полна и совершенна—есть истинна.

Библиотека "Руниверс"

ществленіе этого намѣренія должно было быть отложено на время, то было приказано рабу ежедневно повторять за обѣдомъ: «Царь, помни объ аѳинянахъ».

ГЛАВА III.

Способы вліянія на человѣка.

Отмѣтивъ возможность и способы управленія человѣческими поступками, надо указать и пути, по которымъ одинъ человѣкъ можетъ вліять на другого.

Вліяніе физическое и психическое.

Вліяніе одного человѣка на другого можетъ быть или физическое, или психическое. Въ томъ случаѣ, если поступокъ вызывается физическими законами съ присущими имъ понятіями величины и массы, тамъ мы имѣемъ дѣло съ физическимъ вліяніемъ. Подобное воздѣйствіе называется насиліемъ и вызванный имъ поступокъ по праву именуется принужденнымъ. Этотъ способъ воздѣйствія бываетъ примѣненъ въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ, на отдѣльныхъ личностяхъ и чаще всего какъ заключительный моментъ вліянія одного человѣка на другого. Примѣромъ физическаго воздѣйствія можетъ служить человѣкъ, стоящій передъ открытой дверью и не желающій войти въ сосѣднюю комнату. Къ этому его можно принудить толчкомъ. Въ каждомъ данномъ случаѣ сила этого толчка можетъ быть выражена по формулѣ $\frac{mv^2}{2}$ и по этой формулѣ можно также опредѣлить, произведетъ ли толчекъ желаемое дѣйствіе. Но если толчекъ будетъ гораздо слабѣе, если это будетъ только ударъ хлыста, то и въ этомъ случаѣ онъ можетъ принудить человѣка переступить черезъ порогъ. Это уже будетъ пси-

Библиотека "Руниверс"

хическое вліяніе одного человѣка на другого, такъ какъ матеріальное воздѣйствіе окажетъ свое вліяніе не въ силу своихъ матеріальныхъ данныхъ, а въ силу тѣхъ представленій и идей, которыя оно вызоветъ въ мозгу принуждаемаго къ дѣйствію человѣка. Поэтому одинаково болѣзненный ударъ бича у различныхъ людей или при разныхъ обстоятельствахъ вызоветъ разные поступки. Такимъ образомъ существенное отличіе физическаго воздѣйствія отъ психическаго заключается въ томъ, что при послѣднемъ человѣку оставляется выборъ, т. е. возможность дѣйствовать сообразно своимъ внутреннимъ духовнымъ законамъ. Когда защитникъ, выводя новыя идеи и взгляды, доказываетъ невинность подсудимаго и побуждаетъ присяжныхъ вынести оправдательный приговоръ, тогда этотъ фактъ ничѣмъ принціпіально не отличается отъ того, когда человѣкъ отдаетъ свой кошелекъ разбойнику, приставившему ему ко лбу револьверъ.

Изъ опредѣленія психическихъ и физическихъ вліяній ясно, что управлять группою людей можно только вліяя на нихъ психически, т. е. употребляя одинъ изъ способовъ, указанный въ предъидущей главѣ или комбинируя ихъ. Но нѣтъ возможности, по крайней мѣрѣ, въ нормальномъ состояніи, вложить идею непосредственно въ мозгъ человѣка. Надо, чтобы она у него создалась непосредственнымъ воспріятіемъ внѣшняго раздраженія. Для этого защитнику приходится говорить рѣчь, а разбойнику показывать дуло пистолета, т. е. одному раздражать органъ слуха, другому — органъ зрѣнія. Но если разбойникъ станетъ угрожать пистолетомъ дикарю, незнающему, что это за оружіе, или если защитникъ употребитъ слова непонятныя для слушателей, то ни тотъ, ни другой не возбудитъ желаемыхъ идей

Библиотека "Руниверс"

и не вызоветъ соотвѣтственнаго поступка. Изъ этого ясно, что надо умѣть выбирать тѣ физическія проявленія, съ помощью которыхъ желаютъ возбудить ту или другую идею.

Какъ извѣстно, принято считать, что человѣкъ воспринимаетъ различныя явленія физическаго міра съ помощью пяти чувствъ: зрѣнія, слуха, осязанія, обонянія и вкуса. На дѣлѣ оказывается, что чувствъ этихъ значительно больше. Къ нимъ прибавляютъ чувства: термическое, тактильное, мышечное и др. Изъ нихъ мышечное чувство играетъ существенную роль въ дѣлѣ мышленія. Дѣло въ томъ, что движеніе и мысль неразрывно между собой связаны. Нашъ знаменитый физіологъ Сѣченовъ твердо установилъ тезисъ: нѣтъ мысли безъ выраженія ея. Рише формулируетъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ: гдѣ нѣтъ движенія, тамъ нѣтъ и интеллекта. И дѣйствительно, можно считать нынѣ установленнымъ, что рождающаяся мысль производитъ всѣ разнообразныя движенія, связанныя съ ея происхожденіемъ, хотя эти движенія происходятъ въ минимальныхъ размѣрахъ. Когда мы мыслимъ «ударъ», мускулы, стягивающіе кулакъ и приводящіе въ движеніе плечо, напрягаются и производятъ сокращенное движеніе удара. Эти значительныя движенія можно отмѣтить особымъ аппаратомъ, увеличивающимъ движеніе, комбинаціею рычага, короткое плечо котораго воспринимаетъ ихъ, а длинное отмѣчаетъ. Наименьшее движеніе, которое можетъ возбудить идея — это сокращенныя движенія языка, которыя были бы произведены при произнесеніи слова, ее обозначающаго. Наоборотъ: каждое движеніе порождаетъ присущую ему мысль. Если загипнотизированному субъекту сжать кулакъ, то въ его мозгу встаетъ идея удара и онъ принимаетъ уже самъ собой оборонительную позу, брови его нахмуриваются и т. д. Это неразрыв-

Библиотека "Руниверс"

ное сочетаніе мысли съ движеніемъ и служитъ причиной универсальнаго значенія языка жестовъ и мимики.

Жесты, мимики, интонаціи и слова.

Вліяніе жестовъ и мимики на воспринимающаго ихъ человѣка чрезвычайно велико. Каждое простѣйшее движеніе, воспринятое зрѣніемъ, возбуждаетъ соотвѣтствующую идею, а нарождающаяся идея выразится соотвѣтственными движеніями. Въ результатѣ является повтореніе жестовъ и мимики говорящаго лица, т. е. рядъ подражательныхъ движеній. Простое наблюденіе двухъ говорящихъ лицъ достаточно, чтобы убѣдиться, какъ жесты и мимика одного повторяется другимъ. Когда жестикуляція и мимика слагается въ болѣе сложные поступки, то тогда говорятъ уже, что подается тотъ или другой «примѣръ». Подать или показать примѣръ—это значитъ продѣлать весь рядъ движеній, входящихъ въ извѣстный поступокъ. Въ зрителѣ они порождаютъ идеи и сопутствующія ихъ скрытыя движенія. Этимъ самымъ побарывается инерція, и усилить скрытыя движенія до желаемой степени оказывается дѣломъ болѣе легкимъ, чѣмъ произвести новыя. Значеніе жестовъ и мимики заходитъ и далѣе простого облегченія, совершенія поступка. Сочетаніе простѣйшихъ движеній порождаетъ идеи высшаго порядка, идею ихъ общей цѣли, ихъ общаго значенія. Рядъ наступательныхъ жестовъ даетъ идею наступленія съ присущимъ ей мажорнымъ тономъ, а видъ плачущаго человѣка наполняетъ насъ жалостью, даже если причина его слезъ намъ неизвѣстна или не заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, печали.

Слѣдовательно, жесты и мимика передаютъ чувственный тонъ самъ по себѣ, независимо отъ идей, его вызвавшихъ, и такъ какъ они передаютъ его съ помощью наиболѣе простыхъ движеній, то интенсивность передачи настрое-

Библиотека "Руниверс"

нія жестами безконечно выше, чѣмъ передача его болѣе сложнымъ образомъ—путемъ передачи идей. Извѣстно, какъ драма, въ исполненіи хорошихъ актеровъ, вызываетъ потоки слезъ даже въ тѣхъ мѣстахъ, при простомъ чтеніи которыхъ возбуждается одна скука. Монтегаца предлагаетъ желающимъ убѣдиться въ значеніи мимики слѣдующій опытъ. Пусть любой человѣкъ продѣлаетъ мимическія движенія, обычныя для горя или грусти. Къ концу небольшого періода времени онъ почувствуетъ себя несчастнымъ и печальнымъ и изъ его насильно щурящихся глазъ побѣгутъ натуральныя слезы. Этотъ эффектъ достигается быстрѣе, чѣмъ все это продѣлать передъ зеркаломъ. Причина этого понятна сама собой изъ предъидущаго.

До сихъ поръ мы разбирали мимику и жесты только какъ эффектъ зрительный, но они могутъ быть также факторами, познаваемыми другими чувствами: осязаніемъ и слухомъ. Если одинъ человѣкъ держитъ въ своихъ рукахъ руку другого и эта рука дрожитъ, то чувство безпокойства и страха передается ему путемъ ощущенія. Если же эта рука твердо сжимаетъ его руку, то ему передается увѣренность и бодрость. Этимъ свойствомъ люди зачастую безсознательно пользуются, когда съ цѣлью убѣдить человѣка въ чемъ-нибудь, т. е. передать ему свои чувства, кладутъ ему руку на плечо или берутъ его за руку. Путемъ осязанія настроеніе передается не только отъ человѣка къ человѣку, но и отъ человѣка къ животному и, вѣроятно, отъ животнаго къ животному. Извѣстно, напримѣръ, какъ нервность всадника передается коню.

То, что для зрѣнія жесты и мимика, то для слуха — интонація. Значеніе ея также универсально. Англичанинъ не пойметъ француза, даже пьемонтецъ иногда не пойметъ

Библиотека "Руниверс"

неаполитанца, но ревъ льва произведетъ одинаковое впечатлѣніе на серну и на человѣка. Интонаціей, какъ и мимикой, можно выразить всю гамму ощущеній, доступныхъ человѣческой душѣ. Значеніе звуковъ на настроеніе—общеизвѣстно: одни нагоняютъ тоску, другіе подбадриваютъ и веселятъ.

Звуки по преимуществу являются носителями и передатчиками отвлеченнаго чувственнаго тона, что̀ и побудило Шопенгауера отвести музыкѣ совершенно самостоятельное мѣсто среди другихъ искусствъ. Всѣ искусства, по его мнѣнію, являются выразителями идей, т. е. формъ познаваемой сущности. Музыка же есть выразительница самой этой сущности — воли. Кромѣ чувственнаго тона, звуки могутъ быть носителями и болѣе конкретныхъ идей, вызывающихъ движенія. Такъ дѣйствуютъ звуки, производимые съ отчетливымъ размѣромъ, кадансированные, будь то удары дерева о дерево, марши или плясовые напѣвы.

Жесты, мимика и интонація — это все средства непосредственнаго воздѣйствія одного человѣка на другого при посредствѣ зрѣнія, слуха и осязанія. При посредствѣ тѣхъ же ощущеній, равно какъ и при посредствѣ обонянія, вкуса, термическаго чувства и другихъ, можно оказать воздѣйствіе и посредственное, т. е. такое, которое нуждается въ промежуточномъ предметѣ между воздѣйствующимъ человѣкомъ и тѣмъ, на котораго воздѣйствуютъ. Такъ, развѣсивши картины, изображающія грозди винограда, можно возбудить аппетитъ, а насыщая воздухъ различными духами, раздражая вкусъ пряностями, можно породить въ человѣкѣ идею женщины вообще. Число идей, которыя можно возбудить такими способами, весьма ограничено, а потому этотъ спо-

Библиотека "Руниверс"

собъ весьма мало употребителенъ, и то только въ опредѣленныхъ случаяхъ.

Воздѣйствіе на слухъ и зрѣніе интонаціей и мимикой отличается отчетливостью, когда дѣло касается настроенія и элементарныхъ движеній, т. е. когда дѣло касается простѣйшихъ представленій. Но оно безсильно, когда затрогиваются высшія идеи. Ни интонаціей, ни мимикой не выразить понятій добра, красоты, справедливости и т. д. Для передачи такихъ понятій пригодны лишь слова. Путь передача ихъ тоже слухъ и зрѣніе, но дальнѣйшій ходъ ихъ воздѣйствія рѣзко отличается отъ воздѣйствія жестами и интонаціей. Хотя мнѣніе о полной условности словъ отброшено наукой, но тѣмъ не менѣе нельзя не сказать, что въ словахъ ея очень много. Слова и способъ ихъ сочетанія не создались, конечно, по взаимному уговору, но сложились естественнымъ образомъ для каждой группы людей въ зависимости отъ климата, характера страны, образа жизни и т. д. Слѣдовательно, человѣческая рѣчь родилась отъ сочетанія внутренняго міра человѣка съ внѣшними условіями, разными у разныхъ народовъ. Кто не находился въ этихъ условіяхъ—тотъ не пойметъ языка. Поэтому слова не имѣютъ такого универсальнаго значенія, какъ мимика и интонація. Крестьянинъ не пойметъ рѣчи философа, а смѣхъ дикаря можетъ развеселить и этого философа.

Но, уступая въ универсальности, рѣчь имѣетъ огромное преимущество по богатству тѣхъ идей, которыя она можетъ пробудить, и по легкости, съ какой она достигаетъ этого. Словами можно пробудить въ человѣкѣ новыя идеи, видоизмѣнить старыя, усилить слабыя, уничтожить сильныя, однимъ словомъ, слова утверждаютъ и поддерживаютъ господство опредѣленной идеи. А такъ какъ господство той или дру-

*

Библиотека "Руниверс"

гой идеи можетъ вызвать тотъ или другой поступокъ, то станетъ ясно, какъ значительно вліяніе слова на поступки человѣка. Конечно, наибольшее вліяніе на нормальнаго человѣка достигается сочетаніемъ словъ съ мимикой, интонаціей и жестами, т. е. живою выразительною рѣчью. При этомъ, выражаясь схематически, можно сказать, что слова опредѣлятъ господство идеи, интонація и мимика придадутъ ей желаемый тонъ, а жесты облегчатъ приведеніе ихъ въ исполненіе.

Перечисленіе способовъ вліянія одного человѣка на другого было бы слишкомъ неполнымъ, если не упомянуть о внушеніяхъ. Это явленіе, впрочемъ, настолько еще не разработано, что трудно сказать, дало ли оно новые способы вліянія, кромѣ вліянія мимикой и словами. Можно только допустить, что оно констатировало возможность мысленнаго внушенія, т. е. безъ посредства внѣшнихъ чувствъ [1]). При этомъ приходится допустить существованіе особыхъ волнъ, вѣроятно, родственныхъ электрическимъ и свѣтовымъ, которыя распространяются отъ нервныхъ центровъ одного человѣка къ нервнымъ центрамъ другого.

При всей своей неизвѣданности, гипнотизмъ даетъ, однако, весьма содержательные факты, а впереди дастъ ихъ, вѣроятно, еще больше. Вотъ одинъ изъ нихъ, разсказываемый двумя учеными: Бинэ и Фере. «Относительно внушенія жестами слѣдуетъ замѣтить, что хотя оно и не вполнѣ точно, но за то крайне интенсивно. Когда субъекту внушаютъ устно то или другое движеніе, въ его умѣ возникаетъ образъ движенія. Этотъ образъ, какъ бы онъ ни былъ силенъ, всегда слабѣе того впечатлѣнія, которое испытываетъ

---

[1]) Внушенія на разстояніи.

Библиотека "Руниверс"

субъектъ, когда то же движенiе происходитъ передъ его глазами. Въ этомъ убѣждаютъ слѣдующiе два параллельные опыта. Не разъ было констатировано, что если въ правую руку субъекта дать динамометръ и приказать со всей силы сжать его, то это устное внушенiе всего на нѣсколько градусовъ повышаетъ нормальную динамометрическую силу гипнотика. Напротивъ, если передъ глазами субъекта имитировать актъ энергическаго сжиманiя пальцевъ въ кулакъ, то его мышечная сила не только увеличивается, но удвоивается». Изъ этого опыта можно сдѣлать слѣдующiе выводы:

1. Поступки могутъ влiять значительно сильнѣе, чѣмъ слова.

2. Человѣкъ обладаетъ гораздо большимъ запасомъ силъ, чѣмъ тотъ, которымъ онъ распоряжается въ нормальномъ состоянiи.

3. Этотъ избытокъ силъ можетъ быть вызванъ къ дѣятельности влiянiемъ другого человѣка, при чемъ этотъ избытокъ можетъ удвоить первоначальную силу.

ГЛАВА IV.

О возможности расширенiя выводовъ, пригодныхъ для одного человѣка, на цѣлую группу людей и свойства коллективной единицы.

Можно-ли распространить выводы, пригодные для отдѣльнаго человѣка, на цѣлую группу людей—вотъ существенный вопросъ массовой психологiи, разрѣшенiе котораго сразу опредѣлитъ ея методъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1859 году Штейнталь и Лацарусъ въ рядѣ статей высказались по этому поводу весьма опредѣленно. Рядомъ съ обыкновенной психологіей, которая занимается отдѣльнымъ человѣкомъ, есть, по ихъ мнѣнію, мѣсто для другой науки, посвященной соціальному человѣку или точнѣе различнымъ человѣческимъ группамъ. Это и есть психологія народовъ. Для того, чтобы она имѣла реальный объектъ, чтобы она не была пустымъ словомъ, лишеннымъ смысла, необходимо доказать, что изученіе индивида недостаточно. Съ перваго взгляда могутъ сказать: Всякая соціальная группа составляется изъ индивидуальныхъ элементовъ: изучите эти элементы, и все объяснится, вслѣдствіе этого, само собой. Положеніе очень простое, но обманывающее своей призрачной ясностью. Но такъ какъ соціальное цѣлое есть нѣчто иное, чѣмъ ариѳметическая сумма единицъ, но нѣчто въ родѣ химическаго соединенія, отличное отъ его элементовъ, то необходимо допустить, что психологія народовъ обладаетъ лично ей принадлежащимъ объектомъ изслѣдованія. Народъ, взятый въ массѣ въ какомъ-нибудь собраніи, на общественномъ праздникѣ, обладаетъ нѣкоторыми свойствами, которыхъ каждый индивидъ въ отдѣльности не имѣетъ. Исторія показываетъ, какъ народъ можетъ разниться характеромъ отъ составляющихъ его личностей. Возьмите испанцевъ. Въ отдѣльности они добродушны, они благородны и даже величественны. Но какъ нація они оказались лишенными чувства справедливости и ужасно жестокими. Какъ нація они опустошили и обезлюдили Америку и Нидерланды. Они взаимно другъ друга губили изъ-за политическихъ и религіозныхъ мнѣній. Ихъ національность воплотилась въ Пизарро и въ герцогѣ Альба. Слѣдовательно,

Библиотека "Руниверс"

національность есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ собраніе отдѣльныхъ членовъ.

Таково мнѣніе этихъ ученыхъ и если признать его правильнымъ, то массовая психологія должна выработать себѣ другой методъ, чѣмъ тотъ, который возложенъ въ примѣненіи къ отдѣльнымъ лицамъ, ибо появленіе въ толпѣ новыхъ качествъ, чуждыхъ отдѣльнымъ лицамъ, дѣйствительно, не можетъ быть объяснено психологіей отдѣльныхъ лицъ. Но спрашивается, если національный духъ испанцевъ, жестокій и кровожадный, проявляется въ толпѣ, собравшейся любоваться боемъ быковъ или великолѣпнымъ autodafe, то вѣдь только индивидуальныя свойства каждаго въ отдѣльности толкали его въ циркъ или на площадь, въ толпу. Поэтому кровожадность и жестокость, проявившаяся при этихъ зрѣлищахъ въ толпѣ, не создались изъ ничего, но каждый зритель, стремясь къ кровавому зрѣлищу, несъ частицу ихъ съ собой. А разъ въ толпѣ не появляется никакихъ новыхъ качествъ, неприсущихъ отдѣльнымъ лицамъ, то надо допустить, что массовая психологія есть слагаемая частныхъ характеровъ и побужденій. Попытаемся разъяснить, какимъ образомъ при этомъ психологія толпы по внѣшности такъ рѣзко отличается отъ психологіи отдѣльныхъ личностей, ее составляющихъ, что у нѣкоторыхъ ученыхъ явилась потребность искать появленіе новыхъ качествъ въ необъяснимыхъ химическихъ реакціяхъ, при которыхъ изъ двухъ жидкихъ тѣлъ можетъ создаться твердое и наоборотъ.

Эволюція человѣческой массы подвигается крайне медленно, хотя отдѣльныя личности и могутъ дѣлать быстрые успѣхи въ области знаній. Достаточно указать, что уже за 250 лѣтъ до Р. Х. греческій философъ Аристархъ Самос-

Библиотека "Руниверс"

скій указалъ на то, что земля двигается вокругъ солнца. Только черезъ 18 столѣтій знаніе это сдѣлалось достояніемъ лишь самыхъ образованныхъ людей, а давно-ли оно сдѣлалось, да и сдѣлалось-ли оно достояніемъ народныхъ массъ? Точно то-же происходитъ и съ знаніями нравственными. Идея равенства, проповѣдываемая Христомъ, скользила безслѣдно въ продолженіе вѣковъ, чѣму служитъ доказательствомъ великая французская революція 1793 года, американская война за освобожденіе невольниковъ 1863 года и, наконецъ, употребленіе англичанами въ 1897 году разрывныхъ снарядовъ, запрещенныхъ европейскими конференціями.

Насколько медленно ассимилируются новыя идеи, настолько прочно усвоены старыя и настолько медленно онѣ исчезаютъ. Обширныя и прочныя суевѣрія, живущія по сю пору у всѣхъ народовъ, даютъ лучшую иллюстрацію этого положенія. Такъ, въ нашемъ народѣ живы, напримѣръ, представленія о томъ, что покойники продолжаютъ жизнь, выходятъ изъ могилъ и требуютъ себѣ пищи. Воззрѣнія эти не раздѣляются людьми интеллигентными и въ то время какъ одни изъ нихъ дошли до полнѣйшаго матеріализма, другіе придумываютъ наиболѣе научныя теоріи спиритизма. Какъ далеко, однако, ни ушли они отъ народныхъ воззрѣній, тѣмъ не менѣе очень вѣроятно, что въ глубинѣ ихъ душъ лежатъ несознанными народныя представленія, впитанныя съ молокомъ матери и нянькиными сказками. Они ждутъ только благопріятнаго момента, чтобы воскреснуть и овладѣть снова человѣкомъ. Оттого-то въ несчастьи или въ отчаяніи слетаютъ одна за другой горделивыя мысли призрачнаго знанія, и зачастую хвастливый матеріалистъ посылаетъ за священникомъ или за знахаремъ.

Библиотека "Руниверс"

Существованіе этого прочнаго, подчасъ несознаваемаго фундамента, сложеннаго камень за камнемъ цѣлымъ рядомъ предшествующихъ поколѣній, и дѣлаетъ то, что толпа ученыхъ студентовъ ничѣмъ или очень малымъ отличается въ своихъ поступкахъ отъ толпы пьяныхъ мастеровыхъ. И чѣмъ больше будетъ толпа, тѣмъ разительнѣе будетъ и это сходство. Оно и понятно. Назовемъ нѣчто общее людямъ даннаго народа и данной эпохи черезъ *a*. Кромѣ этого основного *a*, каждый человѣкъ имѣетъ личныя свойства — *A*. Пусть эти свойства во много разъ сильнѣе основного. При этомъ основное свойство будетъ играть ничтожную роль въ поступкахъ даннаго человѣка и можетъ быть даже сочтено вовсе отсутствующимъ. Оттѣнки характера, оттѣнки знанія и составляютъ личныя свойства. Они вполнѣ индивидуальны и составляютъ отличіе одного человѣка отъ другого, т. е. они разныя у разныхъ людей. Поэтому въ тысячной толпѣ свойства людей суммируясь дадутъ: $1000\,a + A_1 + A_2 + \ldots\ldots + A_{1000}$. Каждое изъ слагаемыхъ войдутъ съ составъ характера толпы и будутъ побуждать ее къ опредѣленнымъ поступкамъ, но *a*, ничтожное въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, тутъ пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе. Напротивъ, слагаемые А, будучи различны въ каждомъ человѣкѣ, идя, такъ сказать, въ разныхъ направленіяхъ, дадутъ разность личныхъ характеровъ. Другими словами, въ толпѣ сумма безконечно малыхъ даетъ конечную величину, а разности конечныхъ — безконечно малую. Такимъ образомъ свойство ничтожное въ отдѣльномъ человѣкѣ, которое въ силу этого признается несуществующимъ, можетъ пріобрѣсти въ толпѣ первенствующее значеніе. Пусть Ивановъ очень походитъ характеромъ на англичанина, Петровъ на француза, Сидоровъ на шведа,

Библиотека "Руниверс"

но, составляя толпу, они составятъ русскую толпу. Люди, окружавшіе Фридриха Великаго, относились довольно презрительно ко всему нѣмецкому, даже не говорили на родномъ языкѣ, а предпочитали ему французскій. Однако, совокупная ихъ дѣятельность была направлена цѣликомъ на возвеличеніе прусскихъ интересовъ и идей. Ферри по этому поводу говоритъ: «Соединеніе способныхъ людей не всегда вѣрная гарантія совокупной ихъ способности. Отъ соединенія здравомыслящихъ людей можно получить въ результатѣ собраніе, не обладающее здравыми понятіями». Это примѣръ разности большихъ величинъ дающее въ результатѣ малую. Ex nihil nihil—изъ ничего ничего и не выйдетъ и въ толпѣ неоткуда появиться новымъ чертамъ характера, а, суммируя общія черты, хотя бы онѣ и были слабыми — создается характеръ народа, характеръ толпы, характеръ войска.

Вершины мыслительныхъ высотъ — удѣлъ избранныхъ. Чѣмъ ниже будемъ мы спускаться по лѣстницѣ мышленія, тѣмъ болѣе встрѣтимъ мы понятій, составляющихъ достояніе многихъ. Темные, еле приподнимающіеся надъ порогомъ сознанія инстинкты общи всѣмъ людямъ. Понятно поэтому, что толпа по преимуществу инстинктивна. А такъ какъ инстинктивная ярость, первобытная склонность человѣка къ убійству, по мнѣнію Барбаста, присуща людямъ, то и толпа вообще проявляетъ свою дѣятельность въ грубой и часто кровавой формѣ. Въ силу той-же инстинктивности толпа жестока, ибо мягкость и добросердечіе не составляютъ инстинктовъ, а составляютъ высшія этическія чувства.

Толпа не имѣетъ центральнаго мозга. Она, подобно низшимъ червямъ, живетъ цѣлою цѣпью ганглій. У коль-

Библиотека "Руниверс"

чатыхъ червей каждое кольцо имѣетъ ганглію, у толпы— каждый ея членъ. Ее, какъ червя, можно разсѣкать на отдѣльныя части и каждая часть будетъ продолжать жить. Подобно червямъ, одинъ конецъ ея можетъ пожирать другой. Толпа безразсудна, а потому легко губитъ себя саму. Тѣмъ не менѣе въ этомъ суставчатомъ организмѣ поступки происходятъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ. Поступку предшествуетъ ощущеніе. Толпа, идущая къ помѣщику жаловаться на управляющаго, встрѣчаетъ на пути его самого. Зрительное ощущеніе является лишь у немногихъ, но оно передается другимъ немедленно съ помощью словъ и жестовъ, и вся толпа *ощущаетъ* управляющаго. Слѣдующая стадія—*ассоціація идей* и *борьба мотивовъ* происходитъ съ полною наглядностью. Съ ощущеніемъ управляющаго ассоціируются всѣ его поступки во вредъ толпѣ. Отдѣльныя ганглія - люди обмѣниваются мыслями и предположеніями. Среди разнообразныхъ идей, на поступокъ должна побудить наиболѣе яркая. Таковой будетъ для толпы наиболѣе простая и наиболѣе слышная. Простота важна потому, что простую идею усвоитъ себѣ большее количество народу, тогда какъ наиболѣе сложная будетъ усвоена лишь отдѣльными лицами. По той-же причинѣ преобладающее значеніе получитъ и наиболѣе слышная, т. е. громкая, чѣмъ и объясняется вліяніе на толпу крикуновъ. Изъ всѣхъ идей толпа приведетъ въ исполненіе ту, которая ей болѣе всего понравится, т. е. которая будетъ сопутствоваться *положительнымъ чувственнымъ тономъ*. Въ одномъ случаѣ толпа убьетъ управляющаго, въ другомъ— выкупаетъ въ рѣкѣ.

Такимъ образомъ поступокъ толпы слагается изъ тѣхъ же стадій, какъ и поступокъ отдѣльнаго человѣка, а потому

Библиотека "Руниверс"

и вліяніе на дѣйствіе толпы надо оказывать по тѣмъ же путямъ. Точно также и средства вліянія остаются тѣ-же, т. е. главнымъ образомъ жесты и слова. Однако, дѣйствіе этихъ средствъ значительно разнится при употребленіи ихъ на отдѣльномъ человѣкѣ или на цѣлой толпѣ.

Чувство, возбужденное въ одномъ изъ людей, находящемся въ толпѣ, немедленно передается окружающимъ, такъ какъ они видятъ его мимику, слышатъ интонацію голоса и ощущаютъ его порывистыя движенія. Если это ощущеніе не найдетъ отзвука, оно тутъ же и гибнетъ, но если оно найдетъ соотвѣтствіе въ толпѣ—оно охватываетъ ее какъ пламень. Мимическія движенія и жесты, созерцаемые тѣми, кто ихъ породилъ, увеличиваютъ ихъ настроеніе. Въ силу этого ихъ настроеніе, выраженіе ихъ ощущеній становятся интенсивнѣе и увеличиваютъ ощущенія окружающихъ. Это увеличеніе ощущеній возвращается къ нимъ обратно и такимъ образомъ напряженіе растетъ и достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ. Это свойство толпы отмѣчено Зигхелемъ, который говоритъ: «Неоспоримый психологическій законъ, что интенсивность возбужденія возрастаетъ въ прямомъ отношеніи къ количеству лицъ, которыхъ оно коснулось въ одномъ мѣстѣ и въ одно время». Это свойство толпы и заставляетъ сектантовъ собираться на общую молитву, гдѣ они и доводятъ себя до полнаго экстаза, достиженіе котораго было бы весьма затруднительно въ одиночествѣ. Въ толпѣ человѣкъ не только себя чувствуетъ, но и на дѣлѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ одиночествѣ.

Изъ этой попытки опредѣлить основныя свойства толпы можно вывести: 1) что она впечатлительна; 2) борьба мотивовъ отличается въ ней своею простотой и 3) она можетъ совершать поступки такой силы, которая зачастую много

Библиотека "Руниверс"

разъ превосходитъ математическую сумму силъ, ее составляющихъ. Мало того, 4) каждый изъ членовъ толпы, подъ вліяніемъ психическаго зараженія, можетъ совершать такія дѣйствія, которыя для него произвольно не выполнимы, хотя возможность ихъ совершенія, конечно, дается строеніемъ человѣческаго тѣла (Токарскій).

Въ заключеніе надо указать еще на одно важное свойство толпы 5) ея устойчивость. Рядъ ощущеній, созданныхъ толпою и доведенныхъ до извѣстнаго напряженія, получаетъ какъ бы реальное существованіе. Часть людей, составлявшихъ толпу, уйдутъ, часть присоединятся вновь— а настроеніе можетъ продолжаться неизмѣнно, хотя бы составъ толпы обновился нѣсколько разъ. Вышедшіе изъ толпы люди быстро утрачиваютъ напряженность ощущенія, входящихъ въ нее оно быстро охватываетъ. Какъ на замѣчательный примѣръ стойкости коллективнаго ощущенія можно указать на слѣдующій случай, приведенный Токарскимъ. Въ одной итальянской деревнѣ, во время крестнаго хода, всѣ участвующіе увидѣли передъ собой въ воздухѣ Божью Матерь. Это продолжалось долгое время. Многіе остались на томъ мѣстѣ созерцать чудное видѣніе, молва о которомъ тотчасъ-же стала привлекать вѣрующихъ. И каждый приходившій видѣлъ въ свою очередь носящуюся Мадонну, пока власти не запретили сборища. Тогда видѣніе исчезло. Это единство сознанія ясно узываетъ, что собраніе людей должно всюду разсматриваться какъ организмъ, а не какъ конгломератъ личностей. Толпа имѣетъ такое же единое и реальное бытіе, какъ и отдѣльный человѣкъ, сознаніе котораго не утрачиваетъ непрерывности, несмотря на постоянную смѣну веществъ, его составляющихъ.

Всѣ вышеприведенныя свойства толпы дѣлаютъ ее на-

Библиотека "Руниверс"

столько стихійной, настолько опасной, что вездѣ, гдѣ существуетъ настроеніе, угрожающее перейти въ дѣйствіе, тамъ принимаются мѣры, препятствующія сборищамъ. Такъ поступаютъ напримѣръ въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, въ мѣстностяхъ со враждебнымъ населеніемъ и т. д. Въ случаѣ же появленія толпы ее стремятся уничтожить, т. е. разогнать. Такъ поступили, напримѣръ, власти въ случаѣ, переданномъ выше, и достигли этимъ результатовъ, которыхъ добивались, т. е. исчезновенія видѣнія.

ГЛАВА V.

Вліяніе человѣка на толпу.

Человѣкъ можетъ вліять на толпу тѣми же средствами, какъ и на отдѣльнаго человѣка, т. е., во-первыхъ: жестами, мимикой и интонаціей, а, во-вторыхъ: словами. При этомъ вліяніе оказывается обоюднымъ, и величина его опредѣляется Эспинасомъ на слѣдующемъ примѣрѣ: Допустимъ, что ощущеніе, испытываемое ораторомъ, можетъ быть выражено цифрой 10, и при первыхъ его словахъ, при первомъ блескѣ его краснорѣчія онъ передастъ не менѣе половины своего возбужденія слушателямъ, которыхъ пусть будетъ 300. Всякій реагируетъ апплодисментомъ и удвоеннымъ вниманіемъ и въ результатѣ получается то, что называется сенсаціей. Это движеніе будетъ ощущаться всѣми за разъ, потому что слушатель занятъ аудиторіей не менѣе, чѣмъ ораторомъ, и его воображеніе властно поражается зрѣлищемъ трехъ-сотъ людей, захваченныхъ возбужденіемъ, зрѣ-

Библиотека "Руниверс"

лицемъ, которое не можетъ не произвести въ немъ, въ силу только что указаннаго закона, дѣйствительнаго волненія. Допустимъ, что онъ воспринялъ только половину этого возбужденія, и посмотримъ на результаты. Полученное имъ впечатлѣніе должно быть выражено уже не цифрой 5, но половиной пяти, умноженной на 300, т. е. 750. Если примѣнить тотъ же законъ къ тому, кто стоитъ и держитъ рѣчь этой затаившей дыханіе толпѣ, его внутреннему возбужденію будетъ соотвѣтствовать не цифра 750, но произведеніе 300 на 750 : 2, такъ какъ онъ является фокусомъ, въ которомъ сосредоточиваются полученныя отъ него впечатлѣнія всѣхъ этихъ глубоко взволнованныхъ людей.

Конечно, въ виду произвольности взятыхъ цифръ и нѣкоторыхъ другихъ погрѣшностей, опредѣленіе величины возбужденія является далеко не точнымъ, но вѣрность общаго хода вычисленій даетъ приблизительное понятіе о наростаніи впечатлѣній въ толпѣ и на обратное вліяніе этого наростанія на ея руководителя.

Въ приведенномъ примѣрѣ Эспинасъ предполагаетъ, что ораторъ передаетъ каждому человѣку въ толпѣ $^1/_2$ своего ощущенія. При этомъ ощущеніе толпы выразится $^1/_2 \times 300 = 150$, т. е. въ полтораста разъ болѣе, чѣмъ ощущеніе оратора. Если-же ораторъ передастъ лишь $^1/_{10}$ своего ощущенія, то ощущеніе толпы выразится $^1/_{10} \times 300 = 30$, т. е. будетъ въ пять разъ слабѣе предъидущаго, что̀ зависитъ въ данномъ случаѣ исключительно отъ выразительности оратора въ первомъ и во второмъ случаѣ. Такимъ образомъ, вліяніе человѣка на толпу прямо пропорціонально его способности выражать свои ощущенія. Выразить-же ихъ можно тремя способами: 1) непосред-

Библиотека "Руниверс"

ственной передачей ощущеній одного человѣка другому, на подобіе передачи электрическихъ волнъ на разстояніе безъ проводниковъ; 2) передачей ощущеній жестами, мимикой, интонаціей и движеніями и наконецъ 3) передачей ихъ съ помощью словъ.

Существованіе перваго способа можетъ быть подвергнуто сомнѣніямъ. Въ настоящее время какъ признаніе его, такъ и отрицаніе будутъ вполнѣ голословны, не подкрѣплены никакими несомнѣнными фактами, чтò само по себѣ уже склоняетъ побѣду на сторону отрицанія, такъ какъ отрицаніе допускается и безъ фактовъ, допускается даже отрицаніе самихъ фактовъ, между тѣмъ какъ при утвержденіи факты считаются обязательными. Телепатія даетъ нѣкоторые факты, но существованіе ихъ оспаривается. Въ виду такой неопредѣленности вопроса, онъ остается открытымъ и понынѣ.

Второй способъ: передача ощущеній жестами, мимикой, интонаціей и движеніями не можетъ быть ни въ коемъ случаѣ оспариваема. Въ виду тѣхъ свойствъ его, которыя указаны въ главѣ III, этотъ способъ оказываетъ самое рѣшительное дѣйствіе. Поэтому къ этому способу всегда прибѣгали люди, дѣйствуя на толпу. Чѣмъ энергичнѣе жесты, чѣмъ рѣзче интонація, тѣмъ рѣшительнѣе и вліяніе, ими оказываемое. Разсказывая о возмущеніи легіоновъ въ началѣ правленія Тиверія, Тацитъ указываетъ на слѣдующій эпизодъ: «Нѣкто Вибуленъ, рядовой солдатъ, поднятый передъ трибуналомъ Блеза на плечи близъ стоящихъ, сказалъ бурной, внимающей ему толпѣ рѣчь. Слова усилилъ онъ рыданіями, билъ себя въ лицо и въ грудь, расталкавъ держащихъ его на плечахъ, началъ валяться въ ногахъ товарищей и пробудилъ въ нихъ такую ярость, что

Библиотека "Руниверс"

одни наложили оковы на гладіаторовъ Блеза, другіе на остальныхъ слугъ его, третьи бросились искать трупъ брата Вибулена». Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Вибуленъ произнесъ рѣчь со сдержанными манерами англійскаго министра, она не произвела бы подобнаго дѣйствія.

Дѣйствіе интонаціи подобно дѣйствію жестовъ. Грань между интонаціей и словами составляютъ бранныя слова. Они зачастую лишены собственнаго смысла и являются лишь сочетаніемъ звуковъ, выражающихъ, подобно интонаціи, отношеніе говорящаго лица къ предмету его рѣчи. Другая категорія бранныхъ словъ имѣетъ опредѣленный смыслъ и, въ зависимости отъ случая, слова или приближаются къ сужденіямъ, или къ интонаціямъ. Такъ, напр., слово «мерзавецъ», произнесенное хладнокровно составитъ сужденіе; произнесенное же съ запальчивостью — ругань, а ругань ближе подходитъ къ интонаціи, чѣмъ къ рѣчи. Поэтому ораторы энергичнѣе вліяютъ на толпу крикомъ и руганью, чѣмъ убѣжденіемъ и сужденіемъ. Даже такая высоко интеллигентная толпа, какъ толпа аѳинянъ временъ Перикла, толпа, искусившаяся въ діалектическихъ тонкостяхъ, и она подпадала легче подъ вліяніе крика, чѣмъ логики. Такъ послѣ смерти такого блестящаго, мудраго и изящнаго оратора, каковъ былъ Периклъ, она подпала подъ вліяніе грубаго Клеона, а не Никія, государственный умъ котораго былъ извѣстенъ. «Этотъ Клеонъ, по словамъ Шлоссера, былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ не заслугамъ, образованію или происхожденію, а только своей энергіи и дерзости. Народъ принималъ его крики за краснорѣчіе, а брань и ругательства за доказательства ума».

Чтобы дѣйствовать на зрѣніе и слухъ толпы жестами

Библиотека "Руниверс"

и мимикой, необходимо, чтобы ораторъ былъ виденъ и слышенъ возможно большему числу людей. Для этого ораторъ долженъ выбрать себѣ мѣсто видное и внѣ толпы. Выполненіе этого условія и привело къ созданію возвышенныхъ каѳедръ, къ поднятію ораторовъ на плечи и на щиты. То, что выдѣленіе изъ толпы лишило ихъ возможности вліять на нее движеніями, воспринимаемаго сосѣдями при посредствѣ осязанія, не имѣетъ существеннаго значенія, какъ въ виду огромныхъ выгодъ, пріобрѣтаемыхъ этимъ выдѣленіемъ, такъ и въ виду слабой возможности для одного человѣка воздѣйствовать на толпу при посредствѣ осязанія.

Переходя къ третьему способу воздѣйствія на толпу, надо замѣтить, что слова вовсе не такъ рѣзко отличаются отъ жестовъ и интонацій, какъ это кажется при первомъ взглядѣ. Уже указано значеніе бранныхъ словъ, какъ явленій промежуточныхъ между интонаціей и сужденіями. Точно такъ же существуютъ слова, родственныя жестамъ. Такъ, говоря: «плюй», человѣкъ, сказавшій это слово, производитъ ртомъ и языкомъ рядъ движеній, весьма близкихъ къ приведенію этого слова въ дѣйствительность.

Выговаривая слова: кисло или сладко, человѣкъ производитъ и соотвѣтствующую мимику. Дайте человѣку съѣсть лимонъ—невольная мимика его лица будетъ весьма понятна зрителямъ и будетъ состоять въ съуженіи его губъ, въ удлиненіи угловъ рта въ сторону ушей и въ прижатіи кончика его языка къ нижнимъ зубамъ [1]), т. е. именно въ тѣхъ движеніяхъ, которыя необходимо будутъ произведены при произнесеніи «ки» въ словѣ «кислый». Ощущеніе слад-

¹) Рядъ движеній, которыя сводятся къ уменьшенію поверхности соприкосновенія къ кислымъ тѣламъ.

Библиотека "Руниверс"

каго, какъ указалъ Вундъ, вызываетъ сосательное движеніе рта, т. е. стягиваніе губъ въ кружокъ и движеніе языка къ верхнимъ зубамъ. А это опять-таки тѣ движенія, которыя производятся человѣкомъ при произнесеніи «с» и «л». Говоря «вкусно», губы сами тянутся впередъ, а при словѣ «мерзко»—они оттягиваются назадъ. Тонируя всѣ эти слова, мы удлинняемъ выразительные звуки и тѣмъ самымъ увеличиваемъ и мимическія движенія. Въ приданіи словамъ наибольшаго количества присущаго имъ движенія и кроется искусство выразительности рѣчи. Одна и та же фраза можетъ быть произнесена съ различною интонаціей, но одинаково выразительно. Уже въ этомъ одномъ кроется одна изъ причинъ огромнаго преимущества живой рѣчи надъ письмомъ. Описаніе природы, прочитанное даже безъ тѣни чувства, произведетъ одно впечатлѣніе при выразительномъ чтеніи, другое при чтеніи про себя, по книгѣ.

Чѣмъ выше мы будемъ подниматься, такъ сказать, въ іерархіи словъ, тѣмъ болѣе будетъ ограниченно и неопредѣленно присущее имъ движеніе. Поэтому описаніе природы бываетъ живо, ибо описываетъ рядъ простѣйшихъ ощущеній, ею производимыхъ; описаніе событій и эмоцій еще живѣе, потому что слова для ихъ выраженія сами по себѣ полны движенія. Напротивъ, философскій трактатъ—сухъ. Слова, выражающія отвлеченныя, высшія идеи, оказываются невыразительными, бѣдными движеніемъ. Поэтому, обращаясь къ толпѣ, ораторъ ищетъ рѣзкихъ картинъ, выразительныхъ словъ. Чѣмъ больше потребуется отъ толпы движенія, тѣмъ пластичнѣе и эмоціональнѣе должны быть подобраны выраженія. Поэтому мы видимъ поэта Тиртея двигающимъ спартанскую армію во время второй мессенской войны. Но можно безъ риска касаться и отвлеченныхъ

*

Библиотека "Руниверс"

идей, если толпу требуется побудить на minimum движенія. Этотъ minimum движенія составляетъ произнесеніе извѣстнаго сужденія, приговора, не касающагося самой толпы. Таково положеніе, напримѣръ, прокурора и защитника передъ присяжными. И та, и другая сторона тутъ употребляетъ всякія слова, лишь бы они были понятны слушателямъ, да и это подчасъ бываетъ не необходимо. Доказавъ слушателямъ логичность того или другого сужденія, можно добиться выраженія ихъ согласія на это сужденіе. Но этого вполнѣ недостаточно, чтобы побудить ихъ къ болѣе энергическому дѣйствію. Но если сужденіе толпы касается ея интересовъ, то вызвать это сужденіе логикой весьма трудно, значительно труднѣе, чѣмъ достичь того же у одиночнаго лица. Извѣстно, что на мірскихъ сходахъ, убѣждая каждаго крестьянина отдѣльно, можно добиться его согласія на что-либо. Но какъ только они составили сходъ, т. е. толпу, такъ сейчасъ же всѣ единогласно оказываются противоположнаго мнѣнія.

Причина малоуспѣшности логики кроется въ томъ, что поступокъ вызывается только положительнымъ чувственнымъ тономъ, сопровождающимъ главенствующую идею. Извѣстно, что Шопенгауеръ, создавшій цѣлую философскую пессимистическую школу, самъ вовсе не слѣдовалъ ея выводамъ и не былъ пессимистомъ. Доказавши всю ничтожность существованія, онъ чрезвычайно любилъ жизнь съ ея прелестями, которыя онъ теоретически отвергалъ. Будучи философомъ, онъ былъ въ то же время чрезвычайно суевѣренъ, боялся пауковъ и т. д. Подобныя явленія обусловливаются тѣмъ, что логикой и софистикой можно привести къ главенству той или другой идеи, но этими способами нельзя придать ей желаемаго тона или устранить

Библиотека "Руниверс"

нежелаемый. За то мимика, жесты и интонаціи какъ нельзя лучше сообщаютъ толпѣ главнымъ образомъ чувственный тонъ. Создавши его, уже не трудно создать главенство нѣкоторой идеи—и поступокъ совершится со стихійной силою. Перенесеніе центра тяжести съ логики на чувство съ успѣхомъ примѣняется и при судебныхъ разбирательствахъ. Часто присяжные соглашаются съ защитникомъ, потому что онъ употребитъ доводы, заставившіе ихъ смѣяться надъ прокуроромъ, хотя и не разбивавшіе улики. Поэтому Шопенгауеръ въ своей Эристикѣ, или искусствѣ спорить, совѣтуетъ употреблять выраженія, выставляющія противника въ смѣшномъ видѣ: «Люди всегда готовы смѣяться, а смѣющійся оказывается на нашей сторонѣ».

Логика ищетъ правду; мимика, жесты и краснорѣчіе—удовольствіе [1]), и такъ какъ толпа инстинктивна, то она болѣе живетъ чувствами, чѣмъ отвлеченными идеями, стремясь къ удовольствіямъ, а не къ истинѣ. Поэтому управлять толпою при помощи логики—невозможно. Всѣ рѣчи должны затрогивать чувства. Такъ Вибуленъ, въ случаѣ, разсказанномъ Тацитомъ, побудившій легіоны къ открытому нападенію на Блеза, держалъ передъ толпой такую рѣчь:

«Вы возвратили этимъ [2]) невиннымъ и несчастнымъ свѣтъ и дыханіе, но кто возвратитъ брату моему жизнь? Кто отдастъ мнѣ брата? Онъ былъ посланъ къ вамъ отъ германскаго войска ради общихъ пользъ, и нынѣшнюю

---

[1]) Мимика, жесты и другіе рефлекторные поступки создаются въ человѣкѣ или для увеличенія воспринимаемаго удовольствія, или для избѣжанія страданія, т. е. въ концѣ концовъ, тоже для увеличенія удовольствія.

[2]) Взбунтовавшіеся легіонеры освободили изъ тюрьмы преступниковъ.

Библиотека "Руниверс"

ночь Блезъ приказалъ его удавить своимъ гладіаторамъ, которыхъ держитъ и вооружаетъ на погибель солдатъ. Отвѣчай, Блезъ, куда бросилъ ты трупъ? И врагъ не лишаетъ погребенія. Дай мнѣ утишить скорбь слезами и объятьями и тогда вели убить и меня, лишь бы товарищи похоронили убитыхъ не какъ злодѣевъ, а какъ трудившихся на пользу легіоновъ».

Каждая фраза этой рѣчи дѣйствуетъ исключительно на чувства. Первая фраза льститъ легіонерамъ; слѣдующая выражаетъ скорбь о братѣ. Затѣмъ слѣдуетъ краткій разсказъ, какъ именно былъ умерщвленъ этотъ братъ и сейчасъ же ораторъ пугаетъ слушателей такою же участью (... которыхъ вооружаетъ на погибель солдатъ...). Послѣ этого требуется отвѣтъ отъ Блеза и рѣчь кончается выраженіемъ скорби и отчаянія. Обвиненіе Блеза въ убійствѣ— вполнѣ голословно. У Вибулена не было даже никакого брата. Но толпа и не искала правды, а потому не требовала и доказательствъ. Легковѣрность — основное свойство толпы.

Льстивое начало рѣчей составляетъ почти общее правило и вотъ почему: чтобы оказать вліяніе на толпу, надо прежде всего, чтобы ея вниманіе остановилось на ораторѣ. Для этого онъ занимаетъ видное положеніе и обращаетъ на себя вниманіе жестами и криками. Добившись этими пріемами вниманія толпы, ораторъ долженъ помнить, что это вниманіе крайне легко исчезаетъ, а потому его первой заботой должно быть укрѣпленіе вниманія, а это легче всего достичь начиная рѣчь въ направленіи желаній и мнѣній толпы. Отступленіе отъ этого правила могутъ себѣ безнаказано позволить лишь тѣ, которые пользуются вниманіемъ толпы, добившись уже вліянія на нее. Тѣ-же, кто до-

Библиотека "Руниверс"

бивается этого вліянія, должны остерегаться противорѣчить толпѣ съ первыхъ же словъ.

Въ своей трагедіи: «Юлій Цезарь» Шекспиръ даетъ двѣ рѣчи, разныхъ содержаній и различно начатыхъ. Первая рѣчь—рѣчь Брута къ толпѣ, послѣ убійства Цезаря. Брутъ входитъ на трибуну. Только одинъ крикъ привлекаетъ вниманіе толпы: «Вотъ благородный Брутъ взошелъ: молчите!» Брутъ властно начинаетъ свою рѣчь требованіемъ: «Будьте до конца терпѣливы. Римляне-сограждане и друзья, выслушайте мое оправданіе и молчите до тѣхъ поръ, пока не выслушаете всего».

Маркъ Антоній не пользовался такимъ вліяніемъ какъ Брутъ и ему не такъ легко начать свою рѣчь. Толпа шумитъ. Она возстановлена Брутомъ противъ Цезаря и встрѣчаетъ недружелюбно попытку сказать рѣчь надъ его трупомъ, которая будетъ, вѣроятно, похвалой убитому. Маркъ Антоній долженъ захватить вниманіе крикомъ: «Сограждане!» Этотъ крикъ привлекаетъ вниманіе настолько, что Антоній можетъ начать рѣчь. Онъ начинаетъ ее не властнымъ требованіемъ Брута, а просьбою: «Римляне, друзья, сограждане, прошу у васъ вниманія!» Затѣмъ въ угоду толпѣ онъ отказывается отъ похвалы Цезарю. «Я Цезаря пришелъ похоронить, а не хвалить». Зная довѣріе толпы къ Бруту и начиная опровергать его рѣчь, Маркъ Антоній лицемѣрно заявляетъ, что онъ солидаренъ съ толпой въ своемъ мнѣніи о Брутѣ. «Брутъ, извѣстно, честный человѣкъ, да и они всѣ—люди честные». По мѣрѣ развитія рѣчи это выраженіе принимаетъ все болѣе и болѣе ироническій оттѣнокъ и наконецъ звучитъ прямой насмѣшкой, и тотъ-же гражданинъ, который въ началѣ рѣчи говорилъ: «Я-бъ ему совѣтовалъ не говорить ничего дур-

Библиотека "Руниверс"

ного о Брутѣ», въ концѣ рѣчи заявляетъ: «Они измѣнники — эти честные люди!»

Разсмотрѣвъ непосредственное вліяніе оратора на толпу, остается рѣшить принципіально, въ какихъ предѣлахъ ораторъ можетъ передать толпѣ свои чувства и идеи. Онъ можетъ ихъ передать полностью, можетъ не передать вовсе, и, наконецъ, можетъ передать чувства и идеи, которыхъ онъ вовсе не испытываетъ и не раздѣляетъ. Въ самомъ дѣлѣ способы ихъ передачи составляютъ ихъ внѣшнее проявленіе. Но искусный человѣкъ можетъ воспроизвести всѣ внѣшніе признаки какого-либо чувства, которое, однако, въ данный моментъ въ немъ отсутствуетъ. Вліяніе же его на толпу отъ этого не проиграетъ. Такъ Вибуленъ, подвигнувшій легіоны на энергичные поступки, выраженіемъ горя о своемъ братѣ, въ душѣ его не испытывалъ, по крайней мѣрѣ первоначально, такъ какъ у него никакого брата, убитаго Блезомъ, и не было. Но весьма возможно, что, увлеченный мимикой и впечатлѣніемъ толпы, Вибуленъ испыталъ дѣйствительное горе. Это свойство испытывать чувства, порожденныя воображаемымъ событіемъ, свойственно всѣмъ людямъ и рѣзче всего оно ощущается подъ вліяніемъ толпы. Зачастую тираны плакали передъ толпою и каялись въ своихъ злодѣяніяхъ. И покаяніе, и слезы ихъ въ тѣ моменты бывали искренними, хотя они и были ложны, потому что тиранъ продолжалъ и послѣ нихъ поступать попрежнему. Это свойство — входить въ роль хорошо знакомо актерамъ, и они также хорошо знаютъ, что это бываетъ легче при большой толпѣ зрителей, чѣмъ при нѣсколькихъ человѣкахъ. Способность входить въ роль весьма полезна и для ораторовъ, такъ какъ изображать мимикой и интонаціями ощущенія, которыхъ не испытываешь, — дѣло весьма

Библиотека "Руниверс"

трудное. Способность же пересадить въ свою душу извѣстныя ощущенія, настроиться въ желательномъ духѣ, придаетъ жестамъ и словамъ выразительность, свободу и соотвѣтствіе. Поэтому люди увлекающіеся легко увлекаютъ и толпу, люди холодные—зачастую остаются одинокими. Характеризуя Донъ-Кихота и Гамлета, Тургеневъ высказалъ мысль, что первый можетъ подвинуть толпу на совершеніе поступковъ, второй никогда не окажетъ на толпу вліянія.

ГЛАВА VI.

Воздѣйствіе толпы на саму себя и на руководителя.

Второй періодъ воздѣйствія оратора на толпу состоитъ въ томъ, что на каждаго слушателя, помимо рѣчи оратора, произведетъ впечатлѣніе и то ощущеніе, которое возбуждено этой рѣчью въ каждомъ изъ людей, составляющихъ толпу. Въ вычисленіяхъ Эспинаса величина выраженнаго ощущенія принята одинаковой какъ для оратора, такъ и для слушателя. Съ этимъ нельзя согласиться по слѣдующимъ причинамъ: ораторъ занимаетъ такое положеніе, которое облегчаетъ ему выраженіе своихъ ощущеній. Онъ свободенъ въ своихъ жестахъ, его голосъ не заглушается—его слушаютъ. Человѣкъ же, находящійся въ толпѣ, если не совсѣмъ лишенъ, то крайне стѣсненъ въ этомъ отношеніи. Поэтому онъ въ состояніи передать гораздо меньшую часть своего ощущенія, чѣмъ ораторъ. Далѣе Эспинасъ полагаетъ, что впечатлѣніе, полученное каждымъ человѣкомъ,

Библиотека "Руниверс"

въ толпѣ будетъ суммироваться на каждомъ изъ нихъ, т. е. если каждый выразитъ $2^1/_2$ ощущенія, то въ толпѣ, состоящей изъ 300 человѣкъ, каждый изъ нихъ воспріиметъ $300 \times 2^1/_2 = 750$ ощущеній (вѣрнѣе $(300-1) \times 2^1/_2$). Но и этотъ разсчетъ также сильно преувеличенъ по той причинѣ, что человѣкъ, находящійся въ толпѣ, вовсе не воспріиметъ выраженіе ощущенія ото всѣхъ другихъ. Непосредственно онъ воспріиметъ лишь выраженіе ощущенія тѣхъ людей, которые ближе всего къ нему, которыхъ онъ видитъ, слышитъ и осязаетъ. Выраженіе ощущеній остальныхъ людей онъ испытываетъ лишь при посредствѣ цѣлаго ряда звеньевъ, которыя не только могутъ ихъ смягчить и уничтожить, но даже видоизмѣнить и извратить.

Но такъ или иначе, но накопленіе напряженія въ толпѣ несомнѣнно зависитъ и отъ обоюдной электризаціи выраженіемъ ощущеній. Чѣмъ болѣе свойственно человѣку выражать свои ощущенія, тѣмъ сильнѣе будетъ онъ реагировать на окружающихъ. Извѣстно, насколько подвижны итальянцы, насколько они энергично выражаютъ свои ощущенія движеніями, мимикой, восклицаніями. Поэтому и итальянская толпа быстро воспламеняется, внутреннее напряженіе въ ней быстро возрастаетъ, однимъ словомъ она является чрезвычайно экспансивной. Напротивъ, сдержанные, молчаливые финляндцы составятъ толпу мало увлекающуюся. Ораторъ, стремящійся подвинуть ее на какія-нибудь дѣйствія, почти всецѣло долженъ на нее вліять одинъ, тогда какъ, имѣя дѣло съ итальянскою толпой, достаточно кинуть эффектное слово, сильную мысль, чтобы подхваченная толпой, раздутая взаимнымъ возбужденьемъ, она почти немедленно перешла въ дѣйствіе.

Внутренняя электризація толпы зависитъ не только отъ

Библиотека "Руниверс"

свойства частицъ, ее составляющихъ, но и отъ ихъ взаимнаго расположенія. Чѣмъ свободнѣе расположится толпа, тѣмъ отъ меньшаго числа людей будутъ получаться выраженія ощущеній каждымъ изъ людей, ее составляющихъ. Это зависитъ оттого, что чѣмъ тѣснѣе расположится толпа, тѣмъ лучше и тѣмъ большее число сосѣдей можно каждому видѣть, слышать и осязать. Кромѣ того рядъ полусознательныхъ и безсознательныхъ движеній не произведутъ никакого вліянія на сосѣдей, если пространство между ними превышаетъ размахъ жеста. Напримѣръ, переминаніе съ ноги на ногу, безслѣдное въ рѣдкой толпѣ, въ густой толпѣ воспринимается сосѣдями и дѣйствуетъ на нихъ раздражающе. Такъ какъ ощущенія выражаются цѣлымъ рядомъ движеній, изъ которыхъ одни имѣютъ широкій размахъ, а другія такой ничтожный, что для опредѣленія ихъ нужны особые приборы, то понятно, что чѣмъ тѣснѣе прижмется одинъ человѣкъ къ другому, тѣмъ полнѣе передастся ощущеніе. Поэтому напряженность толпы связана съ пространствомъ, ею занимаемымъ. Чѣмъ напряженнѣе ощущеніе толпы, тѣмъ она тѣснѣе, и чѣмъ она тѣснѣе, тѣмъ напряженнѣе.

Такимъ образомъ вліяніе оратора на толпу слагается изъ двухъ моментовъ: непосредственное вліяніе на каждаго слушателя и возбужденіе внутренняго напряженія толпы, которое является реакціей этого вліянія на каждаго человѣка изъ толпы. Если оба эти вліянія идутъ въ одномъ направленіи, то соотвѣтственно возрастаетъ и значеніе, и сила оратора. Отдѣльный человѣкъ, выслушавъ рѣчь оратора, можетъ и не согласиться съ ней и не совершить того поступка, котораго онъ добивается. Но тотъ же человѣкъ въ толпѣ подпадетъ подъ вліяніе той же рѣчи, если осталь-

Библиотека "Руниверс"

ная толпа ее одобритъ и пожелаетъ привести въ исполненіе. Выйдя изъ толпы и припоминая рѣчь оратора, тотъ же человѣкъ будетъ недоумѣвать, какимъ образомъ она могла подѣйствовать на него. «Подражательность, говоритъ Жолли, настоящая зараза, и дремлющіе въ насъ въ спокойное время инстинкты могутъ проснуться въ силу одного акта подражательности».

Величина реакціи слушателей на выраженныя ораторомъ ощущенія и мысли—величина всегда гадательная. Зная людей, зная составъ толпы, можно предполагать, какова она будетъ, но никогда нельзя быть увѣреннымъ, что это предположеніе сбудется. Поэтому и сложилось убѣжденіе, что толпа капризна. Между тѣмъ, эта внутренняя реакція достигаетъ взаимной электризаціей такой силы, что именно она опредѣляетъ поступокъ толпы. И этотъ поступокъ въ силу вышеприведенныхъ причинъ можетъ идти въ разрѣзъ съ намѣреніями оратора. Такъ, въ 559 г. до Р. X., египетское войско, послѣ неудачнаго похода противъ греческой провинціи Кирены, взбунтовалось противъ своего фараона Априса. Априсъ поручилъ одному изъ полководцевъ, Амазису, усмирить бунтъ. Но въ то время, когда послѣдній увѣщевалъ воиновъ, одинъ изъ слушателей, подойдя къ нему сзади, одѣлъ ему на голову шлемъ и закричалъ: «Пусть онъ будетъ нашимъ царемъ». Крикъ былъ подхваченъ толпою, которая и вручила Амазису царскую власть. Такимъ образомъ Амазисъ добился покорности, но не той, которой добивался.

Такъ какъ вліяніе оратора на толпу въ первой его части, т. е. въ дѣлѣ передачи его ощущеній зависитъ отъ оратора почти всецѣло, тогда какъ во второй части, въ передачѣ и усиленіи возбужденныхъ ощущеній онъ почти

Библиотека "Руниверс"

безсиленъ, то управленіе толпою, собственно говоря, сводится для него въ пробужденіи первичнаго чувства, въ приданіи толпѣ общаго направленія. Это отлично понимаетъ Маркъ Антоній, а вмѣстѣ съ нимъ и великій сердцевѣдецъ-Шекспиръ, выведшій это дѣйствующее лицо въ своей драмѣ: «Юлій Цезарь». Рѣчью надъ трупомъ Цезаря Маркъ Антоній сообщаетъ толпѣ духъ разрушенія, выражающійся въ довольно безмысленныхъ желаніяхъ:

2-й гражданинъ. Огня!

3-й гражданинъ. Ломайте-ка скамьи.

4-й гражданинъ. Ломайте двери, ломайте окна, все!

1-й гражданинъ. Мы трупъ Цезаря сожжемъ въ священномъ мѣстѣ и головнями подожжемъ дома измѣнниковъ.

Сообщивъ толпѣ духъ разрушенія, придавъ такимъ образомъ общее направленіе дѣйствіямъ толпы, Антоній не берется руководить отдѣльными поступками, указывать, съ кого изъ среды измѣнниковъ надо начинать и какъ именно поступать.

«Теперь—пусть ихъ! говоритъ онъ: Мятежъ, ты на ногахъ. Свое стремленіе направь куда угодно!»

Поэтому толпой сравнительно не трудно пользоваться, какъ неопредѣленной слѣпой силой, какъ тараномъ, ударомъ котораго можно воспользоваться, но нельзя направить. Въ силу накопленія внутренняго напряженія она быстро вырывается изъ-подъ власти оратора. Ораторъ уподобляется человѣку, бросающему искру въ пороховой складъ. Онъ можетъ бросить ее или не бросить, т. е. можетъ произвести взрывъ или не произвести его. Но регулировать и направить его дѣйствіе — не во власти поджигателя, для этого нужны особыя приспособленія. Къ толпѣ поддѣлываются, но ею не

Библиотека "Руниверс"

управляютъ. Такъ поступилъ Шуйскій, поднявъ толпу на поляковъ криками: «Поляки хотятъ убить царя!» И въ то время, когда толпа бурнымъ моремъ разлилась по Москвѣ, истребляя поляковъ, самъ Шуйскій съ соумышленниками бросился въ царскіе покои и убилъ этого же самаго царя — Дмитрія Самозванца.

Вычисленіе Эспинаса величины возбужденія, испытываемаго ораторомъ, обращающимся съ рѣчью къ трехсотенной толпѣ, выражается въ громадной цифрѣ $300 \times 750 : 2 = 11250$. Такъ какъ въ основѣ этого вычисленія легло допущеніе, что первоначальное чувство оратора выражается 10, то окажется, что его возбужденіе возрасло въ 1125 разъ. Очевидно, что такое допущеніе несовмѣстимо съ вѣроятностью. Выше были указаны два условія, понижающихъ эту цифру, а именно 1) допуская возможность передачи ораторомъ $^1|_2$ своего ощущенія, нельзя допустить того же для каждаго члена толпы, и 2) ораторъ восприметъ далеко не всѣ эти выраженія ощущеній. Укажемъ еще на третье условіе, дѣйствующее въ томъ же направленіи, а именно 3) даже выраженія ощущеній тѣхъ лицъ, которыя будутъ замѣчены ораторомъ, не будутъ восприняты и не произведутъ того дѣйствія, какъ математическая сумма каждаго изъ нихъ. Причина этого кроется въ приложеніи знаменательнаго психологическаго закона Фехнера, а именно, что ощущеніе растетъ не пропорціонально раздраженію, а какъ логариѳмъ его. Поэтому восклицаніе ужаса стотысячной толпы будетъ воспринято не какъ крикъ въ сто тысячъ разъ сильнѣйшій, чѣмъ крикъ одного человѣка, а значительное число разъ слабѣе. Наконецъ, ораторъ, занятый своею рѣчью и своими ощущеніями, далеко не такъ воспріимчивъ къ обратнымъ ощущеніямъ, какъ толпа. Вниманіе толпы направлено къ

Библиотека "Руниверс"

оратору, но вниманіе оратора далеко не въ такой же степени поглощено толпою. Въ силу всѣхъ этихъ условій, надо придти къ заключенію, что Эспинасъ сильно преувеличиваетъ силу ощущенія, порождаемаго въ ораторѣ толпою.

Тѣмъ не менѣе, это обратное вліяніе несомнѣнно существуетъ. Каждый актеръ можетъ подтвердить, какая огромная разница въ ощущеніяхъ и въ игрѣ въ зависимости отъ того, много-ли народу наполняетъ зрительный залъ и принимаетъ-ли этотъ народъ живое участіе въ происходящемъ на сценѣ или нѣтъ. Эти обратныя впечатлѣнія заставляютъ оратора смутиться и забыть свою рѣчь. Многіе изъ нихъ сходятъ съ трибуны съ сознаніемъ, что они говорили вовсе не такъ и не то, что собирались говорить—причина этого все тѣ же обратныя впечатлѣнія. Вліяніе ихъ простирается и на поступки оратора. Легко допустить, что Амазисъ, держа рѣчь солдатамъ, былъ вполнѣ искрененъ. Но когда толпа реагировала на его рѣчь выраженіями желанія видѣть его царемъ, то онъ поддался этимъ обратнымъ впечатлѣніямъ и согласился быть фараономъ.

Случаи, когда толпа увлекаетъ ораторовъ вопреки ихъ первоначальному мнѣнію и желанію — нерѣдки. Поэтому ораторъ долженъ остерегаться излишняго вліянія на него толпы, а это достигается уменьшеніемъ своей впечатлительности.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА VII.

Организація войска.

А. Средства, дающія возможность управленія.

Разсмотрѣніе обоюдныхъ вліяній ораторовъ на толпу и толпы на ораторовъ приходитъ къ слѣдующему выводу:

Непосредственное вліяніе оратора на толпу и то внутреннее напряженіе, которое является результатомъ взаимодѣйствія ощущеній людей, ее составляющихъ, могутъ работать или въ одномъ направленіи, или въ разныхъ. Въ первомъ случаѣ они будутъ усиливать вліяніе оратора, во второмъ — они его будутъ ослаблять, уничтожать, или пересиливать, результатомъ чего явится не тотъ поступокъ, который былъ желателенъ оратору. Въ каждомъ частномъ случаѣ можно надѣяться, угадывать, но отнюдь не знать, какъ сложатся эти обстоятельства, а потому желаніе направить толпу на тотъ или другой поступокъ встрѣчаетъ при исполненіи цѣлый рядъ неожиданностей.

Строй. Тамъ, гдѣ надо управлять людьми во что бы то ни стало, тамъ необходимо уменьшить значеніе внутренняго напряженія толпы. Могучимъ средствомъ для этого является строй. Уже указано, что внутреннее напряженіе толпы растетъ съ возрастаніемъ тѣсноты, т. е. съ числомъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ человѣкъ можетъ получить впечатлѣніе путемъ осязанія, зрѣнія и слуха. Въ строю число этихъ лицъ значительно ограничено. Осязаніемъ получается ощущеніе двухъ сосѣдей: съ правой и лѣвой стороны. При этомъ, благодаря интерваламъ, между людьми, большое количество

Библиотека "Руниверс"

движеній малаго размаха остаются безъ вліянія. Нѣсколько больше роль слуха и зрѣнія—но и они въ строю получаютъ впечатлѣніе отъ небольшого числа лицъ. Еще сильнѣе, чѣмъ взаимнымъ положеніемъ, внутреннее напряженіе уменьшается запрещеніемъ въ строю разговоровъ, восклицаній, движеній, т. е. тѣхъ способовъ, которыми передаются чувства и настроенія. Полная свобода выраженія своихъ ощущеній оставляется только за старшимъ начальникомъ, т. е. за руководителемъ всѣхъ этихъ людей. Самое расположеніе въ извѣстномъ порядкѣ, воспринимаемое каждымъ человѣкомъ, дѣйствуетъ на людей сдерживающимъ образомъ. Такимъ образомъ строй даетъ возможность уменьшить въ толпѣ внутреннее напряженіе и дать этимъ гарантію возможности управленія.

Одно расположеніе въ порядкѣ не исчерпываетъ, однако, понятіе о строѣ и не можетъ дать еще всѣхъ выгодъ, получаемыхъ отъ его примѣненія. Изъ строя можетъ быть извлечена вся присущая ему выгода только тогда, когда люди, его составляющіе, будутъ производить движенія только одновременно. При этомъ строй получаетъ воспитующее вліяніе, какъ понятіе о *порядкѣ*, *единствѣ* и *подчиненности*. При этомъ строй явится въ нужное время дѣйствительнымъ средствомъ упорядоченія поступковъ людей и управленія ими. Поэтому въ строю допустимы только одни залпы, въ строю допустима маршировка только въ ногу, повороты только одновременные. Неисполненіе этихъ требованій является отказомъ отъ тѣхъ психологическихъ выгодъ, какія даетъ строй, во имя матеріальной выгоды численнаго значенія людей. Единовременность, тактъ—великіе стимулы фактическаго объединенія людей. Рибо по этому поводу говоритъ слѣдующее:

Библиотека "Руниверс"

«Пляска приноситъ общественную пользу; она содѣйствуетъ согласованію движенія, единодушію. Она придаетъ данной группѣ людей единство, а также сознаніе этого послѣдняго и его зрительное воспріятіе. Она служитъ дисциплиной, подготовленіемъ къ общему нападенію или общей защитѣ, своего рода военной школой. Этимъ объясняется важная роль такта. Каффры поютъ и танцуютъ большими группами такъ согласно и равномѣрно, что производятъ впечатлѣніе огромной, пущенной въ ходъ машины. У многихъ племенъ ритмъ долженъ быть безупреченъ, и всякое нарушеніе его наказывается смертью».

Все, что говорится про ритмъ пляски, полностью приложимо и къ ритму движенія въ строю. Результаты достиженія этого ритма говорятъ сами за себя. Тамъ, гдѣ человѣкъ въ толпѣ обезсиливаетъ, тамъ въ строю онъ еще можетъ держаться. Вотъ что по этому поводу говоритъ Скобелевъ: «Полагаю, что намъ разумнѣе обращаться ко всей строгости уставныхъ формъ, примѣняя ихъ тѣмъ строже, чѣмъ усталость и нравственная расшатаность части больше. Изъ моей личной практики могу сообщить слѣдующее: въ 1873 году авангардъ Мангышлакскаго отряда, выступивъ съ колодца Каращекъ, имѣлъ 2-хъ дневный запасъ воды. По причинѣ слишкомъ большой глубины колодцевъ, онъ не могъ поить на колодцахъ Киныръ, въ 40 верстахъ отъ колодцевъ Каращекъ, и вынужденъ былъ въ теченіе ночи идти еще на другіе колодцы въ 40 верстахъ отъ колодцевъ Киныръ, гдѣ вода тоже оказалась на слишкомъ большой глубинѣ. Подъ зноемъ палящаго солнца пришлось запасъ воды отдать артиллерійскимъ лошадямъ. Послѣднія 10 верстъ пѣхота прошла церемоніальнымъ маршемъ съ барабаннымъ боемъ».

Библиотека "Руниверс"

Побѣды русскихъ ротъ въ борьбѣ со скопищами туркменовъ, коканцевъ и др. объясняются выгодами, даваемыми строемъ, такъ какъ нельзя отказать отдѣльному коканскому или туркменскому воину въ храбрости. И если бы въ бою русскіе теряли бы стройность, то могли ли бы они одержать побѣду?

Достиженіе такта, ритма въ строю составляетъ цѣль муштровки. Только благодаря ей сбродное по большей части войско Фридриха Великаго одерживало блестящія побѣды. Самъ Суворовъ отводитъ экзерзиціи второе мѣсто, между субординаціей и дисциплиной. Цѣлесообразность муштровки кончается тамъ, гдѣ конечное ее вліяніе обращено не на строй, а на отдѣльнаго человѣка. Не можетъ быть злоупотребленія тактомъ, ногой въ строю. Но злоупотребленіе начинается тамъ, гдѣ отъ отдѣльнаго человѣка требуютъ шага, какъ отъ цапли. Въ нашей исторіи обыкновенно указываютъ на кампанію 56 года, какъ на доказательство вреда муштровки. Но вредъ этотъ явился, во-первыхъ, результатомъ того, что муштровку обратили на отдѣльнаго человѣка. Поэтому для красоты, а не для одновременности пріемовъ отказались отъ новыхъ ружей. Во-вторыхъ, за муштровкой забыли значеніе другихъ данныхъ.

Кромѣ тѣсноты толпы, внутреннее напряженіе ея зависитъ отъ ея величины. Чѣмъ она многочисленнѣе, тѣмъ большихъ предѣловъ можетъ достигнуть и внутреннее напряженіе. Уменьшить это напряженіе можно, уменьшая толпу, но при этомъ мы ослабляемъ ее. Другой способъ — расчлененіе толпы. Этотъ способъ примѣняется въ войскахъ. Люди ставятся въ строй не сплошной массой, а группами, раздѣленные между собою большими или меньшими интервалами. Но при этомъ человѣкъ, руководящій ими, лишается воз-

Библиотека "Руниверс"

можности непосредственно влiять на всѣ эти группы, а это приводитъ къ созданiю частныхъ начальниковъ. Такимъ образомъ создалась воинская iерархiя.

Если для облегченiя управленiя пришлось отказаться отъ самой выгодной способности толпы, отъ усиленiя ея путемъ возрастанiя внутренняго напряженiя, то для уменьшенiя этой потери обратились къ видоизмѣненiямъ формъ строя. Чѣмъ детальнѣе надо руководить поступками людей, чѣмъ больше требуется отъ нихъ умственной работы, чѣмъ менѣе слѣдовательно желательно внутреннее напряженiе, тѣмъ болѣе утоняется и разрѣжается строй. Обратно, когда людямъ достаточно дать общее направленiе, когда важно напречь ихъ психическiя силы до maximum'а, тогда строю придаютъ форму почти тождественную, а иногда и вполнѣ тождественную съ толпой. Достаточно вспомнить контръ-атаку Ермолова въ Бородинскомъ бою, про которую онъ самъ говоритъ, что атаковалъ французовъ «толпой во образѣ колонны». Поэтому въ перiодъ подготовки боя, когда начальникъ детально руководитъ дѣйствiями подчиненныхъ, отъ которыхъ требуется разумный выборъ цѣли—тогда строй принимаетъ форму цѣпи. Когда же требуется рѣшительный ударъ и когда начальникъ даетъ лишь общее направленiе этому удару, тогда строй принимаетъ форму колонны. Принимая эту форму, онъ, подобно толпѣ, можетъ быть управляемъ лишь исключительными личностями, а въ большинствѣ случаевъ вырывается изъ-подъ власти начальниковъ. Поэтому онъ не можетъ принимать разумныхъ мѣръ противодѣйствiя. Цѣпь, обойденная съ фланга, легко можетъ остановиться и перемѣнить фронтъ. Колонны, пущенныя въ атаку, почти никогда не могутъ

Библиотека "Руниверс"

этого сдѣлать. Потому-то атака одной части должна быть обезпечена другою.

Резервныя колонны по формѣ приближаются къ строямъ рѣшительнымъ, по существу—къ подготовительнымъ. Онѣ представляютъ рядъ строевъ, собранныхъ на маломъ пространствѣ, для удобства управленія, при чемъ это управленіе должно быть полнымъ. Опасное для управленія внутреннее напряженіе устраняется тѣмъ, что не даютъ повода ему образоваться, для чего резервныя колонны держатся внѣ непріятельскихъ выстрѣловъ и другихъ стимуловъ, могущихъ дать импульсъ. При появленіи подобныхъ стимуловъ колоннѣ грозитъ опасность обратиться въ толпу со всѣми послѣдствіями, какъ это бывало, напримѣръ, съ колоннами, въ которыя неожиданно попадаютъ непріятельскіе снаряды.

Каждая часть расчлененной толпы управляется своимъ начальникомъ. Мѣсто его такое же, какъ и мѣсто всякаго руководителя толпы—впереди ея, чтобы его видѣли возможно большее число людей, и по возможности возвышенное, что проще всего достигается посадкою на лошадь. При этомъ условіи можно руководить людьми, чего нельзя при постановкѣ начальниковъ сзади своихъ частей, какъ напримѣръ, въ Австріи, гдѣ въ силу этого офицеры, вѣроятно, будутъ принуждены слѣдить за людьми, а не руководить ими.

Расчленивши толпу и создавъ военную іерархію, старшій начальникъ потерялъ возможность управлять всѣми людьми непосредственно, но за то, принимая въ нѣкоторыхъ случаяхъ это управленіе частью ихъ, онъ выигрываетъ въ силѣ производимаго впечатлѣнія. Выигрышъ этотъ проистекаетъ отъ слѣдующихъ причинъ: въ видахъ управ- Іерархія.

Библиотека "Руниверс"

ленія войсками каждому рангу начальниковъ присвоивается опредѣленная степень власти, при чемъ каждому рангу подчиняется все большее и большее число лицъ. Въ силу этого, чѣмъ выше подниматься по іерархической лѣстницѣ, тѣмъ могущественнѣе становится лицо, занимающее опредѣленную ступень. Поэтому подчиненные связываютъ съ опредѣленнымъ начальникомъ идею опредѣленной силы. Эта ассоціація двухъ представленій и составляетъ суть военной субординаціи. Вслѣдствіе того же представленія о силѣ, человѣкъ, обладающій ею, пользуется опредѣленнымъ почетомъ, выражающимся въ томъ вниманіи, оказываемомъ этому человѣку среди другихъ, которымъ оно не оказывается. Таково отданіе чести, почтительное отношеніе и т. п. Въ силу этого, дисциплинарная власть является не только способомъ воздѣйствія на людей физическимъ наказаніемъ, но также важнымъ путемъ поднятія престижа старшаго начальника.

Результатомъ всего этого является тотъ фактъ, что старшій начальникъ, берясь за непосредственное управленіе частью подчиненныхъ войскъ, встрѣчаетъ такое вниманіе, которое не возбуждаетъ начальникъ, ниже стоящій по іерархической лѣстницѣ. Уже одно это сосредоточеніе вниманія облегчаетъ воздѣйствіе на толпу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждое слово человѣка сильнаго пріобрѣтаетъ большее значеніе, чѣмъ то же слово, услышанное изъ устъ болѣе слабаго, ибо въ первомъ случаѣ предполагается большая возможность привести его въ исполненіе, а также и большій объемъ свѣдѣній о томъ, о чемъ идетъ рѣчь. Другими словами, при прочихъ равныхъ условіяхъ начальникъ пользуется вниманіемъ и довѣріемъ подчиненныхъ тѣмъ большимъ, чѣмъ выше его іерархическое положеніе. Поэтому

Библиотека "Руниверс"

начальники дивизій, становясь во главѣ батальоновъ, маршалы—во главѣ полковъ, короли и императоры—во главѣ колоннъ, однимъ этимъ поступкомъ пріобрѣтаютъ такую возможность управленія войсками, которую никогда не пріобрѣтутъ ихъ обыкновенные начальники. Это свойство престижа не зависитъ отъ качествъ тѣхъ или другихъ лицъ, а только отъ ихъ ранга. Но такъ какъ явленіе, описываемое тутъ, обусловливается извѣстной силой, дѣйствительной или воображаемой, присущей опредѣленному лицу, то оно падаетъ съ паденіемъ престижа, т. е. мѣры силъ, ему приписываемой. Поэтому впечатлѣніе, производимое на войско королемъ, становящимся въ его главѣ, помимо его личныхъ качествъ, зависитъ и оттого, случилось-ли это въ расцвѣтѣ феодализма или монархизма.

Было уже указано, что расчлененіе толпы лишаетъ возможности управлять ею непосредственно одному человѣку. Этотъ человѣкъ управляетъ ею уже при посредствѣ другихъ, т. е. собственно управляетъ лишь этими посредниками. Но эти посредники въ большинствѣ случаевъ не составляютъ толпы съ присущими ей свойствами, а потому, во-первыхъ, при управленіи ими выступаетъ значеніе доводовъ и доказательствъ, т. е. разсудка, во-вторыхъ уменьшается обратное ихъ вліяніе на начальника, т. е. ему легче быть объективнымъ. Слѣдовательно все время, пока старшій начальникъ желаетъ управлять войсками, онъ долженъ остерегаться входить въ продолжительное соприкосновеніе съ ними, а ограничиться сношеніями только съ частными начальниками. Въ рѣшительный же моментъ, когда старшій начальникъ сочтетъ, что имъ сдѣлано все, для подготовки удара, что ему остается нанести только этотъ послѣдній ударъ, тогда, пользуясь своимъ престижемъ, онъ становится непосред-

Библиотека "Руниверс"

ственно во главѣ войска и управляетъ имъ самъ, при чемъ это управленіе сводится главнымъ образомъ къ личному примѣру. Такъ поступали всѣ великіе полководцы, но не такъ поступилъ австрійскій главнокомандующій Бенедекъ въ 66 году подъ Кенигсгрецомъ. Съ самаго начала боя онъ взялся непосредственно управлять частью своихъ войскъ, неудача которыхъ породила въ нихъ извѣстное состояніе духа, передававшееся Бенедеку.

Военные совѣты.

Но если старшій начальникъ принужденъ имѣть дѣло съ отдѣльными людьми, то драгоцѣнное свойство толпы, которое даетъ возможность развить энергію до maximum'a, пріобрѣтается имъ вновь на военныхъ совѣтахъ. Въ нихъ онъ передаетъ свою энергію частнымъ начальникамъ, а иногда и самъ черпаетъ ее среди нихъ. Для этого собираетъ онъ своихъ помощниковъ въ критическую минуту, а не съ тѣмъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ совѣтоваться и обдумывать предпріятія. Поэтому плодотворные военные совѣты бываютъ кратки и экспансивны. Таковы были военные совѣты, собранные Суворовымъ въ Муттенѣ въ 1799 году и Наполеономъ на островѣ Лобау въ 1809. Совершенно инымъ былъ военный совѣтъ, собранный Вейеротеромъ передъ Аустерлицкой битвою, во время котораго Кутузовъ заснулъ. Высказывая мнѣніе, что и великіе полководцы черпаютъ на военныхъ совѣтахъ новую энергію, надо имѣть въ виду возрастаніе ощущеній оратора подъ вліяніемъ толпы. Это возрастаніе можетъ быть только въ томъ направленіи, которое существуетъ у оратора, а никакъ не видоизмѣненія существующаго ощущенія. Т. е. если начальникъ, дѣйствительно управляющій войсками, рѣшилъ отступать, то военный совѣтъ можетъ увеличить его энергію въ приведеніи въ исполненіе этого рѣшенія, но никакъ не измѣнить его и

Библиотека "Руниверс"

заставить полководца наступать, и наоборотъ. Утверждать же, что военные совѣты проходятъ безслѣдно для энергіи старшаго начальника, значитъ совершенно отказать ему въ воспріимчивости обратныхъ впечатлѣній, безъ которой онъ не могъ-бы чутко прислушиваться къ настроенію своихъ войскъ и управлять ихъ душами. На приведенныхъ выше военныхъ совѣтахъ двухъ великихъ полководцевъ, которыхъ никто не заподозритъ въ слабости характера и недостаткѣ энергіи, едва-ли отвѣтныя рѣчи Дерфельдена и Массены и мимика, жесты и движенія другихъ участниковъ, которыхъ (мимику и т. д.) не можетъ констатировать полностью исторія, едва-ли всѣ эти обратныя вліянія толпы прошли безслѣдно для полководцевъ. Вотъ какъ описываетъ Петрушевскій ходъ военнаго совѣта въ Муттенѣ послѣ рѣчи Суворова, которую онъ началъ: «съ огнемъ во взорѣ, съ одушевленнымъ лицомъ, сильно, энергично и даже торжественно».

«Впечатлѣніе было потрясающее. Это былъ не тотъ Суворовъ, котораго привыкли видѣть то грознаго, то шутливаго и причудливаго, но всегда смотрѣвшаго впередъ съ полною увѣренностью въ успѣхъ и не допускавшаго мысли о неудачѣ, тѣмъ паче пораженій. Едва-ли кто видѣлъ прежде на глазахъ его слезы; никому не приводилось въ прежніе годы замѣчать на его лицѣ такую тревогу и волненіе. Всѣ присутствующіе инстинктивно двинулись впередъ, чтобы поднять Суворова отъ ногъ Великаго Князя, но Константинъ Павловичъ, самъ потрясенный до глубины души, уже поднялъ фельдмаршала на ноги и, весь въ слезахъ, обнималъ его и покрывалъ поцѣлуями». Послѣ рѣчи Дерфельдена «всѣ въ голосъ, съ энтузіазмомъ, съ увлеченіемъ подтвердили его слова, клянясь именемъ Божьимъ, и не было ле-

Библиотека "Руниверс"

сти у нихъ на языкѣ, ни обмана въ ихъ сердцѣ. Суворовъ слушалъ Дерфельдена съ закрытыми глазами и опущенной головой; когда же раздался сердечный, горячій крикъ присутствовавшихъ, поднялъ голову, взглянулъ на всѣхъ свѣтлымъ взглядомъ, поблагодарилъ и изъявилъ свою твердую надежду, что будетъ побѣда».

Раздѣленіе войскъ по частямъ обусловливаетъ также значеніе настойчивости. Значеніе это возрастаетъ сообразно со ступенью, занимаемой начальникомъ. Дѣло въ томъ, что непосредственное управленіе толпой даетъ возможность приводить въ исполненіе поступокъ, задуманный главаремъ, въ весьма короткое время. Но когда являются промежуточныя инстанціи, то время это растягивается все болѣе и болѣе сообразно числу этихъ инстанцій. Поэтому для приведенія въ исполненіе какого-либо поступка, необходимо, чтобы старшій начальникъ не перемѣнялъ своего рѣшенія не только на время необходимое для его совершенія, но еще и на то время, сколько потребуется для передачи этого рѣшенія по всѣмъ инстанціямъ. Т. е. отъ начальника еще болѣе, чѣмъ отъ отдѣльнаго человѣка требуется твердость, и тѣмъ большая, чѣмъ выше его положеніе по іерархической лѣстницѣ. Перемѣны разъ принятаго рѣшенія внѣдряютъ въ людей сознаніе, что они вызваны во-первыхъ незнаніемъ начальникомъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, а во-вторыхъ подавляющей силой этихъ обстоятельствъ, которыя заставляютъ начальника перемѣнить рѣшеніе. Другими словами они подрываютъ довѣріе къ знанію и силѣ начальника, его престижъ, т. е. именно то, что составляетъ краеугольный камень организаціи и управленія войскъ. Поэтому твердость въ начальникѣ необходимѣйшее свойство, и имъ въ крайней степени обладалъ Суворовъ. «Что сказать о гене-

Библиотека "Руниверс"

ралѣ, говоритъ про него Моро, обладающемъ столь безнадежнымъ упорствомъ, что онъ скорѣе погибнетъ съ послѣднимъ солдатомъ своей арміи, чѣмъ отступитъ хоть на одинъ шагъ!» Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства дѣйствительно вынуждали къ какимъ-либо перемѣнамъ, то Суворовъ подчинялся имъ такъ, что, по словамъ Дюбокажа, новыя мѣры на полѣ битвы принимались имъ съ такимъ искусствомъ, что казались не вынужденными, а заранѣе предполагаемыми.

Б. *Средства предрѣшающія поступокъ.*

Расчлененіе толпы уменьшаетъ значительно возможность воспользоваться всѣмъ тѣмъ запасомъ энергіи, которая въ ней имѣется. Чтобы по возможности не терять ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ избѣжать возможность нежелательныхъ и неожиданныхъ эффектовъ, каждой части, на которыя расчленяется толпа, придается извѣстная скрытая потенція, скрытая сила. Эта скрытая потенція во-первыхъ увеличиваетъ силу даннаго толчка, а во-вторыхъ придаетъ движенію желательное направленіе, хотя бы толчекъ и былъ данъ не совсѣмъ точно. Эту потенцію можно уподобить наклону плоскости, которая ускоряетъ движеніе и опредѣляетъ его направленіе. Достигается эта потенція организаціей военныхъ единицъ.

Расчлененію толпы на части придается характеръ постоянства, для чего часть отдѣляется отъ цѣлаго на вѣчныя времена и замыкается сама въ себѣ. Связь ея съ цѣлымъ формально остается лишь въ подчиненіи его начальника начальнику болѣе общему. Въ дѣятельности цѣлаго эта часть принимаетъ разнообразное участіе. Благодаря случайности или энергіи своего вожака эта часть до- Традиціи.

Библиотека "Руниверс"

стигаетъ большого внутренняго напряженія и совершаетъ подвигъ. Воспоминаніе объ этомъ подвигѣ возстановляетъ въ ней и внутреннее напряженіе, связанное съ его совершеніемъ. Такимъ образомъ создается новое средство воздѣйствія на людей опредѣленной части. Это будутъ боевыя традиціи. Подобно имъ создаются и традиціи мирнаго времени. Не имѣя такой рѣзкости, какъ первыя, традиціи мирнаго времени тѣмъ не менѣе создаютъ физіономію части, тѣ каналы, по которымъ направятся поступки. Въ нихъ отражается результатъ воспитанія войскъ, а потому они подлежатъ вѣдѣнію военной педагогіи. Однако какъ на примѣръ взращенія этихъ традицій, укажемъ на постоянное требованіе Суворова въ мирное время равненія по переднимъ. «Шагъ назадъ—смерть. Впередъ два, три, десять шаговъ—дозволяю», говорилъ онъ и ради одного вылѣзшаго впередъ человѣка передвигались впередъ цѣлые батальоны, лишь бы никогда, ни одинъ человѣкъ не осаживалъ назадъ. Понятно, какъ созданіе такой традиціи опредѣляетъ поступки войскъ въ бою, и какъ оно создаетъ способъ управленія, не примѣнимый въ частяхъ, не имѣющихъ подобныхъ традицій.

Традиціи преемственны. Выше было уже сказано о томъ, какъ галлюцинація во время крестнаго хода передавалась и тѣмъ, которые не были въ моментъ ея возникновенія, а приходили впослѣдствіи. Такъ и внутреннее напряженіе, вызвавшее опредѣленный поступокъ, возбуждается при воспоминаніи объ этомъ поступкѣ и въ тѣхъ, кто при этомъ не присутствовалъ. На этомъ основаніи великій полководецъ и говаривалъ, что были бы головы, а къ нимъ подвязать хвосты не трудно. Понятно, что преемственность ощущеній зависитъ во-первыхъ отъ медленной смѣны членовъ опредѣленной группы. Чтобы при этой смѣнѣ массовое ощущеніе

Библиотека "Руниверс"

не падало до единичнаго и чтобы при ней вновь прибывшіе имѣли время заразиться этимъ ощущеніемъ. Во-вторыхъ преемственность ощущеній зависитъ и отъ способа передачи этихъ ощущеній, т. е. отъ его выразительности.

Быстрота смѣны людей въ частяхъ войскъ прямо зависитъ отъ срока службы. Чѣмъ этотъ срокъ менѣе, тѣмъ быстрѣе происходитъ смѣна. Поэтому традиціи частей войскъ солдатскаго типа устойчивѣе и сильнѣе традицій частей милиціонныхъ. Что касается выразительности передачи ощущенія, то нѣтъ сомнѣнія, что какъ общее правило, человѣкъ, лично ощущавшій, передаетъ это ощущеніе полнѣе, чѣмъ не ощущавшій его, и что передача будетъ слабѣть по мѣрѣ удаленія отъ первоисточниковъ. Такъ никакое чтеніе Евангелія не произведетъ того впечатлѣнія на слушателей, какое производилъ перезсказъ тѣхъ-же событій апостолами и первыми христіанами. Такъ какъ для войны рѣшительное вліяніе имѣютъ боевыя традиціи, то степень отдаленности отъ желаемыхъ событій зависитъ отъ частоты войскъ. Чѣмъ они чаще, тѣмъ традиціи сильнѣе. Поэтому кавказскія войска отличались особой силою традицій, какъ такъ военныя дѣйствія на Кавказѣ почти не прекращались.

Знамя.

Стойкости традицій и удобству управленія съ ихъ помощью способствуетъ, такъ сказать, прикрѣпленіе ихъ къ видимымъ предметамъ. Таковыми являются знамена и другія воинскія святыни. Если эти святыни въ продолженіе долгаго времени были свидѣтелями боевыхъ подвиговъ, совершенныхъ разными поколѣніями, то сознаніе, что на нихъ смотрѣли предшественники, совершившіе геройскіе поступки, устанавливаетъ связь между прежними и теперешними воинами и придаетъ имъ общность настроенія. Что это такъ, доказываютъ намъ нѣкоторые факты изъ области такъ на-

Библиотека "Руниверс"

зываемаго животнаго магнетизма. Месмеръ магнитизировалъ дерево въ концѣ улицы де-Банди, къ которому тысячами стекались больные, и нѣкоторые изъ нихъ, привязывая себя къ нему, получали облегченіе. Т. е. вліяніе Месмера, дѣйствительное или воображаемое, передавалось при посредствѣ неодушевленнаго предмета. Таково же происхожденіе и амулетовъ и т. п. Кромѣ того ассоціируя съ такимъ подвижнымъ и виднымъ предметомъ, какъ знамя, цѣлую цѣпь событій и идей благопріятныхъ для подъема энергіи, облегчается и возможность ихъ вызвать. Въ самомъ дѣлѣ въ бою нѣтъ возможности въ длинной рѣчи возстановлять рядъ идей полезныхъ для дѣла. Но схвативъ и поднявъ знамя, однимъ этимъ движеніемъ въ душахъ людей поднимаются всѣ идеи, съ нимъ связанныя.

Организація воинскихъ частей.

Воинскія традиціи создаются исторіей изъ ряда событій случившихся съ частью. Но эти событія могутъ касаться и другихъ частей. При этомъ явятся общія преданія, общія традиціи. Чѣмъ больше общихъ традицій, тѣмъ тѣснѣе и связь между частями, безъ ущерба для ихъ самостоятельности. Съ другой стороны, чѣмъ замкнутѣе кругъ, въ которомъ сложились традиціи, тѣмъ онѣ крѣпче и сильнѣе развиваются. Традиціи жреческаго египетскаго сословія, конечно, гораздо прочнѣе традицій американскаго купечества. Поэтому желательно, чтобы общихъ традицій было возможно болѣе, въ возможно замкнутомъ кругу. Таковыми кругами будутъ опять таки части болѣе крупныя, на которыя подраздѣляется войско. Чтобы въ различныхъ частяхъ являлось большее число общихъ традицій, надо, чтобы онѣ находились чаще въ одинаковыхъ условіяхъ при одинаковыхъ событіяхъ, чтобы событіе, коснувшееся одной части, прошло и надъ другой. Для этого ихъ надо держать по возможности

Библиотека "Руниверс"

вмѣстѣ, т. е. слѣдовать уже установившемуся принципу, а именно избѣгать перемѣшиванія частей.

Такъ какъ традиціи держатся тѣмъ сильнѣе, чѣмъ замкнутѣе кругъ, въ которомъ онѣ возросли, то наибольшаго расцвѣта онѣ получаютъ тамъ, гдѣ этотъ кругъ наиболѣе рѣзко отличается отъ другихъ. Среди этихъ отличій видное мѣсто занимаетъ одежда. Поэтому при прочихъ равныхъ условіяхъ наиболѣе замкнутой частью будетъ та, которая наиболѣе рѣзко отличается формой одежды отъ другихъ. Таковы у насъ полкъ, отдѣльный батальонъ и т. д. Въ нихъ и традиціи принимаютъ наиболѣе рѣзкій оттѣнокъ. Дивизіи отличаются другъ отъ друга менѣе рѣзко, и сообразно этому и традиціи ихъ менѣе очерчены. Корпуса взаимно вовсе не отличаются — и потому не приходится слышать о корпусныхъ традиціяхъ. Батальоны въ полкахъ отличаются очень мало другъ отъ друга, но все-таки еще говорятъ иногда о четвертыхъ «стрѣлковыхъ» батальонахъ, которые и по формѣ отличаются отъ первыхъ трехъ. Ротныя традиціи также довольно рѣдки. Рѣзкое отличіе по формѣ между родами оружія имѣетъ отголосокъ и въ индивидуальности ихъ традицій.

Если форма одежды, составляя разницу между частями войскъ, является сплачивающимъ факторомъ, то разница съ окружающимъ населеніемъ, обостренная до враждебности, послужитъ для той-же цѣли еще болѣе рѣшительно. Поэтому частота боевыхъ столкновеній, способствующая накопленію и напряженію традицій, вліяетъ на войска сплачивающимъ образомъ. Сплоченность части въ мирное время значительно слабѣе, чѣмъ въ военное, въ чужой странѣ болѣе, чѣмъ въ своей. Въ силу этого всѣ военныя братства создаются въ боевой обстановкѣ и распадаются, теряютъ свою силу въ мирной.

Библиотека "Руниверс"

Часть II.

ГЛАВА I.

Голодъ, жажда и усталость.

Войска содержатся на случай войны, а на войнѣ на долю войскъ приходятся лишенія, труды, болѣзни и смерть. Всѣ эти явленія поднимаютъ въ человѣческой душѣ цѣлый рядъ представленій отрицательнаго тона. Вмѣстѣ съ тѣмъ на войнѣ отъ войска требуется какъ можно больше дѣятельности, а дѣятельность, какъ сказано, появляется только при наличности положительнаго чувственнаго тона. Примиреніе этихъ двухъ условій достигается во-первыхъ низведеніями до minimum'a лишеній и ощущенія этихъ лишеній, а во-вторыхъ приданіемъ наибольшей яркости идеямъ положительнаго тона съ тѣмъ, чтобы ихъ положительный тонъ иррадіировался на идею желаемыхъ поступковъ.

Для выполненія перваго требованія, т. е. для низведенія до minimum'a лишеній, надо заботится о томъ, чтобы

Голодъ. солдатъ былъ во-первыхъ сытъ. Дѣйствіе голода только частью можетъ входить въ область психологическихъ изслѣдованій. Голоданіе одной своей стороной составляетъ явленіе недостаточности питанія. Какъ таковое является объ-

Библиотека "Руниверс"

ектомъ изслѣдованія физіологіи, а въ военномъ отношеніи— военной администраціи въ формѣ опредѣленія дачъ, варокъ и т. д. Съ другой стороны голоданіе, какъ явленіе пустоты желудка, познается, какъ ощущеніе въ видѣ голода и какъ таковое должно получить видное мѣсто въ области военной психологіи. Отрицательный чувственный тонъ голода хорошо извѣстенъ всякому изъ повседневной жизни. Извѣстно также всякому, насколько сильно иррадіируется этотъ отрицательный тонъ на всѣ впечатлѣнія. Голодный человѣкъ раздражителенъ, и ему становятся непріятны даже тѣ впечатлѣнія, которыя доставляютъ ему удовольствіе, когда онъ сытъ. Разсказываютъ, что войска, поставленныя на ночлегъ въ бѣдную деревушку, гдѣ не могли себѣ достать ни пищи, ни вина въ достаточномъ количествѣ, недружелюбно встрѣтили Наполеона, по адресу котораго послышались даже ругательства. Наполеонъ не обратилъ на нихъ вниманія, но приказалъ отвести этому полку ночлегъ въ богатомъ селѣ. На слѣдующее утро солдаты съ привычнымъ энтузіазмомъ привѣтствовали своего вождя.

Естественнымъ средствомъ для уничтоженія голода служитъ пища. Она устраняетъ какъ голоданіе организма, такъ и чувство пустоты желудка. Для послѣдняго питательность пищи не играетъ значительной роли, а потому для уничтоженія голода можно наполнить желудокъ чаемъ или другимъ индифферентнымъ веществомъ. Папуасы, какъ извѣстно, въ этихъ случаяхъ ѣдятъ жирпую глину. Пріемъ орѣха колла уничтожаетъ также голодъ. Очевидно, что всѣ эти средства замѣнить пищи не могутъ. Но прибѣгая къ ихъ содѣйствію, можно уничтожить въ нужный моментъ тягостное чувство голода, а слѣдовательно придать войскамъ большую энергію. Очень важно также, и очень возможно

Библиотека "Руниверс"

пріучать людей къ ощущенію голода, что можно дѣлать безъ всякаго ущерба для питанія, такъ какъ для послѣдняго необходимо лишь, чтобы въ желудокъ вводилось полностью потребное количество питательныхъ веществъ. Привычное ощущеніе не будетъ уже обладать такимъ сильнымъ тономъ, какъ не привычное. Извѣстно, напр. какъ больные свыкаются съ своими болями, казавшимися въ началѣ гораздо болѣе сильными, чѣмъ впослѣдствіи.

Жажда. Еще сильнѣе чѣмъ голодъ дѣйствуетъ жажда. «Случалось, говоритъ по этому поводу Люисъ, что люди по нѣскольку недѣль переносили полное отсутствіе пищи, но едвали-кто-нибудь можетъ прожить безъ воды болѣе трехъ дней». Жажда — явленіе еще болѣе сложное, чѣмъ голодъ. Она является не только показателемъ недостатка воды въ организмѣ, но также результатомъ сухости рта и горла, прилива крови къ внутреннимъ органамъ и т. п. Вслѣдствіе этого мученія жажды не прекращаются съ введеніемъ въ организмъ воды, особенно холодной. Напротивъ, послѣ минутнаго облегченія, холодная вода вызываетъ усиленный притокъ крови къ слизистымъ оболочкамъ и тѣмъ усиливаетъ жажду. Ощущеніе жажды уменьшается при споласкиваніи рта теплою водой. Это послѣднее средство, кажется, единственное, для уменьшенія жажды за неимѣніемъ воды въ достаточномъ количествѣ.

Усталость. Голодъ и жажда служатъ показателями недостаточности прихода, усталость — черезмѣрности расхода организма. Усталость—это бдительный стражъ, охраняющій организмъ отъ истощенія, это — автоматическій предохранительный клапанъ, сберегающій котелъ отъ разрыва. Происхожденіе усталости обусловливается отравленіемъ организма птомаинами. Каждое движеніе, произведенное человѣкомъ, влечетъ

Библиотека "Руниверс"

за собой разрушеніе мускульныхъ волоконъ, результатомъ чего является разложеніе ихъ на воду, углекислоту и птомаины. Кровь увлекаетъ съ собой эти остатки и черезъ легкія, почки и кожу выдѣляетъ ихъ изъ организма, а взамѣнъ приноситъ свѣжій матеріалъ для образованія новыхъ мышечныхъ волоконъ. Но равновѣсіе это быстро нарушается при продолжительныхъ движеніяхъ. Кровь не успѣваетъ уносить продукты быстро идущаго разрушенія. Птомаины скапливаются, дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на нервную систему, и это ихъ дѣйствіе познается человѣкомъ въ формѣ ощущенія усталости. Тогда человѣкъ ищетъ отдыха, во время котораго разрушеніе тканей доходитъ до minimum'а, кровь усиленно притекаетъ и возстановляетъ полностью, а иногда и съ избыткомъ разрушенныя ткани. Такимъ образомъ усталость не есть истощеніе мускульной силы, а лишь одно изъ ощущеній, а потому она имѣетъ много градацій, растяжима, и значеніе ее зависитъ отъ воли человѣка. Перерѣзавъ мускулы и сухожилія, мы одинаково и вполнѣ лишаемъ возможности движенія какъ Геркулеса, такъ и ребенка, какъ безхарактерную женщину, такъ и энергичнаго мужчину. Но не такъ дѣйствуетъ усталость. Тамъ, гдѣ падаетъ обезсиленный Геркулесъ, тамъ слабосильная женщина можетъ еще работать и дѣйствовать часы и дни. Это проистекаетъ именно оттого, что, покоясь на физіологическомъ основаніи, усталость, тѣмъ не менѣе, представляетъ изъ себя явленіе чисто психическое и, какъ таковое, подлежитъ разсмотрѣнію военной психологіи.

Усталость не только непосредственно мѣшаетъ движенію, но переноситъ свой отрицательный тонъ и на всѣ другія ощущенія, поэтому борьба съ ней составляетъ первую заботу военачальника. Самое естественное средство

*

Библиотека "Руниверс"

борьбы съ ней это отдыхъ, почему заботы о немъ составляютъ основную черту всѣхъ великихъ полководцевъ. Наиболѣе полный отдыхъ достигается сномъ. Понятно поэтому, какъ бережно надо относиться ко сну солдата.

Усталость неразрывно связана не только съ отдыхомъ, но и питаніемъ людей. Поэтому мѣры, принимаемыя противъ усталости, въ большинствѣ случаевъ совпадаютъ съ мѣрами, служащими для достаточнаго и своевременнаго питанія людей. Во время Итальянскаго похода 1779 года, въ порядкѣ марша Суворовъ соблюдалъ слѣдующій порядокъ: впереди всѣхъ войскъ шла кавалерія, за нею котлы, такъ что къ приходу войскъ на большой привалъ варка бывала уже готова. Во время 2-й польской кампаніи въ бою подъ Крупицею, какъ только Суворовъ замѣтилъ признаки склоненія побѣды на нашу сторону, такъ сейчасъ же спѣшно послалъ за артельными повозками и черезъ часъ послѣ боя началась уже варка пищи.

Но на войнѣ отдыхъ не всегда въ распоряженіи войска, а потому приходится пользоваться свойствомъ усталости какъ личнаго ощущенія, а именно ея растяжимостью. Предѣлъ усталости весьма измѣнчивъ не только для разныхъ людей, но и для одного и того же человѣка. Воздѣйствуя другими представленіями, можно затемнить и даже вовсе уничтожить усталость. Такъ, во время Итальянскаго похода Суворовъ прибѣгъ при усиленномъ маршѣ къ Треббіи къ слѣдующему способу: онъ заставлялъ солдатъ заучивать на походѣ французскія слова, необходимыя якобы въ виду встрѣчи французскихъ войскъ. За этимъ занятіемъ солдаты менѣе чувствовали усталость. Другой разъ, во время знаменитаго Швейцарскаго похода, при движеніи изъ Мутенской долины, Суворовъ замѣтилъ, что солдаты выбились

Библиотека "Руниверс"

изъ силъ и начали унывать. Тогда онъ во всю силу затянулъ пѣсню: «Что дѣвушкѣ сдѣлалось, что красной приключилося». Громкій смѣхъ раздался въ рядахъ солдатъ, всѣ пріободрились и усталости какъ не бывало. Но, пренебрегая усталостью, нельзя забывать, что всякая «форсировка есть вексель, данный природѣ, которая неизбѣжно потребуетъ его погашенія». Послѣ нея необходимо дать отдыхъ, и онъ долженъ быть тѣмъ полнѣе, чѣмъ сильнѣе было напряженіе, иначе люди быстро истощатся.

Наконецъ чувство усталости можно уничтожить и другими средствами: водкой, опіумомъ, коллой и др. Наиболѣе рѣшительно, кажется, вліяетъ колла. При пріемѣ ея чувство усталости пропадаетъ, а съ нимъ пропадаетъ и мѣрило разрушенія тканей. Въ осторожныхъ рукахъ колла будетъ надежнымъ средствомъ доведенія напряженія людей въ критическія минуты до maximum'а, но она же можетъ повлечь обезсиленіе и разрушеніе армій при злоупотребленіи имъ. Потеря чувства усталости зачастую наблюдается у буйныхъ помѣшанныхъ. Они двигаются безъ отдыха и сна, каждый день значительно теряютъ въ вѣсѣ своего тѣла и, лишенные предохранительнаго чувства утомленія, доходятъ до истощенія и смерти. На этихъ примѣрахъ ясно, какое громадное напряженіе дѣятельности способенъ дать человѣкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пагубные результаты, которыхъ можно при этомъ достигнуть.

Сытость и отсутствіе утомленія составляютъ важное средство для сохраненія здоровья людей. Здоровье же людей важно и какъ физическій факторъ, и какъ психическій— сознаніе себя здоровымъ. Mens sana in corpore sano (здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ), говорили Римляне. Помимо отдыха и питанія для здоровья необходимъ и рядъ

Здоровье.

Библиотека "Руниверс"

другихъ, чисто гигіеническихъ мѣръ, которыя лежатъ на отвѣтственности начальника въ періодъ военныхъ дѣйствій, какъ-то: выборъ мѣста бивуака, размѣщеніе по квартирамъ и т. д.; такъ и въ періодъ мирной дѣятельности — пріученіе людей къ чистотѣ и т. д. Эти послѣднія относятся къ области военной педагогіи. Упомянемъ здѣсь, что важное ихъ значеніе видѣлъ Суворовъ и въ число воинскихъ добродѣтелей, ведущихъ къ славѣ, поставилъ чистоту и опрятность.

Добыча. Присутствіе отрицательнаго тона, сопутствующаго лишеніямъ, затрудняетъ направленіе воли отдѣльныхъ людей, составляющихъ армію, къ желанной цѣли, если только цѣль эта не совпадаетъ съ поступками, вызываемыми этими лишеніями. Въ послѣднемъ случаѣ голодъ, утомленіе и лишенія вызываютъ по закону ассоціаціи по противоположности идеи насыщенія, отдыха и избытка. Положительный тонъ этихъ идей будетъ тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ сильнѣе ощущеніе голода и утомленія. Соотвѣтственно этому поступокъ получаетъ необычайную, стихійную силу. Таково, вѣроятно, было переселеніе народовъ. Искусные полководцы этимъ путемъ обращаютъ себѣ на пользу голодъ и лишенія, доставшіеся на долю войскъ. Такъ Наполеонъ Бонапартъ, прибывъ въ 1796 г. къ Итальянской арміи, застаетъ ее въ самомъ жалкомъ состояніи: люди голодны и плохо одѣты. Чтобы побудить ихъ къ дѣятельности, онъ указываетъ, что цѣль движенія впередъ — насыщеніе. Вы голодны и босы, сказалъ онъ имъ — вотъ передъ вами богатая долина верхней Италіи, займемъ ее, и мы будемъ утопать въ довольствѣ. Точно также и подъ Аустерлицемъ Наполеонъ указалъ войскамъ на ожидающій ихъ въ случаѣ

Библиотека "Руниверс"

побѣды отдыхъ: «Эта побѣда окончитъ кампанію, и мы станемъ на зимнія квартиры»—пишетъ онъ въ приказѣ.

Отрицательному тону физическихъ лишеній противополагается положительный тонъ избытка физическаго довольства, каковое обѣщаетъ «добыча». Добыча—двигатель многихъ военныхъ предпріятій, была почти единственнымъ двигателемъ средневѣковыхъ наемныхъ войскъ. Имъ пользовались полководцы для управленія арміями. Соотвѣтственно этому операціи приводились большею частью къ осадамъ и грабежамъ, такъ какъ при этихъ операціяхъ идея добычи кратчайшимъ образомъ вызывала штурмъ и побѣду. И обратно: какими бы идеями ни руководились операціи, но когда онѣ достигаютъ штурма, этого послѣдняго акта, то положительный тонъ усиливается идеею добычи. Суворовъ, всегда утверждавшій, что солдатъ не разбойникъ, отдалъ тѣмъ не менѣе Измаилъ на трехдневное разграбленіе. Такъ же поступилъ и Скобелевъ при взятіи Геокъ-тепе. Даже Густавъ-Адольфъ, въ самомъ началѣ своего участія въ 30-ти лѣтней войнѣ, когда войско его состояло исключительно изъ шведовъ, одушевленныхъ религіозной идеей, даже онъ отдалъ Франкфуртъ на Одерѣ на 3-хъ часовое разграбленіе своимъ солдатамъ.

По свойству человѣческаго характера, положительный тонъ большинства физическихъ ощущеній ограничивается моментомъ уничтоженія желаній и, если продолжается далѣе, то на весьма ограниченное пространство. Поэтому и добыча привлекательна гораздо болѣе по предыдущимъ лишеніямъ, чѣмъ по послѣдующимъ наслажденіямъ и, получивши ее, положительный тонъ спускается до minimum'a и не вызываетъ дальнѣйшихъ поступковъ. Въ силу этого наемныя войска, движимыя главнымъ образомъ желаніемъ

Библиотека "Руниверс"

добычи, не отличались дѣятельностью. Полученіе добычи дѣйствовало разлагающе на войска, они осѣдали на мѣстѣ до появленія новыхъ желаній. Военныя операціи того времени велись какъ бы скачками и растягивались на долгое время.

ГЛАВА II.

Печаль, радость и гнѣвъ.

Печаль.

Голодъ, усталость и т. п. суть непосредственное ощущеніе физическихъ лишеній. Въ области интеллектуальной имъ соотвѣтствуетъ печаль или горе. Когда человѣку съ трудомъ достается кусокъ хлѣба, онъ чувствуетъ усталость, когда ему нечего ѣсть — онъ чувствуетъ голодъ. Но когда онъ разорился, онъ переживаетъ горе или печаль, рождающіяся изъ представленія о предстоящихъ голодѣ, утомленіи и другихъ лишеніяхъ. Такимъ образомъ печаль или горе суть лишенія, ощущаемыя не непосредственно каждое въ отдѣльности, а черезъ мысленное представленіе (хотя бы и не сознанное) всей ихъ совокупности. Жена, оплакивающая мужа, мать, оплакивающая ребенка — обѣ чувствуютъ горе, которое, по ихъ мнѣнію, не имѣетъ никакого матеріальнаго основанія. Но впослѣдствіи каждый день онѣ будутъ испытывать рядъ физическихъ лишеній: одиночество, отсутствіе привычныхъ впечатлѣній и т. д., которыя каждое въ отдѣльности не составляютъ печали, но каждое заставляетъ вспоминать отсутствующаго. Вмѣстѣ съ этимъ воспоминаніемъ въ мозгу встаютъ идеи всѣхъ другихъ лишеній, связанныхъ съ его отсутствіемъ, и тогда уже является печаль.

Библиотека "Руниверс"

чѣмъ менѣе очевидна причинная связь печали съ физическими ощущеніями, тѣмъ возвышеннѣе она кажется. Горе разорившагося милліонера кажется болѣе ничтожнымъ, чѣмъ скорбь Орфея объ Эвридикѣ. Такъ какъ печаль не связана съ физическимъ ощущеніемъ, а рождается изъ представленій, то людей можетъ печалить не только несчастіе, постигшее ихъ, но и то, которое постигло другихъ. Въ такихъ случаяхъ говорятъ о соболѣзнованіи и сочувствіи, а такъ какъ сила печали зависитъ отъ яркости представленій, то соболѣзнующій можетъ печалиться столько же, и даже больше, чѣмъ тотъ, кого непосредственно постигло несчастье. Сумма испытываемыхъ страданій, говоритъ Рибо, пропорціональна суммѣ вызванныхъ представленій. Но вызванныя представленія могутъ быть по количеству и по силѣ вовсе непропорціональны внѣшнимъ событіямъ, а потому зачастую печаль и горе непропорціональны несчастью. Крайнимъ предѣломъ этой непропорціональности является безпричинная печаль, т. е. такая, которая вызвана внѣшнимъ фактомъ, который для изслѣдователя равенъ нулю. Такъ какъ при наличности физическаго ощущенія лишеній, представленія о нихъ пріобрѣтаютъ особенную яркость, то понятно, что голоднаго и усталаго человѣка печальныя событія печалятъ сильнѣе, чѣмъ сытаго и отдохнувшаго и вечернее горе зачастую кажется на утро менѣе печальнымъ.

Дѣйствіе печали на человѣка весьма сходно съ дѣйствіемъ усталости. Движенія, которыя раньше совершались легко, въ печали дѣлаются съ трудомъ и усиліемъ «Печаль—это чувство усталости, говоритъ Ланге, и, какъ всегда бываетъ при усталости, движенія совершаются медленно,

Библиотека "Руниверс"

лѣниво, вяло, неохотно и съ усиліемъ, а потому они доведены до minimum'a».

Радость. «Радость противополагается печали, говоритъ далѣе Ланге. Она вызываетъ повышенную дѣятельность двигательнаго аппарата. Радующійся человѣкъ чувствуетъ себя легко, какъ это бываетъ со всякимъ, у кого мускулы сильны». Изъ этихъ опредѣленій радости и печали очевидно, какъ важно присутствіе того или другого настроенія въ арміи, такъ какъ они вліяютъ на дѣятельность, а дѣятельность, по словамъ Суворова, есть важнѣйшая добродѣтель воинская. Поэтому во всѣ времена искусные полководцы стремились поддержать радостное настроеніе въ своихъ войскахъ и навязать печальное—непріятельскимъ.

Грубѣйшимъ средствомъ для этого служитъ водка, опіумъ и другія возбуждающія вещества. Говорятъ, что турецкіе янычары ходили въ бой опьяненные напиткомъ, раздававшимся имъ для этой цѣли. Малодѣйствительность и истощимость какъ самаго средства, такъ и его дѣйствія, не говорятъ въ его пользу, а реакція, послѣ прекращенія его дѣйствія, выражающаяся въ послѣдующей апатіи, прямо указываютъ на его малую пригодность. Радость, гораздо болѣе стойкую, можно достигнуть, воздѣйствуя моральнымъ путемъ. Пріѣздъ къ войску любимаго императора или полководца, разговоръ съ ними—порождаютъ въ войскахъ радость. Также дѣйствуютъ извѣстія объ одержанныхъ побѣдахъ, а тѣмъ болѣе самыя побѣды. Поэтому Де-Бракъ совѣтуетъ не препятствовать слухамъ объ успѣхахъ, циркулирующимъ по лагерю, покуда они не превышаютъ вѣроятія. Ибо каждымъ средствомъ можно пользоваться если только имъ не злоупотребляютъ. Обратно, въ непріятельскій лагерь надо внести неблагопріятныя извѣстія, способныя вызвать

Библиотека "Руниверс"

печаль. На этомъ основаніи голова Гаструбала вполнѣ умѣстно была брошена въ лагерь Анибала, а въ 1878 г. извѣстіе о взятіи Карса сообщено войскамъ Османа-паши въ Плевнѣ. Во время Ахалъ-текинской экспедиціи Скобелевъ приказалъ устраивать для солдатъ различныя увеселенія: устроить красивыя кегли и другія игры, составить балаганные спектакли, расходъ на которые отнести на экспедиціонныя суммы. Онъ озаботился также выдавать имъ отъ казны табакъ. Всѣ эти мѣры вели къ поддержанію веселія и радости въ войскахъ.

Вліяніе музыки на настроеніе чрезвычайно велико, а потому въ рукахъ искуснаго начальника она будетъ имѣть большое вліяніе. Музыка удваиваетъ, утраиваетъ силы, говаривалъ Суворовъ. Во время крымской кампаніи генералъ Хрулевъ приказывалъ войскамъ въ Севастополѣ расходиться по бастіонамъ непремѣнно подъ музыку, а полковникъ Сабашинскій въ томъ же Севастополѣ собиралъ по вечерамъ у своего дома музыкантовъ и заставлялъ ихъ играть. Туда приходили солдаты, пѣли, танцовали и, наслушавшись музыки, снова отправлялись на мѣста. Скобелевъ, во время усиленной рекогносцировки по направленію Геокъ-тепе 6-го іюля, былъ окруженъ врагомъ. «Смѣшиваясь съ громомъ выстрѣловъ, музыка безпрерывно оглашала степь воинственными звуками марша и эта кучка людей въ 800 человѣкъ, окруженная десятками тысячъ безпощадныхъ, разсвирѣпѣвшихъ враговъ, стройно, какъ на парадѣ, двигалась подъ знойными лучами солнца, ярко освѣщавшаго эту эпическую борьбу». При атакѣ Геокъ-тепе, во главѣ главной колонны были поставлены два хора музыки, а въ головѣ остальныхъ по одному. Во время штурма музыка играла, барабаны били и войска шли съ распущенными знаменами.

Библиотека "Руниверс"

Такое же могущественное дѣйствіе, какъ и музыка, оказываютъ пѣсни. Теперь, когда музыка будетъ заглушаться выстрѣлами и поглощаться пространствомъ, пѣсни должны бы смѣнить ее для атаки. Скобелевъ обучалъ войска ходить въ атаку съ пѣснями, при чемъ приказывалъ имѣть пѣсельниковъ на правомъ флангѣ, и при отбитіи вылазки текинцевъ, 28-го декабря, охотничья команда поручика Воропанова дѣйствительно двигалась съ пѣснями. Желательно, конечно, чтобы пѣсни пѣлись всѣми людьми, а не одними пѣсельниками.

Насколько важно поддерживать радостное настроеніе, настолько же важно противодѣйствовать печальному. Наиболѣе общей мѣрой для этого будетъ служить достаточное питаніе и отдыхъ, такъ какъ выше указано, насколько событія кажутся печальнѣе людямъ изнуреннымъ. Поэтому прибывъ въ 1883 г. къ войскамъ, нѣсколько подорваннымъ неудачнымъ предыдущимъ походомъ, Скобелевъ принялъ немедленно мѣры для лучшаго размѣщенія людей и улучшенія ихъ пищи. Среди степи люди получали за все время похода не только полную дачу довольствія, но даже такіе виды, которые составляютъ предметъ роскоши. Такъ, люди получали хлѣбъ, чай, сахаръ, капусту и даже квасъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ прибытія Скобелева въ Закаспійскій край тамъ и по всей линіи принялись за устройство хлѣбопекарныхъ печей, бань, купаленъ для нижнихъ чиновъ и огородовъ для посѣва овощей.

Въ случаѣ появленія неблагопріятныхъ слуховъ надо по возможности ихъ прекратить; при постигшей неудачѣ надо постараться, во-первыхъ, локализировать распространеніе о ней извѣстій, во-вторыхъ, низвести значеніе фактовъ, ее констатирующихъ, т. е. если непріятель отнялъ

Библиотека "Руниверс"

участокъ позиціи, указать на ничтожное значеніе этого отнятія, если нанесено много потерь, распространить слухъ, что непріятель потерялъ втрое, т. е. другими словами, не признавать успѣха противника. Такъ, послѣ каждой удачной вылазки текинцевъ, Скобелевъ приказывалъ во что бы то ни стало окончить работу, назначенную на это число. Немедленно по изгнаніи врага изъ нашихъ окоповъ туда вводилась музыка и играла марши. Начальники поздравляли солдатъ съ побѣдою. Точно также и Суворовъ поздравлялъ войска съ побѣдой послѣ нерѣшительнаго боя у Треббіи.

Все, что радуетъ одну сторону, то печалитъ другую, а потому проявленіе радости одними должно печалить другихъ. Чтобы извлечь наибольшую пользу изъ радостныхъ событій, надо, чтобы проявленіе этой радости достигло противника. Національный гимнъ, исполненный пруссаками на полѣ битвы подъ Коломбэ-Нульи, музыка подъ стѣнами Геокъ-тепе, салютаціонная стрѣльба австрійцевъ подъ Генуей — явились результатами этого стремленія. Послѣдній случай имѣлъ мѣсто въ 1800 году. Массена былъ осажденъ австрійцами и отрѣзанъ отъ Сюше. 10 мая австрійскій генералъ Оттъ открываетъ салютаціонную стрѣльбу, пославши сказать Массенѣ, что онъ празднуетъ побѣду надъ Сюше. Массена немедленно устраиваетъ вылазку, разбиваетъ австрійцевъ и уводитъ 1,500 плѣнниковъ. На другой день Массена открываетъ салютаціонную пальбу, пославъ къ Отту сказать, что онъ празднуетъ вчерашнюю побѣду. Насколько проявленіе радости можетъ подорвать противника, доказываетъ слѣдующій случай изъ Ахалъ-текинской экспедиціи. Послѣ отбитія текинцевъ 28 декабря на лѣвомъ флангѣ, музыка наша заиграла маршъ, а люди закричали

Библиотека "Руниверс"

«ура».Услышавъ это,текинцы, все еще атаковывавшіе крайнюю правофланговую каллу, прекратили атаку и бросились бѣжать въ городъ.

Видъ раненыхъ, погребенія, сопровождаемыя печальной музыкой, голодные плѣнные и т. д. вызываютъ состраданіе, которое по возможности надо устранить. Поэтому не желательно расположеніе войскъ около госпиталей и перевязочныхъ пунктовъ. Желательна уборка раненыхъ. Похороны въ Севастополѣ производились безъ музыки, какъ только замѣчено было ихъ неблагопріятное вліяніе. Плѣнные австрійцы были посажены Массеной на корабли и поставлены вдали отъ города. Но не всегда печальныя впечатлѣнія порождаютъ печаль. Они могутъ породить и гнѣвъ, и этимъ можетъ воспользоваться искусный полководецъ, чтобы обратить въ свою пользу и неблагопріятныя обстоятельства.

Гнѣвъ. Физіологически гнѣвъ представляетъ изъ себя преувеличенную радость, при которомъ возбужденіе достигаетъ болѣе высокой степени. Усиленная инервація и обусловленная ею потребность къ сильнымъ и быстрымъ движеніямъ составляетъ главный признакъ въ физіологіи гнѣва. Чувство легкости, заставляющее прыгать отъ радости, достигаетъ своего апогея въ гнѣвѣ и составляетъ причину киданія, метанья и бросанья. Радостное битье въ ладоши смѣняется разнузданной жестикуляціей и хлопаньемъ кулакомъ о твердые предметы. Въ ярости человѣкъ можетъ развить такую силу, которая рѣшительно превышаетъ все, что онъ могъ бы совершить въ спокойномъ состояніи. Поэтому, если радость желательна среди войскъ, то гнѣвъ среди нихъ дорогой гость. Къ сожалѣнію, гнѣвъ быстротеченъ, и появленіе его въ массѣ не поддается управленію. Извѣстно, од-

Библиотека "Руниверс"

нако, какъ часто убійство любимаго вождя вызывало въ войскахъ гнѣвъ, быстро приводившій къ побѣдѣ. Такое дѣйствіе оказала смерть Густава-Адольфа и Тюреня. Желаніе породить гнѣвъ приводило иногда къ объявленію непріятеля личнымъ врагомъ каждаго воина, какъ посягателей на его жену и его добро, иногда къ рельефной обрисовкѣ кощунственнаго поведенія врага, грабящаго святыя церкви, оскверняющаго алтари, сжигающаго монастыри и т. д.

ГЛАВА III.

Страхъ.

Если печали противуполагаются радость и гнѣвъ, то рядомъ съ ней по праву долженъ стать страхъ. Страхъ — это сознаніе надвигающейся печали и страданій. Онъ будетъ тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ рельефнѣе будетъ выражена угроза и чѣмъ ближе моментъ ея осуществленія. Страхъ сильнѣе печали потому, что исполненіе, какъ подтвердилъ Вундъ, должно быть всегда ниже ожиданія, и точка наибольшаго удовольствія (а слѣдовательно и страданія) не совпадаетъ съ удовлетвореніемъ желанія (съ моментомъ совершенія несчастья), а лежитъ *передъ* ней. Въ моментъ осуществленія угрозы страхъ пропадаетъ,—онъ перестаетъ существовать, обращаясь въ горе или физическое страданіе. Боятся вырывать зубъ, но, вырывая его, чувствуютъ боль, а не страхъ. Жена акробата трясется, когда онъ продѣлываетъ рискованныя упражненія, но плачетъ, когда онъ расшибся. Физіологически страхъ стоитъ весьма близко къ печали. Онъ сопровождается, по словамъ Ланге, тѣмъ же

Библиотека "Руниверс"

парализованіемъ произвольнаго двигательнаго аппарата, тѣмъ же судорожнымъ состояніемъ сосудо-сжимающихъ мускуловъ, но оба эти явленія рѣзче выражены и внезапнѣе наступаютъ. Къ этому присоединяется судорожное сокращеніе всѣхъ остальныхъ мышцъ. Страхъ всегда сопровождается болѣе или менѣе рѣзкимъ парализованіемъ мускуловъ, доходящимъ до столбняка. Понятно поэтому, какъ вредно чувство страха въ рядахъ арміи, которую надо привести въ наиболѣе энергичную дѣятельность, и какъ старательно долженъ избѣгать начальникъ его возникновенія. Какія же мѣры могутъ способствовать уничтоженію, а въ крайнемъ случаѣ уменьшенію страха?

Страхъ есть ожиданіе печалей и страданій. Онъ будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сосредоточеннѣе это ожиданіе и чѣмъ больше объемъ ожидаемыхъ печалей и страданій. Сосредоточенность обратно пропорціональна количеству постороннихъ идей и прямо пропорціональна вниманію, которое въ свою очередь обусловливается отсутствіемъ движенія. Слѣдовательно, войска, стоящія неподвижно подъ пулями, болѣе подвергнуты страху, чѣмъ производящія какія-либо работы. Съ другой стороны: какія идеи, кромѣ идеи ожидаемыхъ страданій, имѣютъ больше всего вѣроятія существовать въ мысляхъ людей на войнѣ въ походѣ или въ бою? Конечно, цѣль и идея марша и боя. Поэтому ознакомленіе людей съ предстоящими передвиженіями и маневрированіе, т. е. достиженіе того, чтобы каждый воинъ зналъ свой маневръ, является мѣрою противодѣйствія страху. Объемъ ожидаемыхъ страданій всегда превышаетъ ихъ дѣйствительный объемъ, такъ какъ ожидается что-то неизвѣстное, не только превосходящее по силѣ извѣстныя ощущенія, но и по существу совершенно отличное отъ уже испытаннаго.

Библиотека "Руниверс"

Поэтому, чѣмъ больше неизвѣстность, тѣмъ сильнѣе и страхъ. Въ силу этого, зачастую благодѣтельно дѣйствуетъ указаніе, что предѣлъ ожидаемыхъ страданій — смерть. Страхъ же самой смерти значительно ослабляется сознаніемъ ея неизбѣжности—двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать.

Управленія при помощи страха.

Какъ отрицательное чувство голода можетъ дать положительный тонъ, достаточный для поступка, такъ и отрицательное чувство страха можетъ послужить основаніемъ для дѣйствія. Выше было указано, какъ можно придать направленіе поступкамъ, открывая перспективы насыщенія, отдыха и добычи. При этомъ было указано, что такъ какъ увеличить соблазнительность добычи не во власти начальника, то этотъ способъ мало надеженъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ связь поступковъ съ утоленіемъ голода не очевидна. Гораздо надежнѣе способъ управленія страхомъ. Поэтому Фридрихъ Великій выражалъ желаніе, чтобы солдатъ больше боялся палки капрала, чѣмъ непріятельской пули.

Чѣмъ бо̀льшихъ усилій требуется отъ человѣка, чѣмъ болѣе непріятныхъ ощущеній надо ему преодолѣть, тѣмъ грознѣе долженъ быть и призракъ наказанія, т. е. отрицательное ощущеніе представленія несовершеннаго поступка должно быть сильнѣе отрицательнаго ощущенія сопутствующаго идею его исполненія. Назовемъ черезъ A тонъ идеи совершеннаго поступка, черезъ a—тонъ идеи не совершеннаго; ихъ разность $A - a = x$ опредѣлитъ, будетъ ли совершенъ поступокъ, ибо онъ будетъ совершенъ, если x будетъ положителенъ. Но A и a оба отрицательнаго тона, т. е. $-A$ и $-a$. При этомъ будетъ $-A-(-a) = -A + a = a - A = x$. X будетъ съ положительнымъ знакомъ, если a больше A, т. е. если абсолютный тонъ идеи несовер-

Библиотека "Руниверс"

шеннаго поступка будетъ сильнѣе, больше тона совершеннаго поступка. Въ физическомъ мірѣ наибольшее затрудненіе, которое можно поставить совершенію поступка—это смерть дѣйствующаго лица. Наибольшая угроза, которая можетъ вынуждать къ совершенію поступка—тоже смерть. При этомъ $A = a$ и $x = o$, т. е. передъ смертельной опасностью страхъ наказанія не побудитъ ни къ какому поступку, такъ какъ при этой комбинаціи положительный тонъ исчезнетъ. Это весьма образно выражено въ афоризмѣ генерала Драгомірова, отвѣчающаго на тезисъ Фридриха Великаго словами: можно бояться палки капрала больше, чѣмъ непріятельской пули, но нельзя ея бояться больше, чѣмъ непріятельскаго штыка.

Въ уравненіи $a - A = x$ предѣльная величина a — угрозы наказанія—есть смерть. При этомъ величина x, т. е. напряженіе положительнаго тона, порождающаго поступокъ, зависитъ отъ A, т. е. отъ тѣхъ идей, которыя сопутствуютъ идею совершаемаго поступка. Покуда эти идеи не отличаются напряженностью тона, какъ напримѣръ, въ походѣ, до тѣхъ поръ и x можетъ выразить величину довольно крупную и обусловить быстроту и подвижность. По мѣрѣ возрастанія A, x соотвѣтственно уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поступокъ теряетъ энергію и быстроту и становится вялымъ. Въ бою, когда надо развить наибольшую энергію, x достигаетъ minimum'a и выражаетъ надежду на промахъ непріятельскихъ пуль и штыковъ. Быть можетъ въ этомъ надо искать причину рѣдкости боевъ въ эпоху Фридриха, ихъ малой рѣшительности и отсутствія преслѣдованія, такъ какъ остатка энергіи хватало только на спасеніе собственной жизни, а при дальнѣйшемъ и упорномъ столкновеніи x падало до нуля, ибо затягиваніе соприкоснове-

Библиотека "Руниверс"

нія съ врагами увеличивало шансы на смерть. Такимъ образомъ, если стимуломъ для совершенія поступка вмѣсто голода и добычи становится страхъ, то арміи выигрываютъ въ разнообразіи дѣятельности, въ напряженіи этой дѣятельности, которая, однако, падаетъ къ концу боя до нуля.

Предѣлъ напряженія отрицательнаго тона идей при совершеніи какого-либо поступка составляетъ смерть. При подготовительныхъ къ бою операціяхъ, людямъ приходится претерпѣвать рядъ лишеній, какъ-то: холодъ, голодъ, усталость и т. д., т. е. рядъ отрицательныхъ ощущеній, охраняющихъ жизнь отъ опасности, грозящей ей косвенно. Въ бою же люди становятся лицомъ къ лицу со смертью. Въ первомъ случаѣ, отказываясь двигаться впередъ отъ утомленія, человѣкъ не сознаетъ ясно, что наростаніе этого утомленія грозитъ его жизни, а останавливается отъ мучительнаго ощущенія усталости, т. е. поступокъ человѣка клонится къ сохраненію жизни инстинктивно. Въ бою же человѣкъ останавливается и отказывается двигаться впередъ отъ яснаго сознанія опасности, угрожающей его жизни, слѣдовательно въ данномъ случаѣ дѣятельность его сознательно клонится къ сохраненію жизни. Чтобы разрушить положительный тонъ остановки и бѣгства, надо убѣдить людей, что этимъ они не достигаютъ своей цѣли спасенія отъ смерти. Этого можно достичь двумя путями: логическимъ и метафизическимъ. Если сзади наступающихъ войскъ поставить батарею съ приказаніемъ стрѣлять по отступающимъ, то этимъ самымъ войска будутъ убѣждены, что отступленіемъ жизни не спасешь. Это будетъ способъ логическій. Къ таковому прибѣгъ Петръ Великій при штурмѣ одной крѣпо-

Противодѣйствіе страху.

Библиотека "Руниверс"

сти, когда въ головѣ войска со штурмовыми лѣстницами послалъ арестантовъ, приговоренныхъ къ смерти.

Метафизическій путь состоитъ въ томъ, что человѣку внѣдряютъ убѣжденіе, что отъ его поступковъ не зависитъ ни жизнь, ни смерть. Идетъ ли онъ впередъ или назадъ, смерть настигнетъ его въ день и часъ, назначенный судьбою. Судьба предначертала его поступки и назначила смертный часъ. Другими словами, вершителемъ судебъ каждаго отдѣльнаго человѣка признается не его свободная воля, а судьба, фатумъ. Фатализмъ уничтожаетъ отрицательный тонъ человѣческихъ поступковъ, но не придаетъ еще имъ положительнаго тона. Поэтому результаты, достигнутые имъ, будутъ пассивнаго характера. Но за то и противнику, стремящемуся подчинить враговъ угрозою смерти, это не будетъ удаваться при полномъ фатализмѣ. Вслѣдствіе этого, войска, проникнутыя фатализмомъ, будутъ обладать малой активностью [1]), но чрезвычайно большой оборонительной стойкостью, что мы и видимъ, напримѣръ, на турецкихъ войскахъ.

Управленіе людьми при помощи страха достигаетъ своей высшей формы при внѣдреніи въ войска сознанія долга. Сознаніе долга состоитъ въ томъ, что человѣкъ считаетъ должнымъ поступить не сообразно своимъ желаніямъ, а сообразно мнѣнію общества, которое молчаливо предписываетъ ему поступить такъ, а не иначе. Въ случаѣ, если человѣкъ поступитъ на перекоръ общественному мнѣнію, то его постигнетъ кара въ формѣ порицанія, выраженнаго отдѣльными членами общества или отъ его лица—уполномоченнымъ имъ. Въ крайнемъ своемъ развитіи служеніе долгу

[1]) Активность первыхъ магометанъ обусловливалась не фатализмомъ, а стремленіемъ обратить въ мусульманство весь міръ.

Библиотека "Руниверс"

простирается до такой степени, что дѣйствующій человѣкъ, являясь носителемъ общественнаго мнѣнія, является тѣмъ самымъ и въ то же время своимъ собственнымъ судьей. Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ высокаго сознанія долга, во имя котораго человѣкъ поступаетъ наперекоръ своимъ желаніямъ не изъ боязни осужденія посторонними, которые не могутъ быть свидѣтелями его поступка, а изъ боязни собственнаго суда и осужденія. Но какой бы высокой степени ни достигало сознаніе долга, оно по существу своему исходитъ изъ того же руководительства устрашеніемъ, изъ того же принципа, чтобы солдатъ больше боялся палки соотечественника, чѣмъ пули врага, а потому оно болѣе отвѣчаетъ пассивному претерпѣванію, чѣмъ активному дѣйствію. Предѣлъ его — смерть; за нее оно не простирается. Умирающій съ сознаніемъ исполненнаго долга умираетъ спокойно. Смерть освобождаетъ его отъ дальнѣйшихъ побужденій. Иначе дѣйствуетъ, напримѣръ, патріотизмъ. Умирая, свято исполнивши свой долгъ, патріотъ мучится еще неизвѣстностью результатовъ боя, и умираетъ, страдая при извѣстіи о пораженіи. И народныя легенды создаютъ изъ него посмертнаго бойца и покровителя націи.

Служеніе долгу составляетъ высшую добродѣтель тѣхъ, кто неспособенъ воспринимать широкихъ альтруистическихъ побужденій, кто въ личности видитъ конечную единицу, ибо служеніе долгу есть всегда въ концѣ концовъ балансъ между поступкомъ и возмездіемъ [1]). Do ut des. Поэтому онъ свойственъ торговымъ націямъ, какъ напримѣръ, англича-

---

[1]) Сравнивая горячій патріотизмъ Конрада Валенрода съ сознаніемъ долга швейцарской стражи, надо сознаться, что Валенродъ великъ въ своемъ предательствѣ, а швейцарцы тусклы въ своей честности.

Библиотека "Руниверс"

намъ. По этой основной струнѣ ударилъ адмиралъ Нельсонъ въ день Трафальгарскаго боя, отдавая приказъ: «Англія разсчитываетъ, что каждый исполнитъ свой долгъ». Высшій образецъ въ этомъ направленіи дала въ 1793 году швейцарская стража, защищавшая въ Тюльери покинутаго всѣми и чуждаго имъ Людовика XVI. Они защищали короля безъ надежды спасти его и полегли всѣ, исполняя свой долгъ. Въ чемъ же заключается этотъ долгъ, во имя котораго они защищали чужого короля, чуждые принципы? Въ томъ, что они были наняты. За извѣстную сумму денегъ они обязались защищать короля и исполнили свои обязанности. Если бы срокъ ихъ найма истекъ наканунѣ возмущенія толпы, они могли бы поступить на службу къ революціонерамъ и умерли бы также стойко, отбиваясь отъ королевскаго войска. Служеніе долгу, высшая добродѣтель торговыхъ народовъ, вѣрность долгу, высшая добродѣтель наймитовъ. Англичане, генуэзцы и швейцарцы подтверждаютъ это правило.

ГЛАВА IV.

Нравственныя побужденія, какъ противовѣсъ страху.

При различныхъ комбинаціяхъ отрицательныхъ ощущеній можно получить весьма незначительное напряженіе положительнаго тона, а слѣдовательно и весьма мало энергическихъ поступковъ. Иначе обстоитъ дѣло, когда отрицательнымъ ощущеніямъ противополагаются положительныя. Тогда уравненіе $A-a=x$ выразитъ: A—положитель-

Библиотека "Руниверс"

ныя ощущенія совершеннаго поступка, —a—отрицательныя ощущенія и x—преобладаніе положительныхъ ощущеній надъ отрицательными. Такъ какъ предѣлъ —a, напряженія отрицательныхъ ощущеній исчерпывается смертью, а A можетъ достигать безконечности (такъ какъ если основать его на психическихъ данныхъ, то напряженіе положительнаго тона не ограничивается никакими данными), то x, интенсивность напряженія положительнаго тона, опредѣляющаго поступокъ, достигаетъ чрезвычайныхъ размѣровъ. Мало того: разъ, что положительный тонъ идеи покоится на психическомъ основаніи, смерть теряетъ передъ ними какое-либо значеніе, т. е. —a является несоизмѣримымъ съ A. При этомъ поступки выходятъ изъ нормъ человѣческой жизни и становятся героическими. Такъ создались поступки первыхъ христіанскихъ мучениковъ, побѣда на Мальвійскомъ мосту и геройская гибель Наполеоновской гвардіи подъ Ватерлоо. Поэтому во всѣ времена и у всѣхъ народовъ великіе реформаторы и полководцы двигали толпой и войскомъ, возбуждая положительныя идеи, выбирая ихъ по возможности изъ среды, не касающейся матеріальныхъ благъ.

Выше было указано, что лишенія похода и опасности боя уменьшаютъ дѣятельность людей, какъ косвенныя или прямыя угрозы ихъ жизни. Стремленіе же къ сохраненію жизни является основнымъ во всемъ животномъ мірѣ. Мало того: природа вложила въ людей не только стремленіе къ сохраненію жизни, но и стремленіе къ увеличенію ея. Жизнь состоитъ изъ ощущеній и представленій, лишеніе которыхъ составляетъ сущность смерти. Уменьшеніе ихъ составляетъ приближеніе къ смерти, уменьшеніе жизни. Прогрессивный параличъ даетъ подобную картину. Обратно: стремленіе къ

Библиотека "Руниверс"

увеличенію ощущеній и представленій составляетъ стремленіе къ увеличенію жизни. Много пожить—значитъ много испытать, много ощущать. Точно также жизнь умѣреннаго Спинозы полнѣе и обширнѣе жизни темнаго крестьянина, потому что первый богаче представленіями. Такъ вотъ если поступки, въ которыхъ люди чувствуютъ или сознаютъ угрозу жизни, представить имъ какъ средство къ увеличенію жизни или если указать на недѣйствительность этой угрозы, то дѣятельность войскъ не будетъ падать въ походѣ отъ лишеній, а въ бою отъ страха. Принципы увеличенія жизни существуютъ въ человѣческихъ душахъ и могутъ быть подраздѣлены на двѣ большія группы: принципы эгоистическіе и принципы соціальные.

Принципы эгостическіе.

Принципы эгоистическіе названы такъ потому, что, слѣдуя имъ, человѣкъ увеличиваетъ въ своемъ сознаніи одну свою жизнь, какъ главный стержень, около котораго вращается все остальное. Согласно врожденнымъ способностямъ сознанія, человѣкъ предполагаетъ возможнымъ увеличивать жизнь въ двухъ направленіяхъ: въ пространствѣ и во времени. Метафизическія способности людей предвидятъ возможность расширенія жизни и за предѣлы этихъ двухъ категорій.

Одинъ изъ величайшихъ мыслителей, Шопенгауеръ, опредѣляетъ міръ, какъ слагаемое изъ двухъ моментовъ: воли и представленія. То же надо сказать и про жизнь человѣка: для себя онъ существуетъ, какъ воля, для другихъ, какъ представленіе. Человѣкъ, замурованный въ стѣнѣ и забытый всѣми, существуетъ только какъ воля. Наоборотъ: мертвый еще продолжаетъ существовать въ мірѣ, какъ пред-

Библиотека "Руниверс"

ставленіе, среди помнящихъ его людей. Представленіе жизни другого человѣка есть воздѣйствіе его на окружающія существа и предметы, которое можно иначе назвать слѣдами его дѣятельности. Каждый поступокъ человѣка, о которомъ узнаютъ другіе люди, поразитъ ихъ воображеніе и, такъ сказать, вторгнется въ ихъ внутреннюю жизнь и займетъ тамъ, какъ представленіе, тѣмъ болѣе господствующее положеніе, чѣмъ сильнѣе и необыкновеннѣе былъ поступокъ. Такимъ образомъ этотъ поступокъ не только будетъ касаться жизни человѣка, его произведшаго, но всѣхъ людей, которые тѣмъ или другимъ способомъ узнаютъ о немъ. Поступокъ, составляющій проявленіе жизни одного человѣка, вторгнется и составитъ часть жизни другого человѣка, т. е. объемъ жизни дѣйствующаго лица увеличится насчетъ другихъ. Если эти люди будутъ современниками дѣйствующаго лица, то объемъ его жизни увеличится, такъ сказать, въ пространствѣ въ зависимости отъ числа лицъ, воспринявшихъ впечатлѣніе. Стремленіе къ увеличенію объема жизни въ пространствѣ составляетъ честолюбіе. Внѣшнее выраженіе того, что эта цѣль достигнута, составляетъ извѣстность, восхищеніе и почетъ со стороны тѣхъ, насчетъ которыхъ совершено расширеніе жизни. Стремленіе поразить современниковъ зелеными штанами при красномъ фракѣ считается признакомъ мелочности и называется фатовствомъ или эксцентричностью. Но и оно проистекаетъ изъ того же побужденія, изъ котораго вышло и властолюбіе Наполеона, т. е. возможно болѣе вторгнуться въ возможно большее число жизней. Алкивіадъ столько же поразилъ согражданъ, отрубивъ хвостъ у своей великолѣпной собаки, какъ и побѣдивъ спартанцевъ. Честолюбіе.

Честолюбіе играетъ видное значеніе на войнѣ, когда

Библиотека "Руниверс"

каждый разсчитываетъ, что поступокъ его будетъ замѣченъ, пересказанъ и жадно подхваченъ соотечественниками, жадно слѣдящими за всѣми перипетіями войны. Такъ какъ поступки, наиболѣе поражающіе воображеніе, чаще всего имѣютъ мѣсто въ сраженіяхъ, то понятно, что бой является настоящимъ праздникомъ честолюбія. Оттого-то Шекспиръ и говорилъ про «гордыя сраженія, въ которыхъ считается за доблесть честолюбіе». Съ цѣлью развитія столь полезнаго честолюбія, повсюду учреждались наружные знаки, носимые людьми съ тѣмъ, чтобы они указывали окружающимъ на извѣстные поступки, заслуживающіе одобренія, совершенные ими. Значеніе этихъ знаковъ обусловливается тѣмъ, что они поддерживаютъ впечатлѣніе того поступка, который расширилъ жизнь героя, т. е придаютъ ему устойчивость во времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ они вызываютъ вниманіе и почетъ, служащій удовлетвореніемъ честолюбію. Такими знаками служатъ нынѣ ордена.

Ордена. Цѣль орденовъ, какъ сказано выше, не состоитъ въ томъ, чтобы поразить воображеніе окружающихъ своимъ видомъ, а въ томъ, чтобы напомнить о необыкновенномъ поступкѣ ими награжденнаго. Если же ордена не говорятъ о тѣхъ или другихъ заслугахъ, а сами по себѣ служатъ привлеченіемъ вниманія, то они уже перестаютъ служить возбудителемъ «доблестнаго честолюбія», а могутъ быть приравнены къ зеленому фраку при красныхъ штанахъ, т. е. быть вывѣской фатовства. Отсюда вытекаютъ слѣдующія данныя: 1) ордена должны быть выдаваемы за дѣйствительные поступки, достойные вниманія; 2) ордена должны быть различныхъ категорій, чтобы по нимъ сразу судить о родѣ поступка, ими увѣнчаннаго; 3) ордена должны быть ясно и

Библиотека "Руниверс"

всегда видимы и 4) ордена не должны прельщать глаза бо́гатствомъ и вычурностью.

Стремленіе увеличить объемъ жизни, вторгаясь въ жизнь не современниковъ, а потомства, другими словами, не въ пространствѣ, а во времени, составляетъ славолюбіе. Славолюбіе есть стремленіе увеличить жизнь во что бы то ни стало. А такъ какъ неизмѣнные законы природы прекращаютъ существованіе людей какъ воли, то аппелируютъ къ другой составной части существованія—къ существованію, какъ представленіе въ душахъ другихъ людей и потомства. Славолюбіе значительно глубже и возвышеннѣе честолюбія, потому что требуетъ значительно бо̀льшаго. Честолюбецъ тутъ же получаетъ награду—почетъ. Славолюбецъ никогда не можетъ ее получить, онъ можетъ въ нее лишь вѣрить, такъ какъ его награда начнется только послѣ его смерти. Честолюбецъ—разочаровывается, не получая удовлетворенія, славолюбецъ — никогда отъ этого. Славолюбіе болѣе стойко, а такъ какъ стойкость—одна изъ величайшихъ житейскихъ и военныхъ добродѣтелей, то славолюбіе въ военномъ дѣлѣ выгоднѣе честолюбія. Такъ какъ славолюбіе есть производное отъ времени, а честолюбіе отъ пространства, то продолжительная борьба и лишенія черпаютъ силу только въ славолюбіи. Напротивъ — рѣшительный ударъ, безумная смѣлость—въ честолюбіи. Понятно, какъ важны для послѣдняго зрители. Увеличить количество ихъ значитъ увеличить напряженіе честолюбія. Какъ же оно увеличилось, когда пылкое воображеніе французовъ оживило и очеловѣчило знаменитыя слова Наполеона передъ битвой подъ пирамидами. «Сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ», сказалъ онъ. Славолюбіе.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что често-

Библиотека "Руниверс"

любіе — доблесть сраженій; славолюбіе — доблесть войнъ. Соотвѣтственно съ различіемъ между славолюбіемъ и честолюбіемъ для поощренія ихъ существуютъ различныя мѣры. Честолюбію — блескъ, славолюбію — прочность. Тріумфъ римлянъ былъ наградой первому; мавзолеи и ростральныя колонны—второму. И въ настоящее время для поощренія славолюбія ставятъ памятники отдѣльнымъ лицамъ, группамъ лицъ и цѣлымъ эпопеямъ—памятники войнъ. Событія и имена увѣковѣчиваются на металлѣ и мраморѣ. «Каменныя скрижали»—символъ вѣчности. Однимъ изъ лучшихъ способовъ поощренія славолюбія является сохраненіе подвиговъ въ традиціяхъ части, сословія и цѣлаго государства.

Загробная жизнь.

Увеличеніе объема жизни въ пространствѣ и во времени является, однако, неудовлетворительнымъ. Человѣку недостаточно продленіе жизни только какъ представленія и какъ таковое, зависимое отъ другихъ людей. Ему нужно продленіе жизни независимо отъ другихъ, такихъ же смертныхъ, какъ и онъ. Однимъ словомъ, онъ хочетъ продленія жизни, какъ воли. Такова будетъ жизнь внѣ категорій времени и пространства, а потому абсолютная и вѣчная. Такъ какъ при жизни человѣкъ не можетъ ничего мыслить внѣ времени и пространства, то такою жизнью можетъ быть только загробная. Жизнь эта сохраняетъ субъективность земной жизни съ ея пропорціональностью. Она не деформируется и не резюмируетъ облика человѣка. Эта жизнь заслуживается опредѣленными поступками, но не заключается въ нихъ.

Скандинавское преданіе обѣщаетъ, что всякій воинъ,

Библиотека "Руниверс"

павшій честно въ бою, отводится валкиріями во дворецъ Одина (Валгалу), гдѣ проводитъ время въ пиршествахъ, охотахъ и бояхъ. Только трусы погружаются въ царство Геллы, богини смерти. Религія, основанная на подобныхъ вѣрованіяхъ, несомнѣнно заставляла пренебрегать смертью на поляхъ битвы, и скандинавы считали за позоръ и несчастье умереть не отъ руки врага. Когда къ нимъ приближалась естественная смерть, они вскрывали свои старыя раны, чтобы Одинъ могъ признать въ нихъ воиновъ, павшихъ въ борьбѣ со врагомъ. Итакъ, чтобы заслужить безсмертіе, надлежало только быть храбрымъ, а потому скандинавы были воинами par exellence. Въ своихъ религіозныхъ чувствахъ скандинавы нашли новый стимулъ для военной дѣятельности, отсутствовавшій въ древнемъ мірѣ. Самый храбрый греческій воинъ видѣлъ въ смерти несомнѣнное и неизмѣнное зло. Воинамъ Одина жилось лучше и веселѣе, чѣмъ самымъ могущественнымъ викингамъ, а Ахиллесу, продолжающему существованіе въ мрачномъ Аидѣ, жизнь поденщика на землѣ казалась соблазнительнѣе царской жизни въ царствѣ тѣней.

Религіозное чувство.

Въ дальнѣйшей эволюціи религіознаго чувства подъ вліяніемъ христіанскаго ученія, хотя за павшими въ бою и осталась награда вѣчной, блаженной жизни, но эта награда была результатомъ не одной храбрости, достаточной самой по себѣ, а храбрости, направленной соотвѣтственно христіанской морали. Бой при этомъ пересталъ быть конечною цѣлью, а сталъ лишь средствомъ защиты единовѣрцевъ, имени Христова, слабыхъ и притѣсненныхъ и т. д. Не для себя и не для добычи переступается уже заповѣдь Господня: «не убій», а во имя ближняго и имени Господня. Недостаточно быть храбрымъ, надо еще быть благочестивымъ.

Библиотека "Руниверс"

Не за храбрость обѣщается вѣчное блаженство, а за любовь. «Больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя». Такимъ образомъ религіозное чувство не только является активнымъ двигателемъ, но и спайкой, такъ какъ головы слагаются не только за идеи, но и за «други своя». Опредѣленіе этого понятія «други своя» можетъ принимать самыя различныя формы. При религіозныхъ движеніяхъ это опредѣленіе отвѣчаетъ понятію единовѣрія, отъ самыхъ широкихъ опредѣленій вѣры до наиболѣе узкихъ, сектантскихъ.

Поднимая оружіе во имя принциповъ, данныхъ Свыше, естественно видѣть себя лишь орудіемъ Того, Кто далъ эти законы. Его могущество не подвергается тѣни малѣйшаго сомнѣнія, слѣдовательно, все будетъ совершаться, какъ угодно Богу. А такъ какъ ни единый волосъ не падетъ безъ Его воли, то къ чему могутъ привести человѣческія заботы о своей жизни и судьбѣ? Вся забота человѣка должна сосредоточиться на томъ, чтобы поступать по-Божьему, а объ остальномъ позаботится Богъ. Слѣдовательно, религіозное чувство приводитъ къ смягченному фатализму, со всѣми его выгодами. Такимъ образомъ, религіозное чувство одновременно удовлетворяетъ стремленію къ расширенію жизни и уничтожаетъ поступки, мотивированные самосохраненіемъ. Это и придаетъ энергію воинамъ, одухотвореннымъ религіознымъ чувствомъ. Забота полководца сводится къ поддержанію и повышенію этого чувства.

Первымъ поступкомъ Густава-Адольфа при высадкѣ на германскій берегъ было преклонить колѣни въ присутствіи свиты и возблагодарить провидѣніе за сохраненіе арміи и флота. Въ арміи Густава-Адольфа всякое распутство строго наказывалось и всего строже богохульство, грабежъ и пое-

Библиотека "Руниверс"

динки. Глазъ полководца наблюдалъ также старательно за нравственностью солдата, какъ и за его храбростью. Во время утренней и вечерней молитвы каждый полкъ долженъ былъ составить кругъ около своего священника и совершить свои моленія подъ открытымъ небомъ. Во всемъ этомъ законодатель служилъ примѣромъ. Для подъема религіознаго чувства въ день Люценской битвы, утромъ, колѣнопреклоненный монархъ молился передъ фронтомъ. Вся армія, склонясь на колѣни, поетъ въ это время трогательный гимнъ и полевая музыка вторитъ пѣнію. «Съ нами Богъ» было въ этотъ день боевымъ кликомъ шведовъ.

Еще болѣе строго соблюдались религіозные обряды въ войскахъ Кромвеля, также одушевленныхъ религіознымъ чувствомъ. Промежутки между военной службой были наполняемы религіозными упражненіями. Офицеры исполняли всѣ обязанности священно-служителей. Многіе солдаты впадали въ религіозный экстазъ. Они шли въ битву съ пѣніемъ псалмовъ и священныхъ гимновъ и смерть была для нихъ мученичествомъ за вѣру. Всякое предпріятіе начиналось молитвой и постомъ. Одушевленіе было таково, что изъ войскъ Кромвеля не было побѣговъ. Грабежъ карался немилосердно. При взятіи Винчестера, узнавъ, что нѣкоторые изъ его солдатъ занимались грабежемъ, Кромвель велѣлъ отыскать ихъ, одного повѣсилъ, а другихъ отправилъ на судъ въ Оксфордъ [1]). Одушевленіе его войскъ было таково, что въ битвѣ при Престонѣ, Кромвель съ 7,000 че-

---

[1]) Впослѣдствіи, съ паденіемъ религіознаго чувства, появились и грабежи. При взятіи Тредеха между солдатами Кромвеля произошла цѣлая драка изъ-за трупа губернатора этого города Аштона, о которомъ говорили, что у него искусственная нога сдѣлана изъ золота.

Библиотека "Руниверс"

ловѣкъ, ослабленными болѣзнями и усталостью, разбилъ 26-ти тысячную королевскую армію.

Опираясь на религіозное чувство, увеличивается спайка какъ между равными людьми, такъ и между подчиненными и начальниками. Не для нихъ работаютъ солдаты, а они вмѣстѣ работаютъ во имя Божье. «Богъ нашъ генералъ, говорилъ Суворовъ, Онъ насъ и водитъ». Сближаясь этимъ путемъ съ подчиненными, онъ въ то же время увеличивалъ и свой авторитетъ, какъ исполнителя Божьихъ предначертаній. Густавъ-Адольфъ, а еще болѣе Кромвель, приписывали все Богу. Послѣ сраженія при Нэсби, во время котораго лозунгомъ парламентскаго войска было: «Богъ, будь нашей силой», Кромвель писалъ парламенту: «Рука Божья одна разила. Ей одной принадлежитъ слава, въ которой намъ нѣтъ никакой части. Генералъ (Ферфексъ) служилъ съ честью и вѣрностью. Но наибольшей хвалы заслуживаетъ онъ за то, что все приписываетъ Богу и лучше погибнетъ, чѣмъ что-нибудь припишетъ себѣ». Совсѣмъ иначе говоритъ человѣкъ, который хочетъ на чужихъ плечахъ возвыситься самъ и не можетъ прикрыть этого возвышенія формой законности. Собираясь отнять у австрійскаго императора чешскую корону для себя, Валленштейнъ говорилъ: «Никогда не соглашусь терпѣть помощника въ своей арміи, хотя бы самъ Богъ захотѣлъ раздѣлить со мной командованіе».

Примѣры Густава-Адольфа и Кромвеля подчеркиваютъ весьма рельефно то, что соблюдалось и всѣми другими военачальниками, желавшими воздѣйствовать на религіозное чувство, а именно строгое сохраненіе обрядностей самими и принужденіе къ тому же и подчиненныхъ. Обрядность есть внѣшнее, хотя и условное проявленіе религіоз-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ убѣжденій, которое не только сохраняетъ ихъ стойкость, но возбуждаетъ ихъ и даетъ возможность на нихъ воздѣйствовать. Внѣшній признакъ христіанства, водруженный на знамена Константина, произвелъ такое религіозное воодушевленіе и такъ быстро, какъ вѣроятно не произвели бы никакія хартіи. Кромѣ обрядностей, полководцы, воздѣйствующіе на религіозныя чувства, возможно чаще и при всякомъ случаѣ останавливали вниманіе своихъ подчиненныхъ на Богѣ, имя котораго почти не сходило съ ихъ устъ и благости котораго приписывались всѣ событія.

Честолюбіе, славолюбіе и вѣру въ загробную жизнь мы назвали принципами эгоистическими, ибо ими затрогивается личная жизнь отдѣльнаго человѣка. Такъ какъ религіозное чувство, основываясь на вѣрѣ въ загробную жизнь, не исчерпывается однако ею, а выражается также въ безкорыстномъ служеніи нравственнымъ идеямъ, то этой своей частью оно примыкаетъ къ другой группѣ принциповъ, а именно къ принципамъ, вытекающимъ изъ сознанія соціальнаго строя, какъ органическаго цѣлаго. Поэтому группу эту мы и назвали соціальною.

Группа эгоистическихъ принциповъ придаетъ дѣйствующему лицу исключительное, первенствующее значеніе. Остальные люди составляютъ лишь пассивную среду, служащую для воспріятія совершаемыхъ имъ поступковъ. Обратно: соціальные принципы низводятъ человѣка до сознанія ничтожества своего личнаго существованія, являющимся моментомъ гораздо болѣе полнаго и продолжительнаго существованія соціальной группы, каковой будетъ семья, родъ, сословье, землячество, народность, госу-

Принципы соціальные.

Библиотека "Руниверс"

дарство и т. д. Строго говоря, это есть вѣра, хотя и не сознательная въ то, что сознательно составляетъ основаніе философіи Платона: конкретное существованіе идей, при кажущемся существованіи явленій. Значеніе смерти уменьшается при этомъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ отъ сознанія ничтожества личной жизни, а во-вторыхъ отъ сознанія ея безсилія противъ цѣлой группы людей, являющейся воплощеніемъ вѣчной, сравнительно съ жизнью человѣка, идеи.

Не входя въ рѣшеніе вопроса, предшествовала ли семья появленію рода и племени или наоборотъ племя существовало ранѣе семьи, но располагая лишь по объему соціальныхъ единицъ, первой соціальной идеей будетъ идея семьи съ присущими ей понятіями соподчиненія и сотрудничества. Сознаніе единства и вѣчности этой идеи создало культъ предковъ — краеугольный камень соціальнаго строя древняго міра [1]. Каждый человѣкъ являлся лишь звеномъ. Онъ обязанъ былъ воздавать поклоненіе предкамъ и обязанъ былъ имѣть сына, который могъ бы воздавать его по смерти отца. Поколѣніе смѣнялось поколѣніемъ какъ волны рѣки, а семья оставалась единой, ея алтарь незыблемъ и огонь неугасимъ. Каждый членъ семьи сознавалъ свои обязанности передъ ней, свою смертность и ея стойкость. Единицей болѣе крупной является родъ, т. е. группа семей, имѣющихъ одного предка — родоначальника. Слѣдовательно, родъ является носителемъ тѣхъ же, хотя и болѣе широкихъ идей. Что касается племени, то возникло ли оно изъ семьи или предшествовало ей, во всякомъ случаѣ члены, его составляющіе, находясь въ одинаковыхъ условіяхъ,

---

[1]) Фюстель де-Куланжъ. Древняя гражданская община.

Библиотека "Руниверс"

прониклись одними идеями и одними желаніями. Это единство идей и составляетъ идею племени. Слѣдуя дальше по соціальнымъ группамъ, мы встрѣтимъ народности и государства являющимися носителями опредѣленныхъ идей.

Смерть, хотя бы и многихъ людей, не можетъ видоизмѣнить или повредить прочности идеи, подобно тому какъ убываніе воды не можетъ измѣнить ея вкуса. Напротивъ, чѣмъ больше людей пожертвовали за нее жизнью, тѣмъ реальнѣе становится ея существованіе. Поэтому всякое гоненіе служитъ къ утвержденію идей. Гоненія на христіанъ дали христіанству такой расцвѣтъ, котораго оно не пріобрѣло бы безъ нихъ: «Принимая мученія, говоритъ Ренанъ, христіане вовсе не доказывали правоты своихъ идей, но показывали дѣйствіе, которое производятъ на людей эти идеи». А такъ какъ сила производимаго дѣйствія служитъ мѣриломъ реальности существованія [1]), то, видя могучее дѣйствіе христіанскихъ идей на христіанъ, свидѣтели склонялись передъ ихъ силой и реальностью. Но отреченіе отъ вѣры приводило въ сомнѣніе многихъ христіанъ, такъ какъ если часть людей скомпрометтируетъ идею, то это отражается на всѣхъ ея носителей. Поэтому мы видимъ, что позоръ отца падаетъ и на сына и наоборотъ. Такимъ образомъ создается фамильная гордость, родовая честь, національное достоинство, которыя требуютъ, чтобы отдѣльный человѣкъ предпочелъ смерть поступку, противному соціальнымъ идеямъ, ибо его смерть—ничто для идеи, его же позоръ отразится на ней и черезъ это и на всѣхъ ея носителяхъ. Сила и значеніе этихъ идей на поступки людей

---

[1]) Ударъ дубиной кажется намъ болѣе реальнымъ, чѣмъ дуновеніе вѣтерка. Реальность камня кажется болѣе реальности воздуха и т. д.

*

Библиотека "Руниверс"

имѣютъ рѣшающее вліяніе. Въ началѣ англійской революціи Кромвель говорилъ Гемпдену: «Неужели вы думаете, что эта сволочь безъ сердца будетъ когда-нибудь въ состояніи противиться дворянамъ, которые имѣютъ честь?»

Если все сказанное о соціальныхъ принципахъ покажется игрою словъ досужаго діалектика, неимѣющаго ни малѣйшаго отзвука въ сердцахъ людей дѣла, а не словъ, и если въ доказательство этого приведутъ въ примѣръ русскаго солдата, готоваго безропотно положить свою жизнь за отечество, но который не имѣетъ никакого понятія о соціальныхъ группахъ, то я скажу въ оправданіе, что все когда-либо и кѣмъ-либо высказанное придумано не имъ. Оно давно таится несознаннымъ во всѣхъ людяхъ. Высшая математика и философія детерминизма суть лишь выраженія сознанныхъ способностей ума, несознанныхъ или полусознанныхъ у другихъ. Что принципы этихъ двухъ наудачу выбранныхъ отраслей знанія вовсе не чужды даже необразованному мужику прошлаго столѣтія—доказываетъ существованіе такихъ пословицъ какъ «съ міру по ниткѣ — бѣдному рубашка» (сумма безконечно малыхъ равна величинѣ конечной) и «чему быть, того не миновать». Точно также и идеи, что отдѣльныя личности представляютъ нестойкія клѣточки гораздо болѣе стойкаго и имѣющаго реальное существованіе соціальнаго организма, точно также эта идея, сознательно выраженная у нѣкоторыхъ соціологовъ, можетъ безсознательно двигать душами мало образованныхъ людей.

Если въ соціальныхъ единицахъ группировка порождала идеи, то можетъ быть и обратно: идеи могутъ пораждать группировки. Результаты по существу будутъ тѣ-же. Такимъ образомъ, если племя побѣдителей, составившее дворянское

Библиотека "Руниверс"

сословіе, является носителемъ опредѣленныхъ идей, то обратно, усвоившіе себѣ эти идеи (что̀ проявляется соотвѣтственными поступками) пріобщаются къ дворянству. На этомъ основаніи дворянство, въ періодъ его расцвѣта, было вполнѣ универсально: дворянинъ-австріецъ считался дворяниномъ и во Франціи. Дворянство составляло соціальную группу, переступая границы государства и народности. Гуманисты Германіи, Италіи и Англіи составляли одну группу. Точно также одну группу составляютъ и носители какой-либо этической идеи. Члены этой группы могутъ и не знать другъ друга, но убѣжденные въ истинности, а слѣдовательно и въ вѣчности своей идеи, они согласны принять мученія и смерть только бы не измѣнить и не скомпрометтировать ее. Что и эти люди составляютъ одну группу, протягивая другъ другу руки поверхъ раздѣляющихъ ихъ пространствъ и годовъ, доказываетъ, что и сами они, и свидѣтели—связываютъ поступки съ предшествующими такими же и надѣются на подобные же и въ будущемъ.

Воинскія части составляютъ также соціальныя группы, существованіе которыхъ во много разъ продолжительнѣе существованія отдѣльныхъ личностей. Чѣмъ устойчивѣе эти группы, тѣмъ болѣе присущи имъ и понятія о долгѣ, чести и т. д. Честь полка, честь мундира стимулы сами по себѣ столь же могущественные, какъ и сознаніе долга или святости присяги [1]). Такъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ во время 30-ти лѣтней войны, когда сбродная и уже разбитая армія Тилли бѣжала, четыре полка старыхъ, испытанныхъ солдатъ, которые никогда не бѣгали съ поля

[1]) Что не одно и то-же: присяга взываетъ къ обязанностямъ относительно Бога; чувство долга—относительно людей.

Библиотека "Руниверс"

сраженія, и теперь не хотѣли этого сдѣлать. Сомкнувшись, они пробились сквозь непріятельскую армію и, сражаясь, достигли небольшого лѣса, гдѣ снова построили фронтъ противъ шведовъ и оборонялись до наступленія ночи, пока число ихъ не уменьшилось до шести сотъ.

Понятно, что дѣйствительность и сила соціальныхъ принциповъ усиливается при совпаденіи соціальныхъ группъ, что̀ въ широкомъ смыслѣ будетъ, когда армія національна; въ болѣе узкихъ смыслахъ, когда она комплектуется территоріально, при чемъ понятія уѣзда, губерніи, края совпадаютъ съ понятіями батальона, полка и корпуса.

ГЛАВА V.

Управленіе войсками.

Общія условія необходимыя для возможности управленія.

Возможность управленія войсками основывается на существованіи въ нихъ широкихъ общихъ идей законности и обязательства [1]). Безъ нихъ невозможно никакое управленіе, и величайшее заблужденіе предполагать, что этого можно достичь другими мѣрами, какъ-то: дисциплиной, угрозами и принужденіями. Самая строгая дисциплина съ наиболѣе крутыми наказаніями можетъ обусловить повиновеніе войскъ только въ томъ случаѣ, если она черпаетъ основаніе въ общихъ идеяхъ. Наиболѣе безидейными кажутся намъ наемныя войска. При нихъ же мы наблюдаемъ

[1]) Было бы ошибочно предположить существованіе этихъ идей вполнѣ сознанными и въ формѣ наиболѣе тонкаго юридическаго опредѣленія. Онѣ смутны, а потому въ ихъ приложеніи бываетъ иногда больше, иногда меньше заблужденій, чѣмъ въ приложеніи юридическихъ истинъ.

Библиотека "Руниверс"

и наиболѣе жестокія наказанія. Но эти наказанія только тогда приводили къ желаемымъ результатамъ, если войска получали свое жалованье. Такъ, при Филиппѣ II въ испанскихъ войскахъ, конечно, не было недостатка въ жестокихъ мѣрахъ. Однако солдаты, находившіеся въ Нидерландахъ, вышли изъ повиновенія, не получая жалованья. Точно также во время 30-ти лѣтней войны зрѣлища безчинства солдатъ возбуждали негодованіе въ самихъ имперскихъ генералахъ, неимѣвшихъ средствъ имъ воспрепятствовать, за недостаткомъ уваженія и денегъ, а ихъ главный начальникъ, Шаумбургъ, отъ стыда даже хотѣлъ сложить съ себя начальство. Вообще отказы въ повиновеніи, мотивированные неполученіемъ жалованья, бывали нерѣдки въ наемныхъ войскахъ. Изъ этого можно заключить, что общее повиновеніе достигалось не дисциплиной, а вытекало изъ сознанія взаимно принятыхъ обязательствъ.

Но не одно сознаніе принятыхъ обязательствъ давало возможность управлять арміями. Даже въ такихъ разношерстныхъ, сбродныхъ и, какъ кажется, лишенныхъ моральнаго чувства арміяхъ, каковы были арміи наемниковъ, таятся болѣе высокія идеи. Наперекоръ имъ нельзя было управлять войсками. Войско никогда не можетъ быть слѣпымъ орудіемъ. Это зачастую упускается изъ виду. Это упустилъ изъ виду и такой высокоталантливый генералъ, какъ Валленштейнъ. Въ бурный періодъ 30-ти лѣтней войны, увлеченный своимъ успѣхомъ и талантомъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что арміи принадлежитъ рѣшающее значеніе, и поставилъ себѣ цѣлью закрѣпить за собой полное главенство ею. Сознавая, что для того, чтобы быть единственнымъ владыкой солдатъ, онъ долженъ былъ являться войскамъ какъ единственный владыка ихъ судьбы,

Библиотека "Руниверс"

онъ выговорилъ себѣ у императора всѣ права, составлявшія до сего времени привилегію короны. Не только плата денегъ солдатамъ шла отъ Валленштейна, но жизнь ихъ вполнѣ зависѣла отъ его воли. Онъ выговорилъ себѣ право выдавать офицерскіе патенты, награждать достойныхъ и казнить смертью провинившихся. Такъ, послѣ Люценской битвы онъ назначилъ строжайшее слѣдствіе о поведеніи своихъ офицеровъ въ этомъ сраженіи. Тѣ, кого военный судъ призналъ виновными, были приговорены къ смерти безъ всякой пощады. Отличившіеся храбростью были награждены по-царски. Память убитыхъ увѣковѣчена великолѣпными мавзолеями. Являясь единственнымъ вершителемъ судебъ ввѣреннаго ему войска, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ осыпалъ его богатой добычей и полнымъ довольствомъ. Добавивъ къ этому, что войска его состояли изъ всякаго сброда безъ религіи, безъ нравственности, дѣло Валленштейна казалось обезпеченнымъ. Такъ взглянулъ на это дѣло и императоръ. Чтобы ослабить Валленштейна, онъ старался вырвать изъ-подъ его начальства хоть горсть людей и навербовать противъ него хоть какую-нибудь армію, могущую противустать ему. Но какъ только войско узнало, что Валленштейнъ хочетъ направить его противъ законнаго императора, какъ только этотъ императоръ, не имѣвшій надъ войскомъ никакой фактической власти, отрѣшилъ Валленштейна отъ командованія, такъ власть Валленштейна оказалась подрѣзанной въ самомъ корнѣ, и войско ему не повиновалось болѣе.

Гораздо болѣе тонкимъ психологомъ былъ Оливеръ Кромвель. Возвысившись съ помощью войска, одушевленнаго религіознымъ убѣжденіемъ и стремленіемъ къ равенству, онъ никогда не обнаруживалъ отреченія отъ этихъ

Библиотека "Руниверс"

принциповъ, даже протягивая руку къ коронѣ. Обманывая войска, но не управляя ими, онъ продолжалъ единоличное правленіе страной. Крутая дисциплина никогда не падала въ его войскахъ. Ни передъ какими мѣрами не останавливался Кромвель, чтобы заставить войска повиноваться его требованіямъ, если онъ чувствовалъ, что его требованія отвѣчаютъ и опираются на идеи солдатъ. Но при первомъ ихъ протестѣ онъ отказывается немедленно отъ самаго страстнаго своего желанія, отъ короны, такъ какъ ему было ясно, что при этомъ никакая дисциплина ему не поможетъ и вся власть его надъ войсками отъ этого немедленно падетъ.

Въ согласованіи съ широкими идеями права, законности, вѣры, родины и т. д., военачальникъ черпаетъ авторитетность требуемыхъ имъ поступковъ. Согласованіе это выясняется иногда самою обстановкою, а чаще всего людскою молвою и слухами. Какъ для того, чтобы породить и направить эту молву, такъ и для того, чтобы непосредственно выяснить дѣятелямъ согласованіе требуемыхъ поступковъ съ ихъ внутренними убѣжденіями, существуетъ обычай обращаться съ манифестами, приказами, прокламаціями и т. д. Эти манифесты необходимы передъ началомъ войны какъ согласованіе общей ея идеи и задачи съ нравственными понятіями народа. Когда дѣятельность достигаетъ высшаго напряженія, когда военачальникъ требуетъ наибольшихъ жертвъ—въ бою, тогда онъ опять мотивируетъ право на эти жертвы тѣмъ, что онѣ приносятся не для него, а во имя тѣхъ идей, которыя лежатъ въ душахъ участниковъ. Поэтому передъ битвами за-частую также обращаются къ войску съ приказами.

Число общихъ идей, которыми управляются арміи,

Библиотека "Руниверс"

весьма ограничено, что̀ происходитъ отъ широты этихъ идей, вмѣщающихъ въ себѣ огромное число наблюденій и фактовъ, такъ и потому, что появленіе новыхъ идей требуетъ, чтобы человѣчество прожило цѣлыя эпохи.

Нѣкоторыя изъ идей одушевляющія русское войско.

Въ началѣ нашей исторіи, десяти-тысячное войско Святослава столкнулось подъ Переяславлемъ съ стотысячнымъ войскомъ грековъ. Въ эту рѣшительную минуту Святославъ обратился къ дружинѣ со слѣдующей рѣчью: «Намъ некуда дѣться. Волею или неволею пришлось стать противъ грековъ. Такъ не посрамимъ Земли Русской, но ляжемъ костьми—мертвые срама не имутъ. Если-же побѣжимъ, то некуда будетъ бѣжать отъ стыда. Станемъ-же крѣпко. Я пойду передъ вами и если голова моя ляжетъ, тогда помышляйте о себѣ». Дружина отвѣчала: «Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и свои головы сложимъ».

Такимъ образомъ, Святославъ прежде всего удаляетъ естественно появляющуюся въ такихъ случаяхъ идею уклоненія отъ столкновенія, для чего онъ указываетъ, что имъ «некуда дѣться». Затѣмъ удаляетъ всѣ безполезныя идеи пересудъ и осужденія словами: «волею или неволею, а пришлось стать», слѣдовательно разсужденія о томъ, какъ надо было дѣлать, являются вполнѣ безцѣльными. Да если бы начальникъ и распоряжался иначе, то это могло вовсе не измѣнить обстановки. Можетъ быть пришлось стать: «неволею». Устранивъ такимъ образомъ разнообразныя идеи и подготовивъ почву для желаемой, т. е. другими словами направивъ борьбу мотивовъ къ желаемому результату, Святославъ ставитъ свою центральную идею: ляжемъ костьми. Это требованіе онъ сейчасъ же согласуетъ съ основными мотивами, руководящими его войскомъ. Главнѣйшимъ является, *Земля Русская*, честь которой должны оберегать.

Библиотека "Руниверс"

Вторымъ и тѣсно съ нимъ связаннымъ—честь войска и воиновъ, которая спасается только смертью — мертвые срама не имутъ.

Съ введеніемъ христіанства являются и новыя идеи. Такъ, Владиміръ Мономахъ говоритъ своимъ дѣтямъ: «Не бойтесь ни рати, ни звѣря, дѣлайте мужское дѣло. Ничто не можетъ вамъ вредить, если Богъ не повелитъ. А отъ Бога будетъ смерть, такъ ни отецъ, ни мать, ни братья не отнимутъ. Божье блюденіе лучше человѣческаго». Передъ битвой подъ Ярославлемъ (1151 г.) Изъяславъ обращается къ войску съ такою рѣчью: «Братья и дружина! Богъ никогда Русской Земли и русскихъ сыновъ въ безчестьи не оставлялъ, вездѣ они честь свою брали. Теперь, братья, поревнуемъ тому: дай намъ Богъ въ этихъ земляхъ и передъ чужими народами честь свою взять».

Такимъ образомъ *идея Бога* влечетъ за собой уменьшеніе самосохраненія, столь противнаго духу войны, такъ какъ это возлагается на «Божье блюденіе». Вмѣстѣ съ тѣмъ Богъ крѣпко связывается съ прежними дорогими идеями, идеями Русской Земли, чести ея и ея сыновъ.

Вмѣстѣ съ христіанскимъ ученіемъ въ русскихъ людяхъ твердо укрѣпляется *готовность положить душу свою за друзей своихъ*. Мстиславъ Храбрый, отбивая плѣнныхъ христіанъ отъ татаръ, говорилъ своей дружинѣ: «Братья, не сомнѣвайтесь. Если теперь умремъ за христіанъ, то очистимся отъ грѣховъ и Богъ вмѣнитъ кровь нашу въ мученическую. Если Богъ подастъ милость свою—то слава Богу. А если прійдется умирать—то все равно надо же когда-нибудь умирать». Прошло нѣсколько вѣковъ, и тотъ-же принципъ провозглашается войсками князя Литвина Мосальскаго, когда оно подошло къ Брянску, осаждаемому Лжедмитріемъ II.

Библиотека "Руниверс"

Несмотря на позднее время Десна еще не стала, по ней шелъ ледъ и отдѣлялъ осажденный городъ отъ пришедшаго къ нему на помощь войска. Жители Брянска, видя, что ратные люди остановились за льдомъ, кричали имъ: «помогите, погибаемъ!» Ратные люди, слыша это, сказали: «Лучше намъ всѣмъ помереть, чѣмъ видѣть свою братію въ конечной гибели. Если помремъ за православную вѣру, то получимъ у Христа вѣнцы мученическіе!» Затѣмъ они бросились вплавь подъ выстрѣлами и переплыли рѣку. Тѣ-же самыя струны звенѣли въ сердцахъ русскихъ солдатъ, когда Тергукасовъ обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью въ 1877 году: «Братцы, нашихъ морятъ голодомъ, наши мучаются и умираютъ въ Баязетѣ! Не хочу послѣ этого жить! Самъ хочу умереть! Идемъ умирать вмѣстѣ съ ними!»

Но не только за други своя, но въ такой же мѣрѣ и за вѣру православную готовы русскіе люди пожертвовать собой, и не напрасно Дмитрій Донской обращается съ такою рѣчью передъ Куликовой битвой: «Отцы и братья! Господа ради подвизуйтесь во имя церкви и вѣры христіанской. Смерть за нее—не смерть, а жизнь вѣчная. Не гонитесь за земнымъ, братія! Увѣнчаемся побѣдными вѣнками, Богомъ данными».

Идея правды составляетъ также двигательную силу, которая вызываетъ и усиливаетъ поступки людей. Опредѣленіе правды основывается на христіанской морали и истекаетъ отъ Бога. «По правдѣ, по Божески»—говоритъ народъ. Точно также и во время Липецкой битвы Мстиславъ Удалой говоритъ: «Призвавши на помощь крестъ честной и свою правду, пойдемъ на нихъ». Прошло около двухъ вѣковъ послѣ этого, и у Невы столкнулось шведское войско съ войскомъ русскимъ. «Я стою уже на землѣ твоей. Рато-

Библиотека "Руниверс"

борствуй, если смѣешь» послалъ сказать Александру Невскому Биргеръ. Въ отвѣтъ на это Александръ собралъ свое войско и сказалъ ему: «Насъ не много, а врагъ силенъ. Но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ: идите съ вашимъ княземъ».

Уже подъ Переяславцемъ мы видѣли, что дружина рѣшила сложить свои головы тамъ, гдѣ сложитъ свою Святославъ. Эта связь военачальника съ войскомъ, князя съ народомъ красною нитью проходитъ въ русской военной исторіи. «Я пойду передъ вами, говорилъ Святославъ, и если голова моя ляжетъ, тогда помышляйте о себѣ». На это дружина отвѣчала: «Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и свои головы сложимъ». Прошло четыреста лѣтъ, и тотъ же принципъ единенія былъ повторенъ на Куликовомъ полѣ. Бояре уговаривали Дмитрія Донского не ѣздить въ первую голову, но онъ на это отвѣчалъ: «Братья мои милые. Ваши рѣчи добрыя... но я вамъ глава и прежде благое получалъ первый. Хочу первый начать и теперь. Если погибну, то вмѣстѣ съ вами. Буду живъ, то съ вами же». Сознаніе общности дѣла, сознаніе, что общіе интересы царя и народа, полководца и войска лежатъ внѣ тѣхъ и другихъ, а въ Землѣ Русской, въ Вѣрѣ Православной, что царь и войско служатъ имъ вмѣстѣ, а не порознь, сказалось и въ отказахъ царей и князей отъ единоборства, долженствующаго рѣшить участь родины. Если скептицизмъ и злословіе пробуетъ иначе мотивировать отказъ Іоанна Грознаго отъ поединка со Стефаномъ Баторіемъ, то чѣмъ мотивировать отказъ барсоподобнаго Святослава отъ единоборства съ Цимисхіемъ? Этотъ послѣдній сказалъ Святославу: «Лучше одному человѣку погибнуть, нежели губить многихъ людей въ напрасныхъ битвахъ». На это Святославъ отвѣчалъ: «Я лучше врага своего знаю, что́ мнѣ дѣлать. Если жизнь ему наскучила, то

Библиотека "Руниверс"

есть много способовъ отъ нея избавиться. Цимисхій да избираетъ любую».

Земля русская, вѣра православная, всѣ великія идеи, составляющія историческую задачу русскаго народа и заставлявшія царей требовать жизней, а народъ жертвовать ею, всѣ они сосредоточиваются въ царѣ. Всѣ его поступки, зиждущіеся на этихъ основаніяхъ, обладали полнымъ авторитетомъ. Никакія жестокости Іоанна и Петра не роняли ихъ престижа, такъ какъ и тотъ и другой были помазанными носителями русскихъ идей и работниками на нихъ. Іоаннъ Грозный, готовясь къ Казанскому походу, говорилъ: «Богъ видитъ мое сердце. Хочу не земной славы, а покоя христіанъ. Могу-ли нѣкогда безъ робости сказать Всевышнему: «се я и люди, Тобою мнѣ данные», если не спасу ихъ отъ свирѣпости вѣчныхъ враговъ Россіи». Точно также и Петръ съ полнымъ правомъ сказалъ: «а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія, благочестье, слава и благосостояніе ея». Всѣ эти мотивы одухотворяли и Дмитрія Донского, когда онъ говорилъ на военномъ совѣтѣ: «Вѣдайте, что я пришелъ сюда не за тѣмъ, чтобы на Олега смотрѣть или рѣку Донъ стеречь, но дабы Русскую Землю отъ плѣненія и разоренія избавить, или голову свою за всѣхъ положить: честная смерть лучше плохого живота. Пойдемъ за Донъ. Тамъ или побѣдимъ и все отъ погибели сохранимъ или сложимъ свои головы за святыя церкви, за православную вѣру и за всю братію нашу христіанъ». Но ни вѣра православная, ни Русская Земля, ни другія идеи русскаго сердца не имѣли отзвука ни въ Аннѣ Іоанновнѣ, ни въ Аннѣ Леопольдовнѣ, ни въ Петрѣ III—и они уступили свои мѣста Елизаветѣ, «дщери

Библиотека "Руниверс"

Петровой», и Екатеринѣ, которая «болѣе русская была, чѣмъ многіе цари, по крови намъ родные».

По мѣрѣ того, какъ крѣпла царская власть, неразрывная связь понятій о русской землѣ и о вѣрѣ православной сосредоточивалась въ *царѣ*, и имя его для подданныхъ являлось однозначущимъ съ вѣрой и отечествомъ. Нашъ царь, русскій царь, православный царь. При Іоаннѣ Грозномъ царская власть достигла полнаго развитія, и псковичи отвѣчаютъ на уговоры Баторія къ сдачѣ слѣдующими, необыкновенно богатыми смысломъ, словами: «Мы не жиды: не продаемъ ни Христа, ни Царя, ни Отечество. Не слушаемъ лести, не боимся угрозъ. Иди на брань. Побѣда зависитъ отъ Бога». Въ этихъ короткихъ словахъ сосредоточиваются всѣ идеи, которыми можно управлять русскимъ народомъ и войскомъ и во имя которыхъ совершались величайшіе подвиги. Передъ Швейцарскимъ походомъ, Суворовъ, хорошо знавшій искусство управленія войсками, говорилъ солдатамъ, указывая на горы: «Вотъ тамъ *безбожники* французы. Ихъ мы будемъ бить *по-русски*. Горы велики, есть пропасти, есть водотоки, а мы ихъ перейдемъ, перелетимъ—*мы русскіе! Богъ нами водитъ*... (Богъ никогда русскихъ людей въ безчестьи не оставлялъ—1151 г.). Помилуй Богъ, мы русскіе! *Богу молимся*—Онъ намъ и помощникъ. *Царю* служимъ. Онъ на насъ и надѣется, и насъ любитъ, и насъ наградитъ онъ словомъ ласковымъ, чудо-богатыри, *чада Павловы* (Царь-батюшка). Кого изъ насъ убьютъ — *Царство небесное. Церковь* Бога молитъ. Останемся живы: намъ честь, намъ слава, слава, слава!» [1]).

[1]) Въ скобкахъ приведены выраженія другими тѣхъ же идей для сравненія.

Библиотека "Руниверс"

Руководительство предпріятіями.

Существованіе общихъ идей и согласованіе съ ними требованій даетъ возможность управлять арміями и заключаетъ въ себѣ всѣ способы управленія ими, какъ законъ упругости паровъ даетъ возможность устройства паровыхъ машинъ и включаетъ въ себѣ все разнообразіе ихъ типовъ. Однако техника, устраивая трубочки, золотники, колесники и т. д., даетъ возможность извлечь изъ закона упругости наибольшее дѣйствіе. Такъ и въ управленіи арміями, кромѣ общаго согласованія идей, вырабатываются особые пріемы для извлеченія изъ этого согласованія наибольшаго дѣйствія. Проведеніе въ жизнь общихъ идей сводится къ ряду простѣйшихъ поступковъ, регламентируемыхъ усмотрѣніемъ старшаго начальника. Какъ и для всякаго поступка и тутъ требуется, чтобы среди разнообразныхъ идей господствующее положеніе заняла идея, отвѣчающая желаніямъ начальника и чтобы она окрасилась въ положительный тонъ. Главенство идеи создается отданіемъ приказанія. «Войскамъ двинуться туда-то», «такая-то часть атакуетъ то-то». Эти идеи достигаютъ главенства по причинамъ догматическимъ и логическимъ. Причинами догматическими мы назовемъ такія, которыя выдвигаютъ идею не въ силу ея достоинствъ и преимуществъ надъ другими, а въ силу авторитета того лица, отъ котораго она исходитъ. По той же причинѣ она окрашивается въ положительный тонъ.

Достиженія господства идеи по причинамъ догматическимъ.

Авторитетъ начальника безличный.

Авторитетъ начальника есть сумма тѣхъ отрицательныхъ ощущеній, которыя связаны съ идеей неисполненія его приказаній и тѣхъ положительныхъ, которыя связаны съ идеей ихъ исполненія. Часть этихъ ощущеній независимы отъ личности начальника и составляютъ слѣдствіе служенія этихъ начальниковъ идеямъ-двигателямъ, выражающимся въ томъ, что власть ему дается властью издавна

Библиотека "Руниверс"

признаваемой и этою же властью указываются задачи, подлежащія исполненію.

Личный авторитетъ начальника.

Другая часть авторитета начальника зависитъ отъ его личности. Способъ, которымъ онъ будетъ примѣнять предоставленную ему дисциплинарную власть, окажетъ дѣйствіе на напряженность отрицательнаго тона идеи неисполненія его приказаній. Отъ начальника зависитъ во-первыхъ строгость взысканія. Понятно, что чѣмъ страшнѣе угроза, тѣмъ непріятнѣе мысль о неисполненіи приказанія. Строгость взысканій зависитъ отъ эпохи, народа и состоянія войскъ. Въ эпохи, болѣе отдаленныя, они были строже; у народовъ западной Европы они доходили до утонченности истязаній; въ настоящее время они жестче въ Англіи и Австріи, чѣмъ во Франціи и Россіи. Чѣмъ менѣе очевидна связь проступка съ успѣхомъ дѣла, во имя котораго двигается войско, тѣмъ большее имѣетъ значеніе строгость взысканія. Для поясненія этой мысли обратимся къ примѣру Суворова, который писалъ про себя: «Я строгъ въ удержаніи здоровья, истиннаго искусства, благонравія: милая солдатская строгость [1]),—а за симъ общее братство». Во время Итальянской кампаніи, на походѣ послѣ сраженія при Кассано, Суворовъ замѣтилъ нѣсколько солдатъ, отбившихся отъ колоннъ и идущихъ по сторонамъ дороги. Немедленно онъ заставилъ схватить ихъ и тутъ же на походѣ прогнать сквозь строй. Строгостью этого взысканія онъ конечно повліялъ на охотниковъ идти въ сторонкѣ. Внушить же другими путями, что отечество или честь русскаго оружія требуетъ дистанціи не болѣе $1^1/_2$ шаговъ

Наказанія.

¹) Т. е. милая солдатамъ, не противная.

Библиотека "Руниверс"

было бы затруднительно. Для самого же Суворова связь эта была очевидна.

Строгость взысканія сама по себѣ опредѣляетъ и уясняетъ лишь взглядъ начальника на опредѣленный поступокъ. Настоятельное же его стремленіе ихъ устранить сказывается въ неуклонномъ наложеніи взысканія при каждомъ проступкѣ. Для этого ему надо всегда знать, когда совершается проступокъ, а единственной мѣрой къ тому служитъ неослабный надзоръ. Для поддержанія дисциплины контроль имѣетъ еще болѣе важное значеніе, чѣмъ строгость. Сочетаніе строгости съ контролемъ даетъ въ руки начальника средство добиться исполненія своихъ требованій и приказаній. Внѣдрить въ сознаніе людей, что они не имѣютъ средствъ имъ противодѣйствовать и, не взирая ни на что, рано или поздно подчинятся имъ—составляетъ конечную цѣль дисциплины и первую степень вѣры въ начальника.

Уже указано выше, что строгость взысканія выражаетъ взглядъ начальника на опредѣленный поступокъ. Слѣдовательно соразмѣрная строгость, независимая отъ настроенія духа, будетъ понята подчиненными, какъ стойкость взглядовъ начальника. Независимость же строгости взысканія отъ лица, на которое оно накладывается, т. е. справедливость, будетъ имѣть послѣдствіемъ, что люди убѣдятся, что тѣ лишенія, которыя они переносятъ во время наказанія—не капризъ начальника, а его служба царю. Такъ какъ несправедливость заключается въ видоизмѣненіи отношенія въ зависимости отъ симпатіи и близости человѣка, то иное отношеніе къ себѣ, чѣмъ къ другимъ, составляетъ также несправедливость, со всѣми ея послѣдствіями. Соблюденіе справедливости и соразмѣрности, при настойчивомъ исполненіи

Библиотека "Руниверс"

каждаго своего слова и приказанія, создадутъ въ людяхъ не только вѣру въ это слово, но и вѣру въ то, что это слово будетъ сказано и завтра, будетъ сказано всѣмъ. То-есть этимъ путемъ достигается самая полная вѣра въ начальника, дающая ему въ руки новое средство для управленія войсками.

Любовь подчиненныхъ.

Вѣра въ начальника служитъ въ свою очередь началомъ любви къ нему. Любовь является такимъ отношеніемъ къ начальнику, при которомъ исполненіе его приказаній, независимо отъ цѣли и результатовъ, доставляетъ удовольствіе людямъ. Чѣмъ достигаются подобныя отношенія—вопросъ тонкій, который и не беремся исчерпать. Попытаемся однако указать что-нибудь по этому поводу. Во-первыхъ, необходима одинаковость ощущеній въ самомъ широкомъ смыслѣ; одинаковость ощущенія идей и событій. Первое будетъ результатомъ однообразія нравственнаго и религіознаго міровоззрѣнія, и въ этомъ заключается преимущество народныхъ вождей передъ начальниками изъ иностранцевъ. Одинаковость ощущеній событій достигается нахожденіемъ начальника въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и подчиненныхъ. Такъ Александръ Македонскій, во время похода въ Индію, при переходѣ черезъ безводную пустыню, вылилъ изъ шлема принесенную ему воду, сказавъ, что на все войско этого не хватитъ, а онъ одинъ не хочетъ утолять жажды, которая мучитъ всѣхъ одинаково. Во время Казанскаго похода, Іоаннъ IV отказался помѣститься въ воеводскомъ домѣ въ Свіяжскѣ. «Мы въ походѣ», отвѣчалъ онъ и приказалъ разбить шатеръ среди войска. О томъ, какъ раздѣлялъ Суворовъ тягости военной жизни, излишне и говорить. Солдаты говорили про него: «Онъ во всемъ, кромѣ добычи, съ нами въ части». Находясь въ одинаковыхъ условіяхъ съ осталь-

Библиотека "Руниверс"

нымъ войскомъ и подавая примѣръ чрезмѣрнаго напряженія, начальникъ безъ отказа получитъ такое же напряженіе и среди подчиненныхъ. Передъ вторымъ поискомъ на Туртукай, Суворова все время мучила лихорадка. Но когда поискъ былъ рѣшенъ, войска увидѣли его среди себя въ неутомимой дѣятельности, не смотря на то, что, будучи крайне истощенъ лихорадкой, онъ могъ двигаться не иначе, какъ съ помощью двухъ человѣкъ, поддерживавшихъ его подъ руки, и говорилъ такъ тихо, что при немъ находился офицеръ, для повторенія отдаваемыхъ приказаній. Но въ немъ былъ такъ великъ перевѣсъ воли надъ физической немощью, что подъ конецъ дѣла онъ сѣлъ на лошадь. Что дѣлали войска подъ такимъ начальствомъ—извѣстно всякому. Но вотъ нѣкоторыя подробности: во время штурма Праги генералъ Шевичъ былъ въ строю, не смотря на то, что страдалъ лихорадкой съ ежедневными пароксизмами. Бригадиръ Поливановъ, съ самаго выступленія изъ Бреста, едва говорилъ, что̀ не помѣшало ему врубиться первымъ въ непріятельскіе ряды. Исаевъ оставался на ногахъ съ пулею въ рукѣ, пронзившей ему грудь. Ферзенъ перемогался нѣсколько дней черезъ силу.

Любовь подчиненныхъ является также слѣдствіемъ заботливости начальника къ ихъ нуждамъ. Заботливость о пищѣ и отдыхѣ людей составляетъ непремѣнную обязанность начальника. Но возбудить любовь можетъ лишь заботливость, которая сознается людьми. Поэтому начальникъ долженъ не только быть внимательнымъ къ нуждамъ подчиненныхъ, но и обнаруживать эту внимательность, а также иногда проявлять чувства, ему совершенно чуждыя, что однако всегда надо соразмѣрять съ чуткостью людей къ правдѣ. Наполеонъ посѣщалъ зачумленныхъ въ госпиталѣ,

Библиотека "Руниверс"

и этотъ знакъ участья стяжалъ ему не мало любви. Однако сердце его было чуждо симпатіи и участья. Объѣзжая поле сраженія подъ Дрезденомъ и отвѣчая на указанія своихъ маршаловъ на большое число труповъ французскихъ солдатъ, онъ хладнокровно говорилъ: «Ну, ихъ во Франціи опять много народится». Суворовъ, выходя ночью изъ палатки и разговаривая съ караульными, часто перебивалъ ихъ рѣчи и, указывая на спящій лагерь, говорилъ: «тише, тише говорите! Пусть спятъ витязи!» Конечно, рѣчи караульныхъ не могли разбудить лагеря, но на слѣдующій день всѣ войска уже знали, что самъ Суворовъ говоритъ шопотомъ, чтобы не мѣшать спать солдату.

Любовь достигается также общеніемъ съ подчиненными, выражающимся въ бесѣдахъ съ ними. Французъ Месельеръ въ 1757 году замѣтилъ эту особенность и писалъ, что «русскій солдатъ любитъ, чтобы съ нимъ говорили». Значеніе этихъ разговоровъ выступаетъ съ очевидностью при чтеніи письма солдата, описывающаго Альминскій бой. Этотъ цѣнный для военной психологіи документъ, не только для иллюстраціи поддерживаемаго положенія, но и вообще для ознакомленія съ душой солдата, содержитъ слѣдующее:

«Встали мы, сударь ты мой, на позицію спозаранку, помолились Богу и стоимъ. А кто поставилъ—мало смыслимъ. И вышло такъ: спереди дуютъ—это ничего. И сбоку дуютъ, флота ихняя—и это полъ-горя. А и сзади дуютъ, опять-таки флота, ну, намъ старикамъ, и это не Богъ вѣсть что, а молодежь-то сейчасъ—измѣна! Ну, и не ладно. А тутъ тебѣ никто и добраго слова не скажетъ, не то что: здорово, ребята! поработайте, молъ! или прочее, а все межъ собой больше по-нѣмецкому».

Результатомъ общенія, а слѣдовательно и его подтвер-

Библиотека "Руниверс"

жденіемъ является знаніе людей по-именно и въ лицо. Извѣстна уловка Наполеона, состоявшая въ томъ, что, обходя строй, онъ обращался къ какому-нибудь украшенному орденомъ солдату, называлъ его по имени и спрашивалъ, не въ такомъ-ли то сраженіи онъ заслужилъ свой крестъ? Отвѣтъ бывалъ всегда утвердительный, такъ какъ императоръ заранѣе подготовлялъ этотъ эффектъ, дававшій ему власть надъ многими сердцами. Суворовъ, болѣе поглощенный войсками, дѣйствительно зналъ очень многихъ солдатъ въ лицо, всегда узнавалъ ихъ, и не упускалъ случая бесѣдовать съ ними. Уже на склонѣ своей дѣятельности, въ 1799 году, проѣзжая изъ Петербурга въ Вѣну черезъ Вильно, гдѣ ему былъ выставленъ караулъ отъ Фанагорійскаго полка, Суворовъ воспользовался перепряжкой лошадей и, не выходя изъ экипажа, вызвалъ старыхъ фанагорійцевъ. «Человѣкъ около пятидесяти стариковъ, рослыхъ сѣдоволосыхъ усачей, питомцевъ незабвеннаго, подвинулись къ экипажу и въ одинъ голосъ воскликнули: Отецъ! Батюшка! Здравствуй! Здравія желаемъ, отецъ Александръ Васильевичъ! и проч., проч., проч. Александръ Васильевичъ, взглянувъ на нихъ, изволилъ сказать: Здравствуйте, чудо-богатыри, русскіе витязи, мои друзья милые! Здравствуйте. А?? Кабановъ, Кириловъ, здравствуйте—и всѣхъ называлъ по имени и прозванію, подзывая изъ лучшихъ къ себѣ, подзывалъ и привѣтствовалъ словомъ ласковымъ».

Общеніе съ людьми дѣйствительно свойственно русскому войску. «Братья и дружина»—обращались первые русскіе князья къ своему войску. «Братцы, ребята, други»—обращаются къ нимъ начальники и нынѣ. Введеніе во взаимныя отношенія такихъ терминовъ, какъ: превосходительство, благородіе, господинъ вахмистръ, господинъ фейерверкеръ

Библиотека "Руниверс"

и т. д. и полное вытѣсненіе ими русскихъ обращеній «по имени и по отчеству» нельзя поэтому признать соотвѣтственнымъ русскому духу и желаемому направленію. Пусть въ Германіи офицеръ для солдата только офицерскій мундиръ на манекенѣ, а солдатъ для офицера безличный «Kerl». У насъ Суворовъ всегда величался солдатами «батюшкой Александромъ Васильевичемъ» и почетъ ему всегда былъ одинаково завидный: въ фельдмаршальскомъ ли онъ мундирѣ, въ одной-ли рубашкѣ или даже безъ нея.

Наконецъ, любовь подчиненныхъ достигается тѣми наслажденіями, которыя доставляетъ имъ начальникъ. Добыча и женщины, которыхъ предоставлялъ Валленштейнъ своему войску, доставляли ему его любовь. Восторги побѣды закрѣпили Наполеону обожаніе солдатъ. Солдатскіе театры, устроенные Скобелевымъ во время текинской экспедиціи, влили свою каплю въ море любви къ нему солдатъ.

Достиженіе господства идеи по причинамъ логическимъ.

Авторитетъ лица придаетъ главенство идеѣ, имъ выраженной, по причинамъ, которыя названы догматическими, такъ какъ не предполагаетъ оцѣнки этой идеи сравнительно съ другими. Но главенства идеи можно достичь и помощію убѣжденія, т. е. взвѣшивая, оцѣнивая ее и придавая ей первенствующее мѣсто по праву ея полезности. Въ такомъ случаѣ идея достигнетъ главенства по причинамъ логическимъ. Но логика коллективной единицы, какъ сказано выше, значительно ниже логики отдѣльнаго лица. А потому всестороннее и полное взвѣшиваніе и сравненіе со всѣми возможными идеями, было бы не только безполезно, но и вредно, потому что создало бы путаницу идей, т. е. достигло бы діаметрально противуположныхъ результатовъ. Поэтому важно умѣть сгруппировать въ головахъ людей только необходимыя идеи. Въ этомъ и заключается требо-

Библиотека "Руниверс"

ваніе, чтобы «каждый воинъ зналъ свой маневръ». При этомъ каждый будетъ знать что ему дѣлать и зачѣмъ. *Что* ему дѣлать—это то, что приказано, т. е. идея, главенства которой добиваются. Указать *зачѣмъ* ему надо такъ дѣлать—это значитъ сопоставить свою идею съ другими такъ, что приказанное покажется естественнымъ и лучшимъ выходомъ. Выражаясь образно, можно сказать, что выясненіе цѣли маневра составляетъ сколачиваніе той логической лѣстницы, по которой идея, приказываемая къ исполненію, доберется до господствующаго положенія. Мудрецъ и вождь, отыскивая истину, одинъ въ мірѣ умозрѣній, другой въ матеріальномъ мірѣ — оба не предрѣшаютъ главенства той или другой идеи, а, складывая логическую лѣстницу, сами не знаютъ куда приведетъ она ихъ. Но достигнувъ ея конца и убѣжденные, что владѣютъ истиной, они разрушаютъ лѣстницу и каждый разъ, когда они желаютъ демонстрировать истину своей идеи передъ людьми, они пристраиваютъ новую лѣстницу, соразмѣряя ступени съ умственнымъ строемъ слушателей. Извѣстно, какою цѣпью вопросовъ, приноровленныхъ къ слушателямъ, Сократъ приводилъ людей къ тѣмъ истинамъ, которыхъ онъ самъ достигъ иными путями. Все судебное краснорѣчіе состоитъ въ постройкѣ подобной лѣстницы. Въ военномъ дѣлѣ полководецъ не станетъ объяснять всю вереницу идей, заставившихъ его выбрать тотъ или иной маневръ. Но къ выбранному маневру онъ будетъ подгонять лѣстницу объясненія, соображаясь съ лицомъ, съ которымъ имѣетъ дѣло. Одно объясненіе будетъ дано солдатамъ, иное—генераламъ.

Въ виду малой логичности массъ, чтобы не затемнять ее идеями, въ объясненіяхъ маневра подробности упускаются, и оно становится краткимъ. Такъ, въ Наполео-

Библиотека "Руниверс"

новскомъ приказѣ передъ Аустерлицемъ только полторы строчки удѣлены на объясненіе маневра: «Позиціи наши крѣпки. И въ то время, какъ враги будутъ обходить справа, они подставятъ свой флангъ». Такъ какъ толпа по преимуществу аффективна, то логическая постановка идеи выиграетъ, если она будетъ умѣло выражена и бить на чувство, хотя бы иногда въ ущербъ логикѣ. Если на судѣ патетичность или насмѣшка адвоката можетъ принести серьезный ущербъ логикѣ прокурора, и быть одной изъ ступеней въ логической лѣстницѣ для постановки идеи, то аппеляція къ чувству еще болѣе умѣстна и сильна въ военномъ дѣлѣ. Поэтому искусное объясненіе маневра должно быть кратко и дѣйствовать на чувства. Оно должно произвести впечатлѣніе, что это будетъ «здо́рово» и «вотъ такъ ловко!» Такія объясненія даются начальниками устно, въ разговорахъ, и придаютъ людямъ рвеніе и энергію.

Вліяніе на войска.

Для того, чтобы видоизмѣнить поступокъ группы людей, надо употребить тѣ-же средства, какъ и для отдѣльнаго человѣка. Примѣненіе ихъ будетъ сравнительно облегчено тѣмъ, что вмѣсто крайне сложнаго, неопредѣленнаго и неустойчиваго характера человѣка, мы будемъ имѣть дѣло съ характеромъ коллективной личности, болѣе простымъ, схематичнымъ, опредѣленнымъ, а потому и гораздо болѣе стойкимъ. Простота и схематичность характера коллективной единицы зависитъ оттого, что общія черты каждаго ея члена усиливаются, мелкіе нюансы взаимно уничтожаются. Знаніе характера коллективной единицы необходимо для управленія ею. Всякій человѣкъ можетъ упра-

Библиотека "Руниверс"

влять коллективной единицей, такъ какъ никакому человѣку ничто человѣческое не чуждо. Но чѣмъ детальнѣе ознакомленъ онъ съ характеромъ управляемыхъ, тѣмъ большей полноты управленія можетъ онъ добиться. Такъ какъ никакое изученіе не даетъ того, что даетъ рожденіе, воспитаніе и совмѣстная жизнь, и такъ какъ поступки, основанные на теоретическомъ разсужденіи, дадутъ болѣе ошибокъ и потребуютъ болѣе времени, чѣмъ поступки, основанные на ощущеніяхъ тождественныхъ ощущеніямъ коллективной единицы, то понятно, насколько труднѣе управлять арміями начальнику изъ иностранцевъ, чѣмъ народному вождю.

Вліяніе силой ощущенія.

Какъ уже сказано выше, способы вліянія на коллективныя единицы остаются тѣ-же, что и для отдѣльнаго человѣка. На первомъ мѣстѣ поставленъ простѣйшій способъ вліянія силой ощущенія. При этомъ способѣ дѣйствуютъ на простѣйшіе инстинкты, а потому этотъ способъ употреблялся во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Увеличить привлекательность цѣли на самомъ дѣлѣ является вопросомъ, трудно разрѣшимымъ, но сравнительно легко увеличить представленіе объ этой привлекательности. Для этого служитъ распространеніе слуховъ и разсказовъ. При штурмѣ города распространяютъ слухи о несмѣтныхъ его богатствахъ, объ удобствѣ въ немъ отдыха, о красотѣ его жительницъ. Бонапартъ, пріѣхавъ къ Итальянской арміи, съ этою цѣлью подчеркнулъ богатства верхней Италіи, тѣмъ болѣе, что сопоставилъ ихъ съ голодомъ и нуждой, чувствуемой въ войскахъ.

Вліяніе усиленіемъ и ослабленіемъ идей.

Способъ усиленія и ослабленія идей затрогиваетъ уже борьбу мотивовъ. Войско, еле идущее, изнемогающее отъ усталости и жары, можетъ прибавить шагу, если ему на-

Библиотека "Руниверс"

помнить объ избахъ и засѣянныхъ поляхъ, оставленныхъ на родинѣ. Эти идеи избъ и полей усилятъ собой идею отечества, которая двигаетъ солдатами. Съ другой стороны, въ критическую минуту битвы дрогнувшее войско можетъ быть остановлено словами: все равно помирать. Эти слова ослабятъ идею спасенія. Рѣчь Святослава подъ Переяславцемъ даетъ намъ цѣлую гамму способовъ ослабленія и усиленія идей. Не менѣе искусенъ приказъ Петра передъ Полтавской битвой: «Воины, пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ смущать слава непобѣдимости непріятеля, ложь которой вы доказали не разъ своими побѣдами. Имѣйте въ сраженіи передъ собой правду и Бога, защитника вашего, а о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россія, благочестіе, слава и благосостояніе ея».

Такимъ образомъ, немедленно послѣ указанія смысла и важности момента, Петръ устраняетъ идею связи событій съ его жизнью. Затѣмъ онъ ослабляетъ идею превосходства противника. Наконецъ онъ усиляетъ идею рѣшительнаго наступленія словами: имѣйте въ сраженіи *передъ* собой правду и Бога. Приказъ заканчивается усиленіемъ соціальныхъ идей: ничтожество жизни отдѣльныхъ лицъ передъ великой жизнью Россіи.

На военномъ совѣтѣ въ Муттенѣ Суворову предстояло вызвать рядъ поступковъ, неожиданныхъ для него самого, а тѣмъ болѣе идущихъ въ разрѣзъ со строемъ идей, которыя онъ успѣлъ создать въ войскѣ совершенно въ другихъ предположеніяхъ. Поэтому Суворовъ начинаетъ словами:

Библиотека "Руниверс"

«Корсаковъ разбитъ и прогнанъ за Цюрихъ! Готцъ пропалъ безъ вѣсти и корпусъ его разсѣянъ! Прочія австрійскія войска, шедшія для соединенія съ нами, опрокинуты отъ Глариса и прогнаны. Итакъ, весь операціонный планъ для изгнанія французовъ изъ Швейцаріи исчезъ!.. Теперь идти намъ впередъ на Швицъ—невозможно. У Массены свыше 60.000, а у насъ нѣтъ полныхъ и 20.000...»

Разрушивъ этими словами весь прежній строй мыслей, Суворову надо создать главенство уже предрѣшенной имъ идеи. Ей надо приготовить мѣсто, а для этого надо ослабить, опрокинуть ея сильнѣйшую соперницу, идею наиболѣе естественную, идею—отступленія. И Суворовъ продолжаетъ: «Идти назадъ—стыдъ! Это значило бы отступать, а русскіе и я никогда не отступали». Но если нельзя отступать, нельзя идти впередъ, то надо обороняться до прихода подкрѣпленій. Но и эту идею уничтожаетъ Суворовъ словами: «Мы окружены горами, мы въ горахъ!!.. Помощи намъ ждать не отъ кого».

Но въ той безотрадной обстановкѣ, которую нарисовалъ Суворовъ, гдѣ взять силы для активныхъ дѣйствій? Старый полководецъ зналъ откуда онѣ явятся. Какъ опытный виртуозъ, чтобы иззлечь мелодію изъ хаоса звуковъ, онъ властно ударяетъ по основнымъ идеямъ русскаго войска: Богъ, Россія и Царь. Онъ продолжаетъ рѣчь: «Одна надежда на *Бога*, другая на величайшую храбрость и высочайшее самоотверженіе войскъ. Это одно остается намъ. Но мы *русскіе!* Съ нами *Богъ!* Спасите *честь и достояніе Россіи* и ея *Самодержца...»*

И какъ за тысячу лѣтъ дружина отвѣчала Святославу, такъ войско устами Дерфельдена отвѣчало Суворову: «Все перенесемъ и не посрамимъ русскаго оружія, а если падемъ,

Библиотека "Руниверс"

то умремъ со славой. Веди насъ, куда думаешь. Дѣлай, что знаешь: мы твои, отецъ, мы русскіе!»

Какъ и въ отдѣльныхъ людяхъ, усиленіе и ослабленіе идей достигается не только непосредственнымъ обращеніемъ къ нимъ (идеямъ), но и косвеннымъ, при посредствѣ болѣе или менѣе длинной цѣпи ассоціацій. Такъ, заговоривши о поляхъ, затрогиваютъ идею отечества. Это косвенное воздѣйствіе составляетъ далеко не всѣмъ доступную область. Для того, чтобы ею воспользоваться надо или прозрѣвать заранѣе длинный и извилистый путь ассоціацій, или по возможности заблаговременно установить его. Суворовское воспитаніе именно и сводилось къ тому, чтобы различныя начала ассоціацій связывались съ идеями, ему нужными, скрещивались на нихъ и ихъ усиляли. Войско хорошо понимало Суворова не потому, чтобы онъ всегда очень ясно выражался, а потому, что одно слово, имъ сказанное и ими услышанное, порождало обоимъ хорошо извѣстную ассоціацію идей. Не имѣя возможности самому воспитывать всѣхъ войскъ, попадающихъ подъ его начальство, Суворовъ разсылалъ свой «катехизисъ», съ приказаніемъ вседневно читать его солдатамъ, чтобы они поняли, а штабъ- и оберъ-офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и даже капраламъ приказано было знать наизусть. Понятно, что при этомъ твердо устанавливался рядъ ассоціацій идей и давалъ возможность начальнику воздѣйствовать на войско полусловомъ. Такъ, слово «пуля» у современнаго солдата ассоціируется съ идеями, что она выбрасывается пороховыми газами, что она состоитъ изъ свинца и мельхіоровой оболочки, что она вьется по нарѣзамъ справа на лѣво и т. д. и т. д. Суворовъ же установилъ прочную ассоціацію и теперь еще борющуюся съ различными мудрствованіями:

Библиотека "Руниверс"

пуля дура—штыкъ молодецъ. Оставивъ въ сторонѣ технический споръ—перестала ли она быть дурой нынѣ, отмѣтимъ, что, заговоривъ съ солдатомъ о пулѣ, мы теперь самое большое, что подымемъ идеи о томъ, что она далеко бьетъ, а слѣдовательно можно воевать издали. При Суворовѣ же рѣчь о пулѣ сцѣплялась съ активной дѣятельностью штыка, т. е. о наступленіи, сближеніи. Всякое слово, всякую мысль, иногда поверхъ промежуточныхъ инстанцій, Суворовъ сцѣплялъ съ основнымъ требованіемъ: быстрота, глазомѣръ и натискъ. Понятно, какую способность управленія пріобрѣталъ онъ этимъ.

Вліяніе измѣненіемъ хода ассоціацій идей.

Измѣненіе хода ассоціаціи идей служитъ также средствомъ управленія. Утомленныя войска, связывающія усталость съ движеніемъ, могутъ быть подбодрены, если начальникъ измѣнитъ эту ассоціацію и свяжетъ движеніе съ отдыхомъ, сказавши, что войска, идя, приближаются къ ночлегу. Выше указано, какъ Суворовъ измѣнилъ ходъ ассоціаціи идей своего войска передъ штурмомъ Измаила. При Треббіи, замѣтивъ отступающій батальонъ и зная, что отступленіе усиливаетъ сознаніе слабости, онъ связалъ его съ хитростью. «Заманивай, заманивай его!» кричалъ онъ батальону. «Ну, теперь довольно. Впередъ!» и батальонъ бросился въ штыки.

Вліяніе иррадіаціей чувственнаго тона.

Наконецъ при управленіи войсками пользуются иррадіаціей чувственнаго тона. Въ сущности это есть краеугольный камень управленія, такъ какъ какова бы ни была идея, достигнувшая главенства, она можетъ вызвать поступокъ только, если она будетъ положительнаго тона. Этотъ ея положительный тонъ иррадіируется и заглушаетъ отрицательный тонъ ощущеній, вызываемыхъ приведеніемъ ея въ исполненіе. Иррадіація чувственнаго тона идеи

Библиотека "Руниверс"

исполняемаго долга придаетъ положительный тонъ лишеніямъ, страданіямъ и даже смерти. Dulce est pro patria mori, пріятно умереть за отечество, говорили римляне, и «сладость» смерти никому не казалась абсурдной. Обратно, идея долга и отечества не можетъ подвинуть ни на какой поступокъ, если у человѣка эти идеи не сопровождаются положительнымъ тономъ. Такихъ людей называютъ лишенными нравственнаго чувства. Значеніе и важность иррадіаціи тона общихъ идей указана въ общихъ принципахъ управленія войсками. Иррадіація тона болѣе мелкихъ идей иногда можетъ быть интенсивнѣе, острѣе, но быстротечнѣе и слабѣе. Веселая шутка, музыка, пѣніе, острота, порою грубая, иррадіируютъ свой положительный тонъ и побуждаютъ на поступокъ, самъ по себѣ непріятный. Ротный командиръ, пустившійся въ присядку передъ залегшей ротой, пользуется именно этимъ средствомъ. Тѣмъ же средствомъ воспользозался и генералъ, обращаясь къ испуганнымъ солдатамъ со словами: За что вы боитесь. У васъ ничего кромѣ блохъ и клоповъ нѣтъ.

ГЛАВА VI.

Объ обратномъ вліяніи производимыхъ поступковъ.

Вызвать у людей извѣстную идею, усилить ее до полученія ею преобладающаго вліянія, т. е. до достиженія единства и придать ей положительный тонъ—вотъ къ чему сводится управленіе людьми. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ идеи въ военномъ дѣлѣ вызываются приказомъ, усили-

Библиотека "Руниверс"

ваются авторитетомъ власти лица, его отдавшаго, и окрашиваются въ положительный тонъ сознаніемъ ихъ соотвѣтствія съ общими руководящими идеями. Этими тремя моментами опредѣляются естественныя условія начала передвиженія и дѣйствія войскъ. Слѣдующимъ за симъ моментомъ является воздѣйствіе этихъ передвиженій и поступковъ на самихъ людей, ихъ производящихъ.

Движеніе, производимое навстрѣчу врагу, воспринимается людьми, какъ ощущеніе силы и желанія дѣятельности, а опыты Фере указываютъ, что ощущеніе силы сводится къ ощущенію удовольствія; далѣе его опыты указываютъ, что ощущенія пріятныя, т. е. вызывающія удовольствіе, повышаютъ силу[1]). Слѣдовательно, активныя дѣйствія, наступленіе не метафорически, а чисто физически увеличиваютъ силы людей. Поэтому не только надо стараться быть сильнѣе, чтобы наступать, но также надо наступать, чтобы быть сильнѣе. Этого принципа держались всѣ великіе полководцы. Отъ примѣненія этого же принципа получилъ блистательный результатъ наполеоновскій генералъ, наступая въ 1805 году подъ Ульмомъ съ одной дивизіей противъ трехъ австрійскихъ. Чѣмъ продолжительнѣе, чѣмъ настойчивѣе движеніе впередъ, чѣмъ больше оно сноситъ на пути препятствій, тѣмъ, конечно, все болѣе увеличивается и сила наступленія. Самая отдача въ приказѣ о наступленіи, являющаяся въ представленіи людей уже совершеніемъ наступленія, увеличиваетъ силу войскъ. Такъ, во время Итальянскаго похода, встрѣтивъ на р. Треббіи стойкое сопротивленіе французовъ, Суворовъ отдаетъ диспозицію для на-

---

[1]) У экспериментированнаго субъекта, динамометрическая сила котораго равнялась 50—55, непріятный запахъ понижалъ ее до 45, а пріятный повышалъ до 65.

Библиотека "Руниверс"

ступленія до р. Нуры, т. е. за 13 верстъ за расположеніемъ французовъ, разсчитывая этимъ приказомъ поднять силы русскихъ войскъ.

Понятно, что значеніе приказовъ будетъ велико только въ томъ случаѣ, когда въ сознаніи войска отданное приказаніе и его исполненіе будутъ неразрывны связано. Въ противномъ случаѣ, начальникъ утрачиваетъ возможность управленія этой психической силой. Во время Севастопольской кампаніи лордъ Рагланъ напрасно далъ честное слово, что будетъ въ назначенное время обѣдать въ Севастополѣ, напрасно онъ приказалъ при штурмѣ слѣдовать за собой кухнѣ и столовой—все это вышло смѣшной бравадой и только. Не то съ приказами и рѣчами Суворова. Онъ требовалъ, чтобы разъ отданное приказаніе было непремѣнно исполнено. Когда, однажды, въ ту же Итальянскую кампанію войска Мелласа не дошли нѣсколькихъ верстъ до пунктовъ, назначенныхъ для ночлега, чему помѣшала жара и распутица, то Суворовъ сдѣлалъ ему строгій и колкій выговоръ, гдѣ указывалъ, что дождь можетъ помѣшать прогулкамъ барышенъ, а не передвиженіямъ войскъ. Точно также требователенъ былъ и Скобелевъ. Когда въ Ахалъ-текинскую экспедицію одинъ изъ транспортовъ не двинулся въ назначенное время въ путь, онъ отдалъ слѣдующій приказъ: «Транспортъ не двинулся изъ-за дождя. За остановку транспорта по такой ничтожной причинѣ, отрѣшаю капитана N отъ должности съ арестованіемъ на три дня. Маіору N, допустившему подобную преступную въ военное время несообразность, объявляю выговоръ. Объявляю войскамъ, что если бы даже шелъ необыкновенный дождь, то транспортовъ останавливать нельзя. Они все-таки пойдутъ. Остановить исполненіе высочайшей Государя Императора воли

Библиотека "Руниверс"

не могутъ ни невзгоды зимняго похода, ни усиленныя болѣзни, ни кровопролитныя сраженія съ непріятелемъ».

Отступленіе. Діаметрально противоположно наступленію вліяетъ отступленіе, какъ результатъ сознанія слабости. Поэтому и въ приказы всегда избѣгалось вводить это понятіе, и оно прикрывалось то терминомъ фланговаго движенія, то просто движенія. При этомъ отступленію стремятся придать произвольный, а не вынужденный характеръ. Такъ, движеніе войскъ мотивируется цѣлью соединенія съ другими отрядами или цѣлью отысканія подходящей позиціи и т. д. Чѣмъ дольше производится отступленіе, чѣмъ оно поспѣшнѣе, тѣмъ глубже его вліяніе. А такъ, какъ оно дѣйствуетъ въ ту же сторону, какъ и инстинктъ самосохраненія, то отсюда является легкость перехода отступленія въ бѣгство, панику и дезорганизацію. Послѣднее является результатомъ того, что при отступленіи начальники не проявляютъ своей власти и, какъ бы помимо ихъ, войска подчиняются непріятельскому вождю.

Оборона. Среднее мѣсто между наступленіемъ и отступленіемъ занимаетъ оборона. Исходя изъ сознанія своей слабости, она задается цѣлью все-таки противодѣйствовать противнику, при чемъ «въ камнѣ и машинахъ ищутъ того, чего недостаетъ имъ — мужества». Въ такомъ видѣ оборона является психологической безсмыслицей, а потому и отвергается всѣми великими полководцами. «Подлая оборона», говорилъ Суворовъ. «Одно званіе—оборона—уже доказываетъ слабость, слѣдовательно, наводитъ робость». Очевидно, что ни недостатка мужества, ни психологической безсмыслицы не будетъ при оборонѣ, исходящей изъ требованія сохранить за собой *на время* важный *пунктъ*, такъ какъ въ этомъ случаѣ поступки и воля людей стѣсняются

Библиотека "Руниверс"

матеріальными границами времени и пространства. Такова была оборона Севастополя и оборона Шибки. Подобныя обороны являются серьезнѣйшимъ мѣриломъ духа войскъ, ибо при нихъ камни и машины не замѣняютъ мужества, а являются его орудіями. «Не въ глубинѣ рвовъ и высотѣ стѣнъ надо полагать оборону крѣпости, а въ сердцахъ гарнизона», сказалъ Сенъ-Люкъ. И дѣйствительно, участь крѣпостей, какъ и сраженій въ 999 случаяхъ изъ 1,000 рѣшается волею, которая, по мнѣнію Рише, не только сила дѣйствующая, но и сила сдерживающая, а потому столько же выражается въ порывахъ, какъ и въ сдержанности, въ рѣшимости побѣдить, какъ и въ рѣшимости не сдаваться. И опять-таки, обороняясь, эту оборону въ общемъ, надо стремиться сдѣлать наступленіемъ въ частности, т. е. оборона должна быть активна.

Значеніе непрерывности.

Добившись, однажды, господства опредѣленной идеи, мы видимъ, что самое осуществленіе ея способствуетъ возрастанію энергіи въ ея исполненіи. Это происходитъ оттого, что самый процессъ проведенія идеи въ жизнь сознается нами и возвращается, какъ новое представленіе въ нашъ мозгъ, усиливая первоначальную идею. Вѣроятно, каждый испыталъ, какъ неохотно и трудно приниматься за что-нибудь, но разъ принявшись, охотно и легко продолжается работа. Это составляетъ явленіе психической инерціи. Такъ, лошадь, пущенная въ карьеръ можетъ пасть, но не уменьшитъ бѣгу; долго сдерживающійся человѣкъ, разъ ударивъ своего врага, теряетъ возможность сдерживаться и бьетъ его до изнеможенія. Это какъ бы автоматическое движеніе прекрасно характеризируется выраженіемъ: рука размахалась. Такъ горцы врубаются въ свои же стада овецъ и перерубаютъ ихъ до послѣдней. Точно также солдаты, дове-

*

Библиотека "Руниверс"

денные до надлежащаго напряженія и посланные въ атаку, идутъ безостановочно до столкновенія съ противникомъ, посланные для преслѣдованія—дѣлаютъ гигантскіе переходы, но только при условіи усиленія идеи непрерывнымъ ея исполненіемъ. Порывъ не терпитъ перерыва.

Разъ, что произошла остановка — идеи, занявшія первенствующее положеніе, уже не поддерживаются притокомъ ощущенія объ ихъ существованіи, онѣ слабѣютъ и надо затрачивать снова огромную психическую работу, чтобы поставить эти идеи въ исключительно господствующее положеніе. Перерывъ напряженія—это то же, что пробужденіе загипнотизированнаго. Ибо усиленіе идеи ея исполненіемъ есть не что иное, какъ самовнушеніе мышечнымъ чувствомъ. Великій Сувововъ былъ поэтому всегда врагомъ пріостановокъ и перерывовъ. Въ своей инструкціи для дѣйствія войскамъ онъ пишетъ: «Въ атакѣ не задерживать. Когда непріятель сколотъ, срубленъ, то тотчасъ его преслѣдовать и не давать ему времени ни собираться, ни строиться. Ничего не щадить. Не взирая на труды преслѣдовать непріятеля денно и нощно до тѣхъ поръ, пока истребленъ не будетъ». При штурмѣ Измаила Суворовъ запретилъ выводить людей раньше, какъ за $^1/_4$ часа до начала штурма, «чтобы людей не удручить медленьями къ пріобрѣтенію славы, хотя на внушеніе мужества можно употребить всю ночь».

Насколько важно наступающему не прерывать разъ начатое движеніе, настолько отступающему необходимо ввести во что бы то ни стало перерывы. Идея слабости, отступленія поминутно растетъ подъ ударами преслѣдующаго или наступающаго противника, отступленіе переходитъ въ бѣгство и страхъ проявляется въ своей крайней формѣ — въ формѣ ужаса; арміи теряютъ способность дѣйствовать, цѣ-

Библиотека "Руниверс"

пенѣютъ и сдаются. Ввести перерывъ въ наступленіе или преслѣдованіе противника возможно, ставя между нимъ и собой или естественныя преграды—разстояніе, рѣки, горы,—или части своихъ войскъ. На маршѣ это послѣднее поведетъ къ арріергарднымъ боямъ, въ бою — къ контръатакамъ.

Наступательный арріергардный бой, а тѣмъ болѣе контръ-атака могутъ имѣть самыя рѣшительныя послѣдствія въ силу закона истощаемости нервнаго напряженія. При атакѣ напряженіе психики достигаетъ своего апогея. Огромное количество идей, рѣшительно противныхъ наступленію и увеличивающихъ яркость своего тона по мѣрѣ его совершенія, подавлены однако же идеей движенія впередъ, единственнымъ преимуществомъ которой является ея постоянное усиленіе производимымъ движеніемъ. Всѣ другія идеи, не получающія этого усиленія путемъ самовнушенія, какъ бы исчезаютъ, поглощаются ею. Является крайній моноидеизмъ, т. е. существованіе всего одной идеи. Контръ-атака, пріостанавливая производство движенія, отнимаетъ источникъ силы основной идеи. Напротивъ, долго подавляемыя противоположныя идеи вспыхиваютъ пропорціонально прежнему сдавливанію и въ результатѣ атакующаго охватываетъ ужасъ или онъ обращается въ паническое бѣгство. Въ большинствѣ случаевъ сила реакціи будетъ пропорціональна предшествующему увлеченію, т. е. чѣмъ бѣшенѣе была атака, тѣмъ, при удачной контръ-атакѣ, ужаснѣе будетъ паника. Въ силу того же крайняго моноидеизма, на который указано выше, неожиданность производитъ на атакующаго огромное вліяніе, причины котораго будутъ разсмотрѣны впослѣдствіи.

При преслѣдованіи напряженіе преслѣдующихъ не такъ

Библиотека "Руниверс"

велико, какъ при атакѣ. Идеи собственной силы при наступленіи находятся въ менѣе критическомъ положеніи, а потому и наступательный арріергардный бой не влечетъ за собой такихъ рѣшительныхъ послѣдствій.

Быстрая смѣна противуположныхъ впечатлѣній прекрасно иллюстрируется событіями начала греко-турецкой войны. Съ 5 по 11 апрѣля 1897 года греки довольно стойко выдерживали нападеніе турокъ. Но какъ только отданъ былъ приказъ объ отступленіи, такъ греки немедленно подпали подъ власть идеи слабости и страха. Случайный выстрѣлъ въ Ларіссѣ обратилъ ихъ въ паническое бѣгство. Раздались крики: турки, турки!.. все перемѣшалось и побѣжало. А между тѣмъ, отступленіе совершалось вдали отъ турокъ, которые только черезъ $1^1/_2$ сутокъ вступили въ очищенную Лариссу.

Неожиданность.

Уже указано, какъ нестойки идеи при критическихъ моментахъ, какъ теряютъ онѣ силу при пріостановкахъ и замѣняются противуположными идеями. Для того, чтобы единство идеи не подвергалось такому легкому разрушенію, надо, чтобы начальникъ достигалъ его не устраненіемъ другихъ идей, а подчиненіемъ всѣхъ идей одной руководящей. Чѣмъ большее число идей, возникновеніе которыхъ возможно при исполненіи основной, возбуждены въ людяхъ, при достиженіи опредѣленныхъ цѣлей, тѣмъ болѣе устойчиво господство той, которая руководитъ ихъ поступками, такъ какъ тѣмъ больше внѣшнихъ воспріятій возбудятъ уже взвѣшенныя и существующія идеи, а слѣдовательно, не разрушатъ равновѣсія въ установившейся уже іерархіи [1]). По-

[1]) Говоря фигурально, господство идеи должно представлять изъ себя пирамиду съ широкимъ основаніемъ, а не высокій шпицъ. Эта аллегорія выразитъ и ихъ относительную устойчивость для главной идеи—вершины.

Библиотека "Руниверс"

явленіе новыхъ идей нежелательно при совершеніи поступка потому, что оно послужитъ исходнымъ моментомъ борьбы идей, т. е. фазиса, подготовительнаго, а не рѣшительнаго, а потому пріостановитъ совершающійся поступокъ до установленія новаго единства. Это явленіе и составляетъ дѣйствіе неожиданности со всѣми ея губительными для военнаго дѣла послѣдствіями, такъ какъ съ одной стороны разрушаетъ единство, достигнутое для совершенія опредѣленныхъ поступковъ, а съ другой — даетъ возможность противнику создать другое единство, влекущее совершенно другіе поступки.

Поэтому, когда войска готовятся къ дѣятельности, необходимо ввести въ борьбу мотивовъ всѣ идеи, могущія возникнуть на пути къ цѣли. Введеніемъ только благопріятныхъ идей борьба мотивовъ сокращается, главенство желаемой идеи получается быстрѣе, исполненіе ея дѣлается порывистѣе, но за то успѣхъ покоится на случаѣ. Таковы были въ 1870 году крики: à Berlin, à Berlin! съ весьма быстрой деморализацiей при первыхъ неудачахъ. Таковы же, хотя и въ меньшей степени, были въ 1877 году рѣчи о томъ, что мы турокъ «шапками закидаемъ». Суворовъ никогда не скрывалъ отъ войска неблагопріятныхъ обстоятельствъ и возможныхъ неожиданностей. Такъ передъ Швейцарскимъ походомъ онъ предупреждалъ, что тамъ «горы велики. Есть пропасти, есть водотоки», а при штурмѣ Измаила онъ не скрывалъ отъ 20-ти тысячнаго русскаго войска, половина которыхъ — казаки—были вооружены лишь укороченными пиками, что Измаилъ обороняется 40-тысячнымъ войскомъ. «Черезъ бѣглецовъ получены были изъ Измаила разныя свѣдѣнія о числѣ войскъ, орудій и т. п., о томъ, что военные надѣются на свои силы, хотя и счи-

Библиотека "Руниверс"

таютъ русскій корпусъ въ 85 тысячъ. Таковы были донесенія перебѣжчиковъ, не успокоительныя для русскихъ, но Суворовъ не только не секретничалъ ими, но приказывалъ сдѣлать ихъ извѣстными всѣмъ, отъ высшихъ начальниковъ до рядовыхъ. Такова была его система» (Петрушевскій). Такимъ образомъ, Суворовъ не только добивался, чтобы каждый воинъ зналъ свой маневръ, но чтобы онъ также сознавалъ его трудности и возможныя опасности.

Если большая часть возможныхъ идей вошли въ предварительную борьбу мотивовъ, то мы имѣемъ дѣло съ предусмотрительностью, предѣлъ которой отмѣченъ Наполеономъ въ слѣдующихъ словахъ: «Предпріятіе можно считать хорошо обдуманнымъ, если предусмотрѣно $^2/_3$ возможныхъ случаевъ». Итакъ, этотъ великій полководецъ считалъ, что успѣхъ наилучше обдуманнаго предпріятія на $^1/_3$ зависитъ отъ «Его Величества случая» (Фридрихъ II). Но если во всякомъ наиболѣе обдуманномъ предпріятіи такъ великъ просторъ неожиданности, то весьма существенно, каково будетъ вліяніе неожиданно возникающей подъ вліяніемъ случая идеи. Если она не опрокидываетъ установившагося равновѣсія, но и не входитъ въ связь съ существующими уже идеями, а остается одинокой и бездѣятельной, какъ бы въ сторонѣ, то это будетъ способность не теряться отъ неожиданности. Требованіе этой способности отъ начальника Наполеонъ предъявляетъ въ афоризмѣ, что «полководецъ долженъ быть храбръ даже въ два часа ночи». Если же новая идея входитъ въ органическую связь съ существовавшими раньше и, оставляя незыблемой главенствующую, видоизмѣняетъ всѣ прочія наивыгоднѣйшимъ образомъ, то это будетъ находчивость, вдохновеніе, которое есть, по словамъ Наполеона, «мгновенный

Библиотека "Руниверс"

разсчетъ». Выражаясь фигурально, это будетъ подведеніе новаго фундамента подъ готовую вышку. Рѣшеніе, каково оно ни было, есть всегда результатъ окончанія борьбы мотивовъ. Сокращенія до minimum'а этого подготовительнаго періода, періода слабости и неспособности къ дѣйствію, требовалъ отъ начальника Наполеонъ, говоря, что «полководецъ долженъ обладать способностью мгновенно рѣшаться».

ГЛАВА VII.

Управленіе непріятельскими войсками.

Главное средство управленія — страхъ.

При столкновеніи двухъ армій, исходъ боя опредѣляется всегда тѣмъ, которая изъ сторонъ поработитъ себѣ душу противника, т. е. побѣда опредѣляется всегда моральными данными. Въ этомъ тезисѣ слово «всегда» не имѣетъ строго математическаго значенія, но именно его слѣдуетъ употребить въ немъ, въ виду того крайне ограниченнаго числа исключеній, когда побѣда является торжествомъ грубой матеріальной силы. Это будутъ тѣ случаи, когда всѣ люди одной стороны будутъ поголовно убиты, изрѣзаны или какимъ-либо другимъ способомъ приведены въ полную невозможность пользоваться своими физическими силами ранѣе сдачи. Такова была побѣда надъ испанцами, осажденными въ Сарагоссѣ, надъ русскимъ гарнизономъ укрѣпленія Михайловскаго. Къ таковой можно причислить и сдачу Генуи Массеной, такъ какъ если французы и не полегли всѣ, то ихъ готовность на это настолько была несомнѣнна для австрійцевъ, что они выпустили гар-

Библиотека "Руниверс"

низонъ прямо на позорныхъ для себя условіяхъ. Таково было и единственное пораженіе, на которое согласился бы Суворовъ. Такъ, въ сраженіи при Нови, когда центръ русской арміи, послѣ отбитой атаки, былъ въ полномъ безпорядкѣ, то офицеръ, пріѣхавшій съ этимъ извѣстіемъ къ Суворову, сказалъ: «Я прибылъ доложить, что русскіе разбиты».—«Значитъ всѣ убиты?» спросилъ Суворовъ.—«Конечно нѣтъ».—«Ну, такъ значитъ они не разбиты», рѣшилъ полководецъ.

Но приведенныя выше дѣла, доставляющія такую честь побѣжденному, какую никто никогда не достигаетъ никакими побѣдами, составляютъ величайшее исключеніе. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, болѣе или менѣе многочисленные остатки арміи отступаютъ или сдаются и, конечно, не штыки и пули гонятъ ихъ съ поля сраженія и заставляютъ сдаваться, а страхъ. Тѣ, которыхъ задѣнетъ оружіе, обыкновенно останутся лежать на полѣ сраженія.

Такъ какъ побѣда является результатомъ моральнаго превосходства къ концу сраженія побѣдителя надъ побѣжденнымъ, то и все искусство боя сводится къ тому, чтобы расшатать моральныя силы противника. Средствомъ къ этому расшатыванію служитъ угроза смерти, которую несетъ съ собою армія. Дѣйствіе этой угрозы пропорціонально вѣроятію приведенія ея въ исполненіе, а это въ свою очередь зависитъ прежде всего отъ силы. Если непріятельская армія наступаетъ, то это служитъ признакомъ ея силы. Слѣдовательно, подрывъ моральныхъ силъ одного изъ противниковъ начинается съ наступательнаго движенія другого. Поэтому всѣ великіе полководцы вели наступательный образъ войны, и Суворовъ такъ формулируетъ его преимущество: «Кто отваженъ и смѣло идетъ прямо на непріятеля, тотъ

Библиотека "Руниверс"

одержалъ уже половину побѣды. Дѣятельность есть первое достоинство воинское».

Но настоящее проявленіе силы будетъ въ бою, гдѣ эта сила будетъ направлена непосредственно къ осуществленію угрозы—къ умерщвленію непріятельскихъ солдатъ. Покуда носителями смерти будутъ пули, ядра или другіе метательные снаряды, смерть будетъ казаться явленіемъ случайнымъ, такъ какъ разъ выпущенный изъ дула снарядъ не можетъ ужъ перемѣнить своего полета—онъ падаетъ слѣпо, а потому случайно. При учащеніи подобной случайности, т. е. при развитіи огня, угроза смерти приметъ большіе размѣры, такъ какъ случайность смерти замѣнится вѣроятностію ея. Напряженіе этой вѣроятности можетъ достичь такихъ размѣровъ, что моральныя силы будутъ подорваны и можетъ начаться отступленіе. Въ другихъ случаяхъ отъ метанія смерти издали придется перейти на рукопашный бой. При этомъ удары наносятся на разстояніи размаха руки, остріе штыка направляется сознательно до самой груди противника и смерть для одного изъ нихъ становится неизбѣжной.

При всѣхъ періодахъ боя угроза смерти будетъ не отвлеченной идеей, а будетъ представляться въ конкретныхъ образахъ убитыхъ и раненыхъ, видъ которыхъ будетъ аргументомъ противника, съ помощью котораго онъ будетъ убѣждать воиновъ въ гибельныхъ послѣдствіяхъ противостоянія ему. Сами по себѣ убитые и раненые не будутъ цѣлью, такъ какъ цѣль боя—побѣда, а побѣда одерживается надъ живыми, а не надъ мертвыми. Поэтому всѣ мѣры, принимаемыя къ тому, чтобы убитые и раненые не были на глазахъ у дерущихся, приводятъ къ увеличенію стойкости сопротивленія. Значеніе скрытія убитыхъ и раненыхъ отъ

Библиотека "Руниверс"

взоровъ бойцовъ еще увеличится, если вспомнить, что непріятныя ощущенія физически понижаютъ силу людей, ихъ испытывающихъ.

Сила и убѣдительность боевой аргументаціи, конечно, зависитъ отъ числа наносимыхъ пораженій, а это, въ свою очередь, обусловливается числомъ ружей, орудій, штыковъ и шашекъ, т. е. *численностью войскъ*. Во-вторыхъ, качествомъ этихъ ружей, орудій и т. д., т. е. *технической стороной вооруженія*. Въ третьихъ, *закрытіемъ войскъ* отъ выстрѣловъ и штыковъ стѣнами, валами, неровностями мѣстности и т. д. Все это вмѣстѣ взятое и составляетъ матеріальныя причины побѣды, вліянію которыхъ Наполеонъ приписываетъ $^1|_4$ успѣха. Значеніе и мѣсто этихъ матеріальныхъ причинъ рельефно выступаетъ въ приказѣ Скобелева артиллеріи, этому наиболѣе матеріальному роду оружія: «При рѣшительной атакѣ всѣ чисто артиллерійскія, техническія соображенія должны быть оставлены въ сторонѣ. Въ эти рѣшающія мгновенія артиллерія должна имѣть душу, ибо артиллеристъ не машина. Артиллерія должна беззавѣтно лечь вся, если это нужно для успѣха атаки, такъ же, какъ беззавѣтно кладетъ свои головы пѣхота, атакуя противника». Второстепенное, ничтожное значеніе топографическихъ условій еще раньше рельефно выразилъ Мстиславъ Удалой, сказавши Ростиславовичамъ: «Владиміръ и Константинъ! Гора намъ не поможетъ, гора насъ и не побѣдитъ, а лучше, призвавши Бога, пойдемъ на врага».

Боевая аргументація можетъ оказать вліяніе на поведеніе непріятельскихъ войскъ, воздѣйствуя на эти послѣднія черезъ ихъ начальниковъ или воздѣйствуя на нихъ самихъ непосредственно. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть войска, еще способныя къ бою, но отступающія по прика-

Библиотека "Руниверс"

занію ихъ начальника, подпавшаго подъ моральный гнетъ противника. Таково было, напримѣръ, отступленіе на Сѣверную сторону Севастополя. Наши войска готовы были въ большомъ масштабѣ воспроизвести подвиги сагунтинцевъ или своихъ прадѣдовъ псковичей и лечь костьми, но главнокомандующій, князь Горчаковъ, лично крайне храбрый, тѣмъ не менѣе былъ уже давно разбитъ и только войска, обратнымъ вліяніемъ, удерживали его отъ отдачи еще раньше приказа объ отступленіи. Во второмъ случаѣ, т. е. при непосредственномъ воздѣйствіи на войско, оно само, нравственно разбитое и подавленное, начинаетъ отступленіе или бѣгство, въ которомъ увлекаетъ и своего начальника. Такъ, Макъ-Магонъ былъ увлеченъ своими войсками подъ Вертомъ, а Карлъ XII—подъ Полтавой. Результатомъ различной впечатлительности можетъ быть окончательный разладъ между войскомъ и начальникомъ, при которомъ этотъ послѣдній теряетъ надъ ними власть.

Такъ какъ самая организація войска гораздо болѣе способствуетъ вліянію начальника на войско, чѣмъ обратному вліянію войска на начальника, то и значеніе этого послѣдняго имѣетъ первенствующее вліяніе на ходъ войны. Поэтому древніе римляне съ убѣжденіемъ говорили, что лучше стадо барановъ подъ предводительствомъ льва, чѣмъ толпа львовъ подъ предводительствомъ барана. Такъ какъ на войнѣ побѣжденъ тотъ, кто поддается аргументаціи противника, а таковымъ будетъ тотъ, кто не настойчивъ и слабъ волею, то станетъ понятнымъ, отчего на войнѣ предпочтителенъ человѣкъ съ большимъ характеромъ, но съ ограниченнымъ умомъ, чѣмъ наоборотъ. Наивыгоднѣйшей комбинаціей будетъ, конечно, квадратъ, т. е. достиженіе при данной волѣ maximum'а соотвѣтствующаго ей ума. Какъ примѣръ колос-

Библиотека "Руниверс"

сальной воли, надо указать великаго Суворова. Ужѐ приведено выше, какъ отвѣчалъ онъ на извѣстіе, что русскіе разбиты при Нови. При Треббіи заслуженный и храбрый генералъ Розенбергъ пріѣхалъ доложить, что держаться нѣтъ болѣе возможности, войска изнеможены и безъ патроновъ, надо отступать. «Отступать?» — переспросилъ Суворовъ, лежавшій у огромнаго камня. — «Попробуйте сдвинуть этотъ камень. Не можете? Ну, такъ и русскіе не могутъ отступать». Въ томъ же сраженіи къ Суворову подъѣхалъ ординарецъ отъ Меласса съ вопросомъ: «Куда отступать?» — «Въ Піаченцу» — былъ отвѣтъ Суворова, а Піаченца лежала въ тылу непріятеля. Бой при Треббіи является образцомъ боя военачальниковъ. Не храбрость русскихъ войскъ побѣдила превосходящихъ ихъ числомъ французовъ, а Суворовъ побѣдилъ Макдональда. Оба войска готовы были продолжать бой и на слѣдующій день, но въ то время, когда Суворовъ отдаетъ приказъ о наступленіи, Макдональдъ приказываетъ отступать. Точно также подъ Арколе не французскія войска побѣдили австрійцевъ, а настойчивость Бонапарта настолько подорвала моральныя силы австрійскаго генерала, что звонъ кавалерійскаго рожка заставляетъ его рѣшиться отдать приказъ объ отступленіи. Возвращаясь къ славному Суворову, надо замѣтить, что его великая сила нашла и мечъ по рукѣ и, можно сказать, что этотъ полководецъ составлялъ съ своей арміей гармоничный квадратъ.

Такъ какъ сраженіе является эпизодомъ продолжительной войны, въ которой произойдутъ и дальнѣйшія столкновенія, то каждое изъ нихъ должно служить подготовкой послѣдующаго. Если цѣль сраженій — внушеніе страха угрозой истребленія, то эта угроза станетъ еще страшнѣе для врага, если онъ убѣдится, что она не остается только

Библиотека "Руниверс"

угрозой, а осуществляется въ страшныхъ размѣрахъ. Поэтому нельзя довольствоваться тѣми убитыми и ранеными, которые убѣдили войска къ отступленію. Надо продолжать истребленіе и дальше. Такъ какъ цѣль войны—убѣдить въ необходимости подчиниться, то смерть и истребленіе должно касаться только тѣхъ, кто не хочетъ этого сдѣлать. Поэтому Суворовъ приказывалъ: «атакуя, кричать пардонъ, а если не сдадутся — убивать». Или: «казаки колоть будутъ. Но жестоко бы слушали, когда французы будутъ кричать пардонъ».

Впрочемъ вопросъ: давать-ли пощаду сдающемуся, подвергать-ли смерти всѣхъ оказавшихъ сопротивленіе или истребить даже тѣхъ, кто принесъ сознательно какую-нибудь пользу непріятельскимъ войскамъ,—вопросъ спорный, каждый разъ рѣшаемый въ зависимости отъ характера противника [1]). Такъ, Кромвель, подчиняя Ирландію, штурмуя Тредагъ, приказалъ убивать всѣхъ. Столь-же храбрый, какъ и жестокій, онъ подавалъ примѣръ къ рѣзнѣ. Даже священники убивались и монахи вѣшались. «Въ концѣ-концовъ, говоритъ историкъ, жестокость Кромвеля была хорошо разсчитана для успѣха. Сосѣдніе города, Тримъ и Дундалькъ, пали безъ малѣйшаго сопротивленія. Гарнизонъ Трима бѣжалъ такъ поспѣшно, что бросилъ артиллерію». Гарнизоны Вексфорда, Кастлетона и Келена, оказавшіе сопротивленіе, были всѣ вырѣзаны. «Эти варварства увеличили ужасъ и значительно ускорили подчиненіе Ирландіи». Но въ то же время Кромвель не примѣнялъ этихъ жестокостей къ тѣмъ,

---

[1]) А также цѣли войны,—но это уже внѣ области военной психологіи.

Библиотека "Руниверс"

кто сдавался до перваго выстрѣла [1]). Иначе отнесся Кромвель при завоеваніи Шотландіи. Тотъ же историкъ по этому поводу пишетъ: «Хорошо зная, что варварства, которыми онъ усмирилъ Ирландію, не имѣли бы въ Шотландіи такой пользы, онъ отнесся благосклонно къ плѣннымъ, большинству вернулъ свободу, давая чувствовать, что видитъ въ шотландцахъ заблудшихся братьевъ». Дѣйствительно: жестокими мѣрами можно устрашить противника. Но за то поставленный передъ лицомъ неизбѣжной смерти, человѣкъ предпочитаетъ болѣе почетную и соотвѣтствующую его идеямъ и будетъ обороняться до послѣдней крайности. Мысль о строгомъ соотвѣтствіи крутыхъ мѣръ съ силами достаточными для ихъ исполненія, прекрасно формулировалъ Наполеонъ словами, что побѣжденному непріятелю надо построить золотой мостъ, если нельзя противопоставить желѣзную преграду [2]).

Средства дающіе просторъ страху.

Страхъ, являющійся вершителемъ столкновеній, вызываетъ поэтому рядъ мѣръ, цѣль которыхъ уничтожить его въ рядахъ своихъ войскъ. Поэтому весьма полезно не только непосредственно нагонять страхъ на непріятельское войско, но и парализовать тѣ мѣры, которыя принимаются въ немъ для борьбы со страхомъ. Къ числу мѣръ борьбы со страхомъ принадлежитъ уменьшеніе въ сознаніи людей вѣроятности смерти. Къ этой цѣли приводятъ указанія въ недо-

---

[1]) Также обратился къ жителямъ и Суворовъ, прійдя подъ Измаилъ: „Я съ войсками сюда прибылъ. Двадцать четыре часа на размышленіе—воля. Первый мой выстрѣлъ—неволя. Штурмъ—смерть. Чтó и оставляю вамъ на разсмотрѣніе".

[2]) Тезисъ этотъ, при своей абсолютной вѣрности, крайне опасенъ при примѣненіи, такъ какъ легче всего прикрыть бездѣятельность и отсутствіе энергіи отговоркой, что силы показались недостаточными для довершенія побѣды энергическими поступками.

Библиотека "Руниверс"

статкѣ у противника снарядовъ, плохомъ состояніи оружія и т. п. Ложь этихъ указаній обнаруживается при первыхъ же столкновеніяхъ. Къ той же цѣли приводитъ и указаніе на слабость противника, тѣмъ болѣе такую, какую онъ сознаетъ самъ. Поэтому все, что понижаетъ храбрость однихъ, повышаетъ храбрость другихъ. Если это пониженіе или повышеніе храбрости выражается внѣшнимъ образомъ, то значеніе фактовъ удваивается. Такъ, при осадѣ Плевны, взятіе Карса произвело благопріятное впечатлѣніе на насъ и дурное на турокъ. Веселье, пѣсни и пляски, устроенныя по этому поводу въ нашемъ лагерѣ, увеличили туркамъ гнетъ этого впечатлѣнія—и наоборотъ, тишина и суетня въ Плевнѣ, какъ признакъ унынія, благопріятно повліялъ на русскихъ. Наоборотъ: Массена, осажденный въ Генуѣ, не только не обнаружилъ унынія, получивъ извѣстіе, что Оттъ празднуетъ побѣду надъ Сюше, а, сдѣлавъ рѣшительную вылазку и забравъ много плѣнныхъ, приказалъ проявлять свое веселіе по этому случаю салютаціонной пальбой.

Болѣе рѣшительнымъ средствомъ, чѣмъ уменьшеніе вѣроятности смерти, является противуставленіе страху другихъ нравственныхъ стимуловъ. Въ своемъ мѣстѣ было указано, какъ славолюбіе и честолюбіе придаетъ войскамъ смѣлость и стойкость; въ противномъ случаѣ ихъ ожидаетъ позоръ и безславіе. Отнять этотъ стимулъ, или по крайней мѣрѣ уменьшить его—явится средствомъ облегчить дѣйствіе страха на-ряду съ ядрами и пулями. Въ войнѣ съ честолюбивыми до заносчивости и славолюбимыми до фантазерства поляками, Суворовъ оказывалъ плѣннымъ и раненымъ полное благоволеніе, избѣгая подчеркивать позоръ сдачи и безславіе пораженія. Неоднократно приказывалъ онъ содержать плѣнныхъ ласково и кормить хорошо, «хотя бы то и

Библиотека "Руниверс"

было сверхъ надлежащей порціи». Постовымъ командирамъ приказывалъ чаще напоминать подчиненнымъ о хорошемъ обращеніи съ отступающими отъ конфедераціи, «ибо благопріятіе раскаявшихся возмутителей болѣе пользуетъ нашимъ интересамъ, чѣмъ разлитіе ихъ крови. И не раскаянныхъ, какъ бунтовщиковъ, подлыми не почитайте, но никакого злодѣя уничтожать не должно, а оружіе низложивши, оказывать всякое благоволеніе». При капитуляціи Краковскаго гарнизона, Суворовъ отказался взять шпаги отъ французскихъ офицеровъ, обнялъ и поцѣловалъ начальника ихъ Шуази. Затѣмъ пригласилъ офицеровъ къ завтраку. Отступающему Пулавскому Суворовъ послалъ табакерку за искусныя военныя дѣйствія. Рядомъ подобныхъ мѣръ онъ создаетъ въ душахъ поляковъ золотой мостъ, соединяющій страхъ съ почетомъ, естественный антагонизмъ которыхъ увеличилъ-бы стойкость польскихъ войскъ [1]).

Храбрость войскъ увеличивается ихъ религіознымъ чувствомъ. Поэтому всѣ великіе полководцы, если могли безъ ущерба своимъ цѣлямъ, старательно отдѣляли у противника религіозныя идеи отъ военныхъ дѣйствій. Римляне переносили боговъ побѣжденныхъ народовъ въ свои храмы. Александръ Македонскій становился жрецомъ финикійскихъ

---

[1]) Нельзя не отмѣтить тутъ-же, что въ войнѣ съ поляками Суворовъ не хотѣлъ ставить желѣзныхъ преградъ, такъ какъ онъ былъ такой-же искусный политикъ и администраторъ, какъ и полководецъ. Уничтожая польское войско, онъ подготовлялъ соединеніе и сліяніе Польши съ Россіей. Турцію онъ громилъ (Измаилъ), Польшу—покорялъ (Прага). Покорялъ онъ не только гарнизоны, но и сердца. Когда польскій король попросилъ освобожденія одного офицера, Суворовъ немедленно отпустилъ ихъ 500. Сосѣди разрушенной Праги, очарованные варшавяне, поднесли ему табакерку съ надписью: „Своему избавителю!“

Библиотека "Руниверс"

и персидскихъ боговъ. Даже Густавъ-Адольфъ не воевалъ съ католицизмомъ и въ его войскахъ служили нѣмецкіе католики. Наполеонъ исполнялъ магометанскіе обряды въ Египтѣ, и Суворовъ, завоевывая Италію для ненавистныхъ австрійцевъ, испрашивалъ благословеніе у Миланскаго архіепископа.

Остается еще группа принциповъ, противодѣйствующихъ страху, принципы, названные соціальными. Для уничтоженія ихъ дѣйствія, объектъ войны стараются разъединить съ соціальной группой. Такъ, при взятіи Геокъ-Тепе, когда городъ былъ отданъ на разграбленіе, а текинцы обречены на гибель, текинскія семьи были собраны изъ крѣпости, устроены отдѣльнымъ лагеремъ и снабжены всѣмъ необходимымъ. Этимъ поступкомъ Скобелевъ объявилъ, что считаетъ своими врагами текинцевъ, а не ихъ семьи, а потому текинецъ сражался только за себя. Семья же его также неприкосновенна при побѣдѣ, какъ и при пораженіи. Густавъ-Адольфъ, вступивъ въ Германію, объявилъ Померанскому герцогу: «Я веду войну не съ Помераніей, не съ нѣмецкою имперіей, а только съ ея врагами». Точно также союзники объявили 19-го ноября 1813 года, что они ведутъ войну не противъ Франціи, а противъ Наполеона. Въ согласованіи съ этимъ и приказъ по русскимъ войскамъ, передъ началомъ кампаніи 1814 года, призываетъ солдатъ къ человѣколюбію и великодушному отношенію къ жителямъ.

До сихъ поръ мы разбирали столкновеніе двухъ войскъ, равноправныхъ при началѣ операціи. Къ началу слѣдующей операціи равноправности уже не будетъ существовать. Отношенія, которыми связаны арміи послѣ первой операціи, выражаются подчиненіемъ одной изъ армій другой. Это

*

Библиотека "Руниверс"

подчиненіе или выражается явно, или находится въ скрытомъ еще состояніи въ формѣ обаянія, которое производитъ одна сторона на другую. Исторія даетъ намъ примѣры обаянія цѣлыхъ народовъ. Обаяніе Римской Имперіи цѣлый вѣкъ ограждало ее отъ варваровъ, которымъ она ужъ не могла противупоставить силы. Обаяніе русскаго имени въ Средней Азіи превосходитъ ихъ фактическое могущество. Подобныя обаянія создаются длиннымъ рядомъ вѣковъ. Въ короткій же періодъ человѣческихъ предпріятій обаяніе создается не качествомъ массъ, а личностью полководца. Во первыхъ, это зависитъ отъ вліянія его личности на предпріятіе, въ силу котораго одинъ левъ, предводительствующій баранами, побѣдитъ многихъ львовъ, подчиненныхъ барану. Во-вторыхъ, это зависитъ оттого, что коллективныя единицы: народы, арміи, менѣе рѣзко отличаются другъ отъ друга, и нужны большіе періоды времени, чтобы эта незначительная разница принесла замѣтные результаты. Боевыя качества греческой, французской, нѣмецкой и русской армій менѣе различны, чѣмъ боевыя качества Мака и Наполеона. А потому, въ періодъ жизни Наполеона и Мака, австрійскія войска, подъ предводительствомъ Наполеона, конечно, имѣли бы постоянный успѣхъ надъ французами, предводительствуемыми Макомъ.

Въ двухъ дѣйствующихъ другъ противъ друга арміяхъ весьма быстро устанавливается отношеніе обаянія одной надъ другой, которое, въ силу приведенныхъ данныхъ, сосредоточивается скорѣе всего въ полководцѣ, имя котораго уже до столкновенія даетъ крайне вредное направленіе идеямъ непріятельской арміи. Скобелевъ писалъ по этому поводу: «Какъ опасно создавать въ средней Азіи и въ войнахъ съ мусульманами имена Шамиль, Кази-мулла, Абдель-

Библиотека "Руниверс"

кадеръ, Нена-Саибъ, Алимкулъ, Абдурахманъ-автобачи!! Не впадемъ же и мы въ ту-же ошибку. Зачѣмъ говорить про Тыкма-сердаря. Надо это оффиціально воспретить». Добавивъ, что создавать престижъ имени также вредно въ Европѣ, какъ и въ Азіи (дѣйствіе имени Наполеона на Эрцъ-герцога Карла въ 1809 г.), остановимся подробнѣе на мѣрѣ, рекомендуемой Скобелевымъ: запрещеніе употреблять имя. Дѣйствительно, престижъ имени, наиболѣе опасный, создается путемъ ежеминутнаго употребленія его, какъ наименованіе непріятеля. При этомъ въ мозгу людей оно ассоціируется съ идеей неуспѣха и пораженія. Чѣмъ чаще будетъ повторено имя, тѣмъ чаще будетъ вставать и идея пораженія, т. е. та самая идея, которая всѣми силами и всѣми средствами изгоняется изъ представленія. Мысль есть уже весь поступокъ въ скрытомъ состояніи, какъ желудь—уже есть дубъ. Поэтому-то Суворовъ запрещалъ употреблять слово «ретирада», какъ вызывающее опредѣленную вредную идею. Слѣдовательно, изгнаніе имени не только изъ оффиціальнаго употребленія, но запрещеніе употреблять его даже въ разговорѣ, принесетъ большую пользу. Укажемъ попутно еще одинъ способъ бороться съ установившимся престижемъ, мало удачнымъ, впрочемъ, но употребленнымъ напримѣръ поляками при Суворовѣ. Они распространяли между своими подчиненными слухъ, что это былъ не «тотъ» Суворовъ, а его однофамилецъ.

Обаяніе, убѣжденіе въ невозможности противодѣйствовать волѣ противника создается его успѣхами. Констатированіе же успѣха является дѣломъ не легкимъ и довольно произвольнымъ. Можно назвать цѣлый рядъ столкновеній, гдѣ обѣ стороны приписывали себѣ успѣхъ. Успѣхъ или неуспѣхъ очевиднѣе всего опредѣляется тамъ, гдѣ цѣль

Библиотека "Руниверс"

дѣйствій ограничивается матеріальными данными: занятіе или оборона извѣстнаго пункта. Успѣхъ становится спорнымъ или болѣе слабымъ, если матеріальнымъ даннымъ придать второстепенное, случайное значеніе, а принять за цѣль событіе, разстроить которое является дѣломъ гораздо болѣе труднымъ. Такъ, опредѣливъ цѣлью столкновенія хотя бы остановку наступленія противника, занять для этого опредѣленный пунктъ А. Пусть непріятель одолѣетъ и займетъ обороняемый пунктъ. Исполненіе цѣли: остановка противника еще не потерпѣла полнаго пораженія. Это можно сдѣлать и послѣ. Этого не удалось только исполнить при пункѣ А, но это можетъ удасться при другомъ пунктѣ Б. При А или при Б—это еще не имѣетъ существеннаго значенія. Точно такъ же, какъ и къ географическимъ пунктамъ, является вреднымъ и пристегиваніе успѣха къ опредѣленнымъ личностямъ. Ихъ смерть въ такомъ случаѣ рѣшаетъ успѣхъ или неуспѣхъ. Это было предусмотрѣно Тюреномъ и Густавомъ-Адольфомъ, смерть которыхъ не отозвалась гибельно на ихъ арміи. Точно также Петръ подъ Полтавой рѣзко отдѣлилъ цѣль боя отъ своей личности. «Вы не должны помышлять, писалъ онъ въ приказѣ, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное».

Первенствующее и рѣшающее значеніе матеріальныхъ пунктовъ при крѣпостной войнѣ порождаетъ крайнюю ея опасность для духа гарнизона. Конечная цѣль гарнизона— отстоять извѣстные топографическіе пункты. По мѣрѣ того, какъ эти пункты, одинъ за другимъ переходятъ въ руки противника, успѣхъ его становится все менѣе и менѣе сомнителенъ. Однако и въ этомъ случаѣ перенесеніе цѣли обороны изъ міра матеріальнаго въ область, гдѣ численность и пушки

Библиотека "Руниверс"

противника безсильны, практикуется опытными начальниками. Такъ, когда союзники медленно, но упорно приближались къ Севастополю, когда Нахимову стало ясно, что успѣхъ непріятеля несомненен и когда послѣ отбитыхъ штурмовъ высказывались предположенія, что непріятельскій успѣхъ остановленъ, Нахимовъ говорилъ: «Пустыя мечты-съ! Мы сражаемся теперь не за Севастополь, а за честь Россіи и за нашу честь! Будетъ ли взятъ городъ, или нѣтъ, не наше дѣло-съ. Мы, умирая, будемъ еще держать оружіе въ рукахъ-съ». Въ самомъ дѣлѣ, разъ что дѣло идетъ о чести Россіи и ея защитниковъ, то успѣхъ противника уничтожался въ корнѣ; даже болѣе того, онъ переносился на сторону гарнизона и поднималъ его духъ.

Руководительство поступками непріятельской арміи.

Изъ общаго обзора столкновеній двухъ армій видно, что ихъ взаимныя отношенія сводятся къ управленію одной изъ нихъ другою, и всѣ принципы управленія, изложенные въ главѣ V, остаются въ полной силѣ и при управленіи непріятельскими войсками. Однако основной принципъ управленія своими войсками, принципъ согласованія предъявляемыхъ требованій съ общими идеями, одушевляющими войско, самъ собою отпадаетъ, такъ какъ именно разница этихъ общихъ идей или ихъ конечныхъ объектовъ и приводитъ къ вооруженнымъ столкновеніямъ. Если разницы этой нѣтъ, то мы будемъ имѣть дѣло либо съ неохотно дѣйствующими войсками, либо съ открытой измѣной. Такъ, войска Годунова, по выраженію современника, «не имѣли рукъ для сѣчи» съ войсками самозванца, ибо общія идеи, ихъ одушевлявшія и которыми пользовались ихъ начальники, были тѣ-же, что и воодушевлявшія войско самозванца

Библиотека "Руниверс"

и имѣли Лжедмитрія конечнымъ объектомъ. Слѣдовательно, самозванецъ управлялъ войсками Годунова и при помощи общихъ идей, приведшими въ концѣ концовъ къ открытой измѣнѣ.

Главное-же основаніе, которымъ управляется непріятельское войско, есть авторитетъ начальника. Авторитетъ этотъ безличенъ, если онъ создается боевыми качествами арміи, и личенъ, когда онъ создается качествами самого начальника. Армія можетъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ перемѣнить цѣлый рядъ начальниковъ и каждый изъ нихъ будетъ пользоваться авторитетомъ надъ непріятелемъ, какъ начальникъ «такихъ-то» войскъ. Наоборотъ: Наполеонъ, Суворовъ, Даву и т. д. пользовались авторитетомъ у непріятеля независимо отъ войскъ, находящихся подъ ихъ начальствомъ. Авторитетъ этотъ достигался тѣми же средствами, какъ и въ своихъ войскахъ: 1) проявленіемъ своей власти, 2) возбужденіемъ любви къ себѣ.

Проявленіе власти слагается изъ строгости, доходящей, когда надо, до жестокости—поведеніе Кромвеля въ Ирландіи — и непремѣннаго достиженія исполненія требуемаго. Такъ Суворовъ, требуя отъ своихъ войскъ исполненія назначеннаго во что бы то ни стало, тѣмъ самымъ подчинялъ себѣ и непріятельскія войска и внѣдрялъ въ нихъ идею невозможности противустоять его распоряженіямъ. Скобелевъ во время Ахалъ-Текинской экспедиціи, послѣ каждой вылазки текинцевъ изъ Геокъ-Тепе и разрушенія нашихъ работъ, настоятельно требовалъ и добивался, чтобы всѣ назначенныя на этотъ день работы были доведены до конца не смотря или вѣрнѣе именно потому, что вылазка ихъ разрушила. Понятно, какъ при этомъ въ текинцахъ уста-

Библиотека "Руниверс"

навливалось убѣжденіе въ безполезности противодѣйствовать предначертаніямъ Скобелева.

Что касается до возбужденія къ себѣ любви среди непріятельскаго войска, то въ дѣлѣ управленія непріятелемъ это имѣетъ, конечно, самое ничтожное значеніе. Во первыхъ самая дѣятельность, направленная къ нанесенію возможно бóльшаго вреда мало способна возбудить любовь, а во вторыхъ если эта любовь и возбуждена, то проявленіе ея въ арміи стѣснено до нуля. Но все-таки ласковое обращеніе съ плѣнными, подача помощи раненому непріятелю и т. п. можетъ оказать кое-какое вліяніе. Покуда непріятельскія войска не деморализованы и ихъ внутренняя организація не расшатана, результатовъ не будетъ никакихъ. Но когда войско разсѣяно, то конечно ненависть къ непріятельскому начальнику ускоритъ ихъ сплоченіе, а любовь замедлитъ или даже воспрепятствуетъ. Такъ нерѣдки бывали примѣры, что, при пораженіи имперскихъ войскъ во время 30-ти лѣтней войны, разсѣянные солдаты собирались вновь уже подъ знаменами Густава-Адольфа.

Постановка въ сознаніи непріятельской арміи желаемой идеи и приданіе ей положительнаго тона.

Для того, чтобы побудить непріятельское войско на какой-либо поступокъ, требуется, какъ и для всякаго поступка, чтобы среди разнообразныхъ идей, господствующее положеніе заняла одна желаемая и чтобы она окрасилась въ положительный тонъ. Но если въ подчиненномъ войскѣ сравнительно легко создать господство желаемой идеи, то это становится затруднительнымъ относительно непріятельскихъ войскъ, въ которомъ уже своимъ начальствомъ и событіями создано господство противуположныхъ идей.

Библиотека "Руниверс"

Поэтому важнѣйшей частью работы будетъ разрушеніе существующаго строя идей. Такъ какъ поступая соотвѣтственно предположеніямъ противника, строй его идей только укрѣпляется, то отсюда вытекаетъ основное правило военнаго искусства: никогда не поступать такъ, какъ предполагаетъ противникъ. Обратно: чѣмъ болѣе въ разрѣзъ предположеніямъ противника поступки, тѣмъ вѣрнѣе ведутъ они къ успѣху. Наконецъ если войска совершаютъ поступки невозможные по мнѣнію противника, если они удивляютъ его своими дѣйствіями, то побѣда уже близка для нихъ. Въ силу этого и создался афоризмъ: побѣдить— значитъ удивить.

Строй мыслей достигается взвѣшиваніемъ идей, возбуждаемыхъ событіями. Появленіе новой идеи побуждаетъ къ новому взвѣшиванію. Чѣмъ рѣшительнѣе будетъ вторженіе новой идеи и чѣмъ она будетъ важнѣе, тѣмъ значительнѣе разрушеніе существующаго порядка идей. Въ этомъ заключается важное значеніе въ военномъ дѣлѣ неожиданности. Неожиданность — это вторженіе въ сознаніе такого факта, который не входилъ въ предварительную борьбу мотивовъ, обусловившую извѣстный поступокъ, а потому уничтожающій господство опредѣленной идеи. Поэтому неожиданность считается лучшей подготовкой непріятельскаго войска для подчиненія его своей волѣ. «Искусно произведенныя внезапныя нападенія всегда удаются. Чѣмъ неожиданнѣе опасность, тѣмъ большей кажется она ему [1]) и первой мыслью внезапно атакованнаго непрія-

---

[1]) Такъ какъ идеи, составляющія противовѣсъ ей, не успѣваютъ появиться.

Библиотека "Руниверс"

теля есть не сопротивленіе, а бѣгство», такъ говорилъ Суворовъ.

Когда группировка идей непріятеля разрушена, тогда надлежитъ выдвинуть идею подчиненія его поступковъ нашей волѣ и въ то-же время, если мы намѣрены заставить непріятеля отступить, то обратить его мысли назадъ, что всегда ассоціируется съ идеей слабости. Всѣ фланговыя движенія Фридриха II передъ австрійцами сводятся къ слѣдующему: строй мыслей австрійцевъ направленъ къ отраженію атакъ прусаковъ съ фронта. Фридрихъ разрушаетъ этотъ строй идей, угрожая атакой съ фланга. Тѣмъ самымъ онъ принуждаетъ австрійцевъ перемѣнить фронтъ, т. е. совершить поступокъ, къ которому принуждаетъ ихъ Фридрихъ, другими словами подчиняетъ ихъ своей волѣ. Уже съ этого момента побѣда Фридриха начинаетъ осуществляться.

Крайне отчетливо выступаетъ логическое воздѣйствіе на непріятеля въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ Суворова. Уже выше приведено его мнѣніе о неожиданности. Онъ пользовался ею для разрушенія строя идей противника во всѣхъ своихъ операціяхъ. Изумительная быстрота его маршей давала ему въ руки это могучее средство. Но не только ею достигалось разрушеніе идей противника. Во время польской кампаніи, узнавъ о занятіи Сѣраковскимъ у Бреста позиціи, Суворовъ подходитъ вечеромъ на шесть верстъ отъ поляковъ и останавливается скрытно за лѣсистымъ холмомъ. Въ 1 часъ ночи онъ трогается въ обходъ позиціи поляковъ. Когда поляки обнаружили движеніе и обходъ русскихъ, они принуждены были перемѣнить позицію подъ прямымъ угломъ. Перестроеніе было совершено въ порядкѣ, и поляки открыли артиллерійскій огонь, но вскорѣ

Библиотека "Руниверс"

Сѣраковскій приказалъ имъ отступать. Какъ только поляки начали отступленіе, такъ Суворовъ бросилъ всю кавалерію и часть пѣхоты впередъ. Произошелъ бой, и поляки были разбиты. На этомъ примѣрѣ мы видимъ, какъ неожиданностью ночнаго наступленія и обходомъ фланга Суворовъ начинаетъ побѣду, разрушая установившіяся у поляковъ идеи. Второй моментъ—поляки подчиняются его волѣ и мѣняютъ фронтъ. Но идеи уже расшатаны; въ душѣ Сѣраковскаго не возстановляется единства—и онъ приказываетъ отступать. Главенства этой идеи и добивался Суворовъ. Немедленно онъ усиляетъ ее энергическимъ нападеніемъ и довершаетъ побѣду.

Другой поразительный примѣръ—это бой съ поляками же у д. Орѣхово. Пользуясь неожиданностью своего появленія, Суворовъ прорывается черезъ мостъ, отдѣляющій его отъ поляковъ. Раньше чѣмъ они могли броситься на разстроенныя переходомъ черезъ мостъ русскія войска, Суворовъ бросаетъ свою кавалерію на то, чѣмъ поляки болѣе всего дорожили и за что больше всего опасались—на ихъ артиллерію. Поляки убираютъ свои орудія, а русскій отрядъ выстраивается тыломъ къ лѣсу. Поляки, увѣренные въ побѣдѣ, бросаютъ на него свою многочисленную конницу. Но и эта идея разрушается стойкостью русскаго войска. Когда идеи поляковъ въ достаточной мѣрѣ потеряли свое единство и пришли въ разстройство, тогда Суворовъ, чтобы обратить ихъ мысли назадъ, приказываетъ артиллеріи зажечь деревню Орѣхово, находящуюся въ тылу у поляковъ. Остается только усилить эту идею, чтò и достигается рѣшительной атакой, обращающей поляковъ въ бѣгство. Обращеніе вниманія противника на тылъ было примѣнено Суворовымъ и

Библиотека "Руниверс"

въ бою при Треббіи. Тамъ онъ отдалъ приказаніе: «Казакамъ, коимъ удобнѣе, испортить мостъ на р. Таро (въ тылу французовъ) и тѣмъ зачать отчаяніе».

Во время турецкой войны, Суворовъ съ 3-мя тысячами войска находился у Гирсова. Узнавъ, что 10 тысячъ турокъ наступаютъ на него, онъ высылаетъ впередъ казаковъ съ приказаніемъ: сначала упорно обороняться, а затѣмъ поспѣшно отступать. Этимъ маневромъ достигается смѣна идей у турокъ. Они наступаютъ на укрѣпленія, занятыя нашей пѣхотой. Молчаніе нашихъ войскъ укрѣпляетъ въ туркахъ мысль о легкомъ продолженіи побѣды надъ казаками. Съ полу-картечнаго выстрѣла турки завершаютъ побѣду—бросаются въ штыки. Тутъ-то строй ихъ идей подвергается страшному испытанію: ихъ обдаютъ градомъ пуль и картечей. Наступленіе ихъ пріостановлено, мысли въ колебаніи. Въ это время засада изъ бригады пѣхоты съ конницей обрушивается на флангъ турокъ и навязываетъ имъ идею пораженія и бѣгства. Турки бѣгутъ, а русскіе ихъ преслѣдуютъ. Рѣшающее значеніе контръ-атаки, когда напряженіе противника достигло апогея, было, какъ извѣстно, примѣнено Донскимъ во время Куликовской битвы. Въ этомъ бою замѣчательно поведеніе боярина Боброка, съ огромной выдержкой уловившаго нужный моментъ для производства контр-атаки.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что управленіе непріятелемъ сводится къ 1) разрушенію созданнаго въ немъ единства идей для чего: а) отнюдь не усиливать господствующей идеи, поступая соотвѣтственно ей, а наоборотъ ослабить это господство, группируя событія такъ, чтобы они шли въ разрѣзъ ей; б) поднять подавленныя идеи страданія и смерти и возбуждать страхъ; в) ослабить

Библиотека "Руниверс"

идеи, противодѣйствующія страху, какъ-то: честолюбія, вѣры, родины и т. д. 2) Когда единство разрушено, надо поставить главенство идеи необходимости подчиненія и придать этой идеѣ положительный чувственный тонъ, сознаніемъ, что только ею сохраняется жизнь.

Библиотека "Руниверс"

Того-же автора
Право войны . . . ц. 40
Война и собственность „ 90

Цѣна 1 руб. 20 коп.
перес. за 1 ф. по разстоянію.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.
Складъ при редакціи журнала «Досугъ и Дѣло». Фонтанка, 145

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"